

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского**

На правах рукописи

Костригин Артем Андреевич

**АКТУАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
НАСЛЕДИЯ В.А. СНЕГИРЕВА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ**

Специальность: 19.00.01 общая психология, психология личности, история
психологии.

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор
Мазилев Владимир Александрович

Ярославль, 2019

Содержание

Введение	4
Глава 1. Структура психологической науки в России XIX в.: умозрительное и интроспективное направления	13
1.1. Историографический анализ проблемы классификации направлений психологической науки в России в XIX в.....	14
1.2. Концептуальные основы умозрительного и интроспективного направлений российской психологической мысли XIX в.	28
1.3. Место научного творчества В.А. Снегирева в структуре психологической науки в России в XIX в.	54
Выводы по главе 1	57
Глава 2. Реконструкция научной биографии В.А. Снегирева	59
2.1. Жизненный путь В.А. Снегирева	59
2.2. Историография анализа научного наследия В.А. Снегирева.....	69
2.3. Истоки психологических взглядов В.А. Снегирева	74
Выводы по главе 2.....	91
Глава 3. Психологические концепции В.А. Снегирева.....	93
3.1. В.А. Снегирев о месте психологии в системе наук	94
3.2. Взгляды В.А. Снегирева в отношении методологических основ психологической науки.....	97
3.3. Специфика взглядов В.А. Снегирев на познавательную деятельность и знание.....	103
3.4. Представления В.А. Снегирева о самосознании личности	110
3.5. Психологическая концепция чувствований в трудах В.А. Снегирева ...	118
3.6. Психология духовности в научном наследии В.А. Снегирева	138
3.7. Научные взгляды В.А. Снегирева о психологии волевых процессов	143
3.8. Отношение В.А. Снегирева к психологии сна и сновидений	150

3.9. Вклад В.А. Снегирева в историю психологии: первый русский перевод трактата Аристотеля «О душе»	159
3.10. Влияние психологических идей В.А. Снегирева на мыслителей конца XIX-начала XX вв.	170
3.11. Значимость психологических взглядов В.А. Снегирева для современной психологии.....	178
Выводы по главе 3.....	182
Заключение	185
Список литературы	189

Введение

Актуальность исследования.

В настоящее время актуально изучение истоков различных направлений психологии, освещение этапов становления психологического знания. Исследование истории развития психологической науки и научного наследия персоналий, участвовавших в ее становлении, является важным для поиска преемственности идей и понимания современной методологии науки. Психологическая мысль второй половины XIX в. в России заслуживает пристального внимания, т.к. ученые именно этого периода заложили основы традиций психологической науки в нашей стране. Разработанные психологические концепции того времени были очень разнородными: от сугубо религиозных и умозрительных до крайне физиологических и вульгарно материалистических. Такая ситуация способствовала открытым и плодотворным научным дискуссиям, которые проходили, в том числе, и в печати.

Одним из важных направлений историко-психологических исследований является анализ научного творчества персоналий (К.А. Абульханова, В.В. Аншакова, О.А. Артемьева, Б.С. Братусь, С.А. Богданчиков, В.В. Большакова, Е.А. Будилова, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.В. Левченко, Д.А. Леонтьев, Н.А. Логинова, Т.Д. Марцинковская, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник, А.В. Петровский, И.Е. Сироткина, Н.Ю. Стоюхина, Б.М. Теплов, В.В. Умрихин, Д.В. Ушаков, Е.Н. Холондович, М.Г. Ярошевский и др.); работы последнего времени характеризуются обращением также и к малоизвестным, забытым именам. Это является позитивной тенденцией области истории психологии, т.к. в отечественной и зарубежной психологии существует еще достаточно много пробелов, неосмысленных концепций и недооцененных мыслителей, что происходило по разным причинам, по меньшей мере, потому, что идеи того или иного

автора показались не своевременными или не гармонирующими с доминантами текущего момента. Возвращение таких имен – одна из задач истории психологии, если она намерена отражать развитие психологической науки в определенной стране в полном объеме.

Среди ряда забытых и малоизвестных имен в психологии XIX в. мы обращаемся к научному творчеству казанского психолога, философа и богослова Вениамина Алексеевича Снегирева (1841-1889). Будучи выпускником духовной семинарии и преподавателем духовной академии, он относился к тому блестяще образованному и оригинально мыслящему поколению ученых, которых в современном гуманитарном знании обозначают как представителей духовно-академической философии и психологии: в их трудах «на профессиональном уровне анализировались онтологические, гносеологические, психологические и антропологические проблемы» (Цвык И.В., 2014, с. 179). В.В. Зеньковский так писал о теоретико-методологических и мировоззренческих основах возникновения этого явления: «С одной стороны, православная догматика, святоотеческая литература определяли основные грани и пути размышлений, с другой стороны, богатая философская литература Западной Европы создавала возможность выбора между теми или иными философскими направлениями “христианской философии”. <...> именно в духовных академиях впервые возникает идея своей национальной философии, опирающейся на учение Церкви, и в то же время в свободном синтезе использующей идеи западноевропейской философии» (Зеньковский В.В., 2001, с. 291). И мы добавим: возникла идея создания не только «национальной философии», но и отечественной психологии, подарившей науке множество оригинальных концепций.

Исследование психологических взглядов В.А. Снегирева позволит определить его место в отечественной психологии и вклад в ее развитие; впервые комплексно описать научное наследие ученого; проанализировать

контекст научной деятельности В.А. Снегирева, рассмотрев структуру направлений психологической науки в конце XIX в.

Степень разработанности темы исследования.

Изучением творчества и биографии В.А. Снегирева занималось достаточно широкое количество исследователей. Некоторые биографические данные представлены в работах В.И. Несмелова (1889), Н.П. Загоскина (1900), С.А. Терновского (1892), И.В. Цвык (2002, 2014); аналитические исследования творчества ученого изложены в работах Д. Авдеева (2012), А.Р. Батыршиной и В.А. Мазилова (2015), Е.С. Бекжановой (2017), А.В. Белова (2017), В.В. Бондаренко (2017, 2018), М. Вержболовича (1895), Е.К. Веселовой (2009, 2017), Н.К. Гаврюшина (2011), М.Я. Дворецкой (2006, 2017), Ю.М. Зенько (2007, 2012, 2018), Д.В. Иванова (2006), В.Н. Ивановского (1893), А.В. Катунина (2017), В.А. Кольцовой (1998), И.П. Печеранского (2013), Ф.Ф. Серебрякова (2009), Ю.А. Стоянова (2004), А.О. Туриной (2017), П.В. Ходзинского (2016), Л.Ф. Шеховцовой (2012; 2015); его работы упоминаются в дореволюционных и советских руководствах и учебниках по психологии (А.И. Введенский (1908), С.Л. Рубинштейн (2003), Г.И. Челпанов (1915)).

Переиздаются некоторые работы ученого: учебник «Психология. Систематический курс лекций» (2008), отдельные главы из учебника «Общая характеристика душевных явлений» (Общая психология. Тексты, 2013, с. 266-269), «Волнения деятельности и скуки» (Общая психология. Тексты, 2013, с. 275-280), «Субстанциальность человеческой души. Самопознание и личность» (2015) и статья «Науки о человеке» (2017).

Научная и философская востребованность трудов и актуальность обращения к психологическим идеям В.А. Снегирева обуславливает **научную проблему** данной работы – комплексное исследование научного наследия Вениамина Алексеевича Снегирева.

Объект исследования – научные труды В.А. Снегирева, его жизненный и творческий путь, архивные материалы.

Предмет исследования – психологические взгляды В.А. Снегирева в области методологии психологии, психологии личности, психологии познавательных, эмоциональных и волевых процессов, психологии сна и сновидений, истории психологии.

Цель исследования – историко-психологическое исследование научной биографии В.А. Снегирева, систематизация его психологических взглядов и оценка вклада ученого в развитие отечественной психологии.

Гипотеза исследования: психологические идеи В.А. Снегирева в области методологии психологии, психологии нравственного и религиозного чувства и духовности могут быть востребованы на современном этапе развития отечественной психологии.

Задачи исследования:

1) проанализировать структуру направлений психологической науки в XIX в., в контексте которых работал В.А. Снегирев;

2) выделить основные этапы жизненного и творческого пути В.А. Снегирева, истоки и факторы формирования его научного мировоззрения, особенности научного подхода к разработке методологических основ психологии;

3) охарактеризовать общепсихологические воззрения В.А. Снегирева, его трактовку природы психического, познавательных процессов и эмоционально-чувственной сферы личности;

4) представить психологические аспекты духовности, изложенные в трудах В.А. Снегирева;

5) раскрыть психологические взгляды В.А. Снегирева в области психологии сна и сновидений;

6) выявить особенности концепции самосознания личности, развиваемой В.А. Снегиревым;

7) представить В.А. Снегирева как первого русского переводчика трактата Аристотеля «О душе» и провести сравнительный анализ существующих переводов;

8) оценить значение психологического наследия В.А. Снегирева для развития отечественной психологической науки.

Методологическую базу и теоретическую основу исследования составляют основополагающие принципы историко-психологического исследования: принципы детерминизма, развития, системности, единства социального, предметно-логического и личностного аспектов в исследовании психологического познания (Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, Е.А. Будилова, А.Н. Ждан, В.А. Кольцова, Б.Ф. Ломов, В.А. Мазиллов, Т.Д. Марцинковская, Ю.Н. Олейник, С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.В. Юревич, М.Г. Ярошевский и др.).

Методы исследования: историко-психологическая реконструкция научного наследия ученого; сравнительно-сопоставительный метод; источниковедческий анализ; архивный метод; проблемологический метод; общенаучные методы анализа, обобщения и систематизации идей В.А. Снегирева.

Основные источники исследования: труды В.А. Снегирева (в том числе, неизданные лекции), труды отечественных ученых и богословов XIX в., посвященные общепсихологическим вопросам (П.С. Авсеньев, М.И. Владиславлев, А.И. Галич, С.С. Гогоцкий, Ф.А. Голубинский, Н.Я. Грот, О.М. Новицкий, М.М. Троицкий, П.Д. Юркевич), перевод трактата Аристотеля «О душе», осуществленного П.С. Поповым, архивные материалы, обнаруженные в Центральном архиве Нижегородской области, Государственном архиве Нижегородской области г. Балахны, Государственном архиве Республики Татарстан, работы советских и современных российских историков и теоретиков психологии по вопросам классификации направлений психологической науки в России в конце XIX – начале XX в. (Б.Г. Ананьев, В.В. Аншакова, О.А. Артемьева, С.А. Богданчиков, В.В. Большакова, Е.А. Будилова, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, Ю.М. Зенько, В.А. Кольцова, Е.В. Левченко, Т.Д. Марцинковская, Ю.Н. Олейник, А.В. Петровский, И.Е. Сироткина, М.Г. Ярошевский).

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении психологических концепций В.А. Снегирева, представляющих важное значение для анализа истоков советских и современных психологических подходов к методологии психологии, психологии личности, психологии сновидений, истории психологии, психологии познавательных эмоциональных и волевых процессов.

Выделены новые научные идеи В.А. Снегирева и концептуальные основания разработки вопросов психологии личности: концепция развития самосознания личности, представление о единстве и однородности мыслительных процессов, модель сложности чувствований, представление о культурно-историческом аспекте сновидений.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты могут использоваться в учебно-педагогической практике при составлении курса лекций и семинарских занятий по методологии психологии, истории психологии, психологии личности.

Научная новизна исследования состоит в комплексном изучении психологического наследия В.А. Снегирева; в систематизации его взглядов на методологию психологии, психологию познавательных, эмоциональных и волевых процессов, подход к изучению сновидений; в определении его вклада в историю психологии; в разработке периодизации научного творчества ученого. На основе архивных исследований в научный оборот вводятся новые данные, характеризующие личность и деятельность В.А. Снегирева как психолога.

На защиту выносятся следующие положения:

1) программа развития психологической науки, согласно В.А. Снегиреву, заключается в объединении разнонаправленных тенденций: спиритуалистическая (субстанциальность души), интроспективная (душевные явления) и физиологическая (материальный субстрат) стороны составляют комплексный объект психологии – душу (психику);

2) исходным положением психологических воззрений В.А. Снегирева является постулат о единстве всех психических явлений и их взаимовлиянии друг на друга, что выражается в концепции «живой личности», психики как «живого», постоянно развивающегося и изменяющегося процесса;

3) модель развития самосознания личности В.А. Снегирева представляет собой многоаспектный динамический подход к анализу чувства и образа себя.

4) теория чувствований В.А. Снегирева является подходом, преодолевающим редукционистскую линию сведения всех эмоций и чувств к двум простейшим – удовольствию и неудовольствию/страданию;

5) при рассмотрении познавательных/умственных процессов В.А. Снегирев обосновывает подход их единства и однородности, демонстрируя отход от позиции разделения человеческого мышления на рассудок и разум;

6) психологическая сущность духовности заключается в признании субстанциональности души, определения самосознания источником становления личности, реализации свободы воли и развития нравственного и религиозного сознания;

7) перевод трактата Аристотеля «О душе», выполненный В.А. Снегиревым, является первым в истории психологии и философии и представляет собой работу, обусловленную философско-научным контекстом. Сравнительный анализ переводов трактата демонстрирует различия в философско-психологических дискурсах ученых-переводчиков, что обусловлено особенностями психологической эпохи.

Достоверность и обоснованность выдвигаемых положений и сформулированных выводов определяется адекватностью применяемых методов предмету исследования, репрезентативностью базы источников, реализацией методологических принципов историко-психологического исследования.

Апробация исследования.

Основные положения исследования обсуждались на всероссийских и международных конференциях: «Арзамасские чтения – 3: история и актуальные проблемы социально-психологического знания» (Арзамас, 24-25 сентября 2014 г.), III Международная научно-практическая конференция «Фрейд и русские: забытые судьбы и открытия» (Ижевск, 7-9 октября 2015 г.), VII международная научно-практическая конференция «Системогенез учебной и профессиональной деятельности» (Ярославль, 20-22 октября 2015 г.), V Международная конференция «Психология индивидуальности» (Москва, 9-11 декабря 2015 г.), Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность» (Москва, 25-27 апреля 2016 г.), Международная научная школа «Парадигма. Зима-2016» (Варна, Болгария, 22-26 февраля 2016 г.), Международная школа молодых ученых «Междисциплинарные историко-научные исследования: вступая в XXI век» (Москва, 2-4 ноября 2016 г.), Всероссийская научная конференция «Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий» (Вологда, 2-3 июня 2017 г.), Международная научно-практическая конференция «Перспективы психологической науки и практики» (Москва, 16 июня 2017 г.), Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире» (Минск, Беларусь, 18-20 октября 2017 г.), Всероссийский психологический форум «Съезд Российского психологического общества» (Казань, 5-7 октября 2017 г.), Первый Конгресс Русского общества истории и философии науки «История и философия науки в эпоху перемен» (Москва, 14-16 сентября 2018 г.), VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Системогенез учебной и профессиональной деятельности» (Ярославль, 19-20 ноября 2018 г.).

По результатам исследования опубликовано 47 статей, из них 8 в журналах ВАК (Психология и Психотехника, № 1, 2015; Ярославский педагогический вестник, № 3, 2015; Вестник Православного Свято-

Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия 4: Педагогика. Психология, № 3, 2016; Ярославский педагогический вестник, № 6, 2016; Психология и Психотехника, № 9, 2016; Ярославский педагогический вестник, № 3, 2018; Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки, № 4, 2018; Ярославский педагогический вестник, № 6, 2018) и 1 в журнале, входящем в базу данных SCOPUS (Psychology in Russia: State of the Art, № 10 (1), 2017).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, 4 таблиц, списка литературы и источников, включающего 273 наименований. Диссертационное исследование изложено на 210 страницах.

Глава 1. Структура психологической науки в России XIX в.: умозрительное и интроспективное направления

Рассматривая творчество В.А. Снегирева, необходимо проанализировать контекст, в котором ученый разрабатывал свои концепции, обрисовать структуру психологической науки второй половины XIX в., т.е. определить особенности психологии в определенный период становления науки в России (Олейник, 2008). В данный период наблюдается интенсивное развитие всех направлений науки, культуры и искусства. Известный специалист в области интеллектуальной истории и истории культуры М.М. Карпович отмечает, что интеллектуальными особенностями рубежа XIX-XX вв. являются многообразие и дифференциация. Социокультурными условиями формирования интеллектуальной атмосферы того времени выступают политическая активность, автономия культуры, тяготение к метафизике и мистике, доминирование в философии идеализма и религиозных идей, увлечение эстетическими вопросами. Культурные доминанты были противоречивыми: с одной стороны, проявляется неоромантизм в искусстве и художественных практиках, с другой – реализм в социальной и политической сферах (Карпович, 2015, с. 247).

Собственные изменения происходят и в психологии: формируется осознание своей самостоятельности и освобождение от философских и религиозных догматов, возникает большое количество программ развития психологии, проявляется противоречивость взглядов на душу и борьба за доминирующее положение, наконец, формирование ведущей проблематики – поиск психологией своей идентичности и собственного пути, который зачастую приводил к заимствованию идей из других областей (физиологии, педагогики, богословия, философии, религии и др.). Таким образом, к концу XIX в. сложилось несколько направлений в психологической науке, описание принципов разделения которых в настоящее время приобретают высокую значимость.

Направления периода рубежа XIX-XX вв., по нашему мнению, могут быть охарактеризованы как умозрительное (концепции основаны на умозрении), интроспективное (концепции основаны на результатах самонаблюдения) и экспериментальное (подходы основаны на результатах экспериментальных исследований и измерений). По нашим данным и по результатам анализа работ ученого, В.А. Снегирев не проводил экспериментов и измерений, для собственных концепций он применял умозрение и интроспекцию. Таким образом, в нашем исследовании мы сосредоточим внимание на неэкспериментальной психологии. Более того, положение неэкспериментальной психологии конца XIX в. является проблемным: имеется множество названий (эмпирическая, идеалистическая, философская, религиозно-философская, духовно-нравственная и др.); не существует общепринятого представления о границах направления, концептуальных основах, ее представителях.

Рассмотрим подходы различных исследователей относительно структуры психологической мысли указанного периода и их подходы к определению неэкспериментальной психологии в России.

1.1. Историографический анализ проблемы классификации направлений психологической науки в России в XIX в.

Советские историки психологии о направлениях российской психологии в XIX в.

Психология конца XIX в., как своеобразное начало данной науки, интересовала советских ученых.

Б.Г. Ананьев отмечает существование двух противоборствующих направлений в дореволюционной психологии – материалистического и идеалистического. По его мнению, наибольшие заслуги в развитии психологии принадлежат материалистическому направлению: «самым

возникновением своим и национальными особенностями своего развития русская научная психология во многом обязана русскому философскому материализму» (Ананьев, 1947, с. 7), т.е. в становлении научной психологии участвовали не только психологи, но и все сторонники естественно-научного подхода к познанию человека. «Психология многим обязана также участию всей передовой русской науки в решении основных психологических проблем. Не только великий корифей русской физиологии, непосредственно разрабатывающий психофизиологические проблемы, И.П. Павлов, не только невропатолог и психиатр Бехтерев и анатом Лесгафт, но и биологи Тимирязев и Северцев, химик и физик Менделеев, лингвист Потебня, педагог Ушинский в той или иной степени принимали участие в борьбе за научное понимание в психологии. Великие традиции всей передовой русской науки – материалистические, демократические и гуманистические – определили пути и успехи русской научной психологии» (Ананьев, 1947, с. 8). Идеалистическая же психология, как считает Б.Г. Ананьев, только тормозила развитие психологической науки. Обсуждая характер идей таких философов-психологов, как Ф.А. Голубинский, С.Н. Трубецкой, Л.М. Лопатин, А.И. Введенский, Б.Г. Ананьев заключает: «В этом стремлении тянуть психологию назад, в лоно богословия и сделать ее опорой церкви Голубинский был не одинок. Даже в 90-х годах, когда широко развернулась работа экспериментально-психологических лабораторий, С.Н. Трубецкой, Лопатин, А. Введенский и другие трудились над подобной реставрацией средневековья» (Ананьев, 1947, с. 153). Тем не менее, советский психолог уделяет значительное внимание идеалистической психологии, упоминая многие имена: кроме уже названных, также М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, С.С. Гогоцкий, Н.Я. Грот, Вл. Соловьев, Н.Н. Страхов, А.А. Козлов. К числу же материалистической (научной) психологии Б.Г. Ананьев относит И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, С.С. Корсакова, П.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского, А.А. Токарского, Н.Н. Ланге, В.Ф. Чиж, К.Д. Кавелина. Как о предшественниках материалистической точки зрения он

говорит о Т.Ф. Осиповском, П.М. Любовском, И.А. Кедрове, А.И. Герцене, В.Ф. Одоевском.

По мнению Б.Г. Ананьева, характеристиками идеалистической психологии являются: единство разума и веры, науки и церкви; бессмертие души, спиритическое общение душ; «психологизация истории, теории права, искусства, хозяйства, культуры» (Ананьев, 1947, с. 154), тот факт, что «сознание творит и определяет внешний мир» (Ананьев, 1947, с. 157); признание существования отвлеченной «силы духа»; субъективный метод (интроспекция).

А.В. Петровский выделяет в дореволюционное время три направления в русской психологии: философская умозрительная (метафизическая), естественнонаучная и эмпирическая. К философской умозрительной психологии он относит Л.М. Лопатина, А.И. Введенского, С.Л. Франка, И.И. Лапшина, В.В. Зеньковский и др., тех мыслителей, которые представляют школы философского идеализма, обосновывающего субстанциональность души, связанного с православной философией и выступающего против материализма. Естественнонаучное направление было представлено В.М. Бехтеревым, В.А. Вагнером, П.Ф. Лесгафтом, А.Ф. Лазурским, Н.Н. Ланге и др. Эти ученые активно использовали достижения естественных наук: физиологии, медицины, зоологии; опирались на эволюционное учение; придерживались материалистической точки зрения на психическую деятельность; применяли рефлекторный принцип к объяснению многих психических явлений. В рамках эмпирической психологии работали А.П. Нечаев, Г.И. Россолимо, И.А. Сикорский, В.Ф. Чиж, Г.И. Челпанов. В своих концепциях они частично опирались на философский идеализм, частично использовали некоторые экспериментальные методы изучения психики.

Еще один советский историк психологии Е.А. Будилова, также придерживаясь марксистских позиций в психологии, выделяет две психологии в XIX в. – материалистическую и идеалистическую, причем последняя

занимала «в дореволюционной России руководящие позиции <...>, издавна крепко связанная с идеалистической философией и православной церковью. Философы, занимавшие университетские кафедры и преподававшие психологию в высших и средних учебных заведениях, готовили психологов на основе идеалистической философии. Пользувавшаяся поддержкой самодержавия, располагавшая мощным пропагандистским аппаратом православной церкви с ее многочисленными духовными учебными заведениями, владевшая кафедрами университетов, идеалистическая философия в царской России рьяно боролась с материалистическим направлением в психологии, всемерно подавляла его развитие» (Будилова, 1972, с. 7).

Идеалистическая психология характеризуется признанием самостоятельности духа и независимости его от материи, бессмертием души, использованием интроспективного метода, изучением отдельного индивидуума (в противоположность диалектико-марксистской психологии, изучающей человека в рамках социума). К представителям идеалистической психологии Е.А. Будилова относит Ф.А. Голубинского, П.Д. Юркевича, М.М. Троицкого, П.Ф. Каптерева, С.С. Гогоцкого, М.И. Владиславлева, Г.В. Струве, С.П. Автократова, Н.Н. Страхова, К.Д. Кавелина, Л.М. Лопатина, А.И. Введенского, С.Л. Франка, Н.О. Лосского, И.И. Лапшина, например, «Лопатин объявлял бессмертие души теоретически и морально необходимым постулатом, призывал искать истину в религии, укрепление которой считал неотложной задачей современной мысли» (Будилова, 1960, с. 8-9).

Описывая становление идеалистической психологии, Е.А. Будилова к ее истокам относит философию Рене Декарта и разработанный им интроспективный метод познания души; большой вклад внес в дальнейшем Джон Локк, который ввел понятие опытного познания и разработал начала эмпирической психологии. Подход Декарта Е.А. Будилова называет рационалистической психологией, а подход Локка – эмпирической. «В зависимости от того, что становилось предметом изучения – исследование

сущности души или описание душевных явлений, данных во внутреннем опыте, – психология разделилась на рационалистическую и эмпирическую. Однако оба направления принимали, по сути дела, одну и ту же концепцию психического и признавали методом психологического познания субъективный метод» (Будилова, 1960, с. 6). В России XIX в. «идеалистическая интроспективная психология сливалась с религиозно-философскими учениями православной церкви о душе» (Будилова, 1960, с. 12). Внутри этого направления выделялись сторонники английского эмпиризма (М.М. Троицкий, П.Ф. Каптерев) и немецкого идеализма (С.С. Гогоцкий, М.И. Владиславлев, Г.Е. Струве, С.П. Автократов).

Необходимо сказать, что и Б.Г. Ананьев, и Е.А. Будилова отмечают существование и экспериментальной психологии, бывшей как бы обслуживающим направлением той или иной философской позиции в психологии. Экспериментальная психология материалистического толка – это проводимые в психологических лабораториях эксперименты А.Ф. Лазурского, А.П. Нечаева, Н.Н. Ланге, П.П. Блонского, В.А. Вагнера и других. К идеалистической экспериментальной психологии советские ученые относят Г.И. Челпанова, против которого выступали многие психологи в 1920-е гг.

Современные исследователи о направлениях русской психологии в XIX в.

М.Г. Ярошевский видит два крупных вектора в русской психологии второй половины XIX в. – естественно-научное и религиозно-философское. «К антропологическому принципу Чернышевского восходит русский путь в науке о поведении – от И.М. Сеченова до И.П. Павлова и А.А. Ухтомского. К теологическому принципу В.С. Соловьева восходит апология "нового религиозного сознания" в трудах Н.А. Бердяева, С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Л. Франка и др. И новое учение о поведении, и апология "нового религиозного сознания" являлись плодами русской мысли, двух ее мощных

течений – естественнонаучного и религиозно-философского» (Ярошевский, 1996, с. 314). Основоположниками последнего являются П.Д. Юркевич и Вл. Соловьев. «Юркевич отстаивал “опытную психологию”, согласно которой психические явления принадлежат к миру, лишенному всех определений, свойственных физическим телам, и познаваемы в своей сущности только субъектом, который непосредственно их переживает» (Ярошевский, 1996, с. 315). Опытная психология означала эмпирическую направленность, однако это была субъективная эмпиричность.

Также М.Г. Ярошевским (совместно с Т.Д. Марцинковской, написавшей обсуждаемую главу в книге М.Г. Ярошевского) отмечается еще и университетская психология, но не как методологическое направление, а как институциональный источник формирования науки.

В.В. Большакова в своих «Очерках по истории русской психологии» уделила внимание исключительно представителям религиозно-философской/интроспективной психологии: М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, В.С. Соловьев, И.И. Лапшин. Она употребляет известную советскую дихотомию «идеалистическая/ материалистическая психология», хотя сама придерживается несколько других терминов для обозначения направлений в российской психологии XIX в. – теоретическая и экспериментальная психология: «философы тяготели к общим, теоретическим вопросам психологии, а профессора медицины обращались к лабораторному эксперименту в силу прикладного характера их науки» (Большакова, 1997, с. 4).

В.А. Кольцова выделяет три направления психологии на рубеже XIX-XX вв.: экспериментальное (естественно-научное), эмпирическое и религиозно-философское (идеалистическое).

Эмпирическая психология, представителями которой являлись М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов, А.П. Нечаев, утверждала «специфичность психических явлений в силу их независимости от явлений физиологического и физического ряда, приверженность идеям

эмпиризма, признание необходимости опытного пути развития психологии и использования эксперимента при сохранении в качестве главного метода исследования психики интроспекции» (Кольцова, 1997, с. 33). По мнению В.А. Кольцовой, психологи-эмпирики ориентировались, скорее, не на традиционные отечественные концепции о человеке, а на модернистские подходы европейских мыслителей относительно предмета и методов психологического исследования.

Основой идеалистической психологии были философия и религия. Согласно В.А. Кольцовой, ее характерными положениями являлись следующие (Кольцова, с. 39-41):

- 1) признание души опытно переживаемым и открытым субъекту явлением, внутренним миром личностных состояний;
- 2) признание души человека субстанцией, самостоятельной сущностью;
- 3) преобладание идеалистического взгляда на сущность душевных феноменов, признание наличия их собственных законов и механизмов протекания, отличных от законов материального мира;
- 4) обоснование непрерывности душевных процессов;
- 5) объединение веры и разума внутри личности;
- 6) признание безусловности свободы воли человека.

О.А. Артемьева выделяет два «лагеря» в русской психологической мысли XIX в.: «В первый вошли представители нарождающейся экспериментальной психологии, в частности И.М Сеченов, Н.Н. Ланге, В.М. Бехтерев, А.П. Нечаев и др.; во второй – сторонники христианской антропологии, описательной психологии, богословия А.И. Введенский, М.И. Владиславлев, В.И. Несмелов и др.» (Артемьева, 2012, с. 102). Придерживаясь двух понятий в отношении обсуждаемого направления: «русская религиозно-философская психология» и «русская духовная психология», описывая его сущность через «утверждение приоритета религиозного, христианского подхода в изучении души русского народа» (Артемьева, 2012, с. 105), О.А. Артемьева определяет особенности социальной

детерминации психологической мысли в России на рубеже XIX-XX в. и выделяет этапы развития религиозно-философского направления (Артемьева, 2012, с. 109):

1) X-XVI вв. – 1-я половина XIX в. – развитие богословских и религиозно-философских воззрений на душевную жизнь;

2) 1860-1880-е гг. – разработка собственной программы и пути развития психологии со стороны богословия и религиозной философии при поддержке института церкви и государственной политике;

3) 80-е гг. XIX в. – начало XX в. – формирование и активное научное и общественное участие сообщества психологов религиозно-философского направления в судьбах психологии;

4) после 1918 г. – уход религиозных мыслителей из российского и советского научного и философского дискурса, продолжение развития психологии в эмиграции.

Факторами такого становления религиозно-философской и богословской психологии являются (Артемьева, 2012, с. 110):

1) признание церкви и Священного писания как источника знаний о душе;

2) развитие религиозных концепций как относительно окружающего мира, так и человека;

3) признание института церкви ведущим условием формирования и социализации личности;

4) духовные академии как образовательные центры, влияющие на мировоззрение личности;

5) образование такой специфической группы как интеллигенция, которая выступала с предложениями по изменению общественного уклада и закреплению ценностей, обязательных для каждого человека.

В.В. Аншакова перечисляет следующие направления отечественной психологии XIX в.: экспериментальное, использующее объективный метод и естественно-научную парадигму (Н.Н. Ланге, В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский,

И.А. Сикорский); эмпирическое, ставящее в центр изучения психики феноменологическое изучение и описание внутреннего психического мира человека, познаваемого методом самонаблюдения (М.И. Владиславлев, Н.Я. Грот, А.П. Нечаев, М.М. Троицкий, Г.И. Челпанов); духовно-нравственное, опирающееся на христианскую антропологию, включающее в себя богословское (Никанор, архиепископ Херсонский, митрополит Антоний (Храповицкий), В.И. Несмелов, М.М. Тареев, В.В. Зеньковский, св. Игнатий (Брянчанинов), епископ Варнава (Беляев)) и религиозно-философское (С.С. Гогоцкий, Н.О. Лосский, В.С. Серебренников, И.И. Лапшин, Л.М. Лопатин, С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой). В центре внимания последнего «были проблемы происхождения и сущности человека, его места в мироздании, отношение к Богу, смысла человеческого существования, его жизни и смерти, духовно-нравственных регуляторов его поведения, путей духовного роста и совершенствования личности» (Аншакова, 2007 с. 91; Аншакова, 2005, с. 30-31).

А.Н. Ждан считает, что в России XIX в. «официальная психология была сосредоточена в университетах. В ее мировоззренческой направленности <...> преобладали различные формы идеалистической философии» (Ждан, 2004, с. 264). Она также выделяет несколько направлений: *эмпирическая* психология (М.И. Владиславлев, А.И. Введенский, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет), использовавшая локковский эмпиризм, английский ассоцианизм, эмпирические методы, в том числе, и эксперимент; *философская* (С.Л. Франк, Н.О. Лосский), выступавшая против естественно-научного подхода в психологии и против эмпирической психологии, возвращающая на место предмета психологической науки душу; *естественно-научная* (последователи И.М. Сеченова, Н.Н. Ланге, В.М. Бехтерев, В.А. Вагнер, и далее – И.П. Павлов и А.А. Ухтомский), нацеленную на использование объективного и причинного психологического метода.

Т.Д. Марцинковская четко не разграничивая направления развития психологии в России в XIX в., показывает программы, в рамках которых развивались те или иные концепции: естественно-научная (Сеченов), философская (Кавелин) и лингвистическая (Потебня) программы (Марцинковская, 2004).

Анализируя историю развития понятия «отношение» в психологии, Е.В. Левченко выделяет три направления концепций в XIX в.: «Истоки понятия “отношение” как психологического находятся в философии и логике, с одной стороны, и в биологии – с другой, что соответствует общим тенденциям развития психологии в недрах философии и естествознания XIX века. <...> Существовала и третья – интроспективно-психологическая – линия разработки идеи отношения» (Левченко, 2003, с. 38).

С.А. Богданчиков, делая обзор российской идеалистической психологии («субъективной», «эмпирической», «интроспективной», «умозрительной») 1920-х гг., обращает внимание на такой факт отечественной историографии: по мнению современных историков психологии «в 1920-х гг. идеалистической психологии в России уже не было... идеалистическая психология как значимое научное направление уже к началу 1920-х гг. исчезло мгновенно, полностью и бесследно, и это было явлением закономерным, естественным и неизбежным» (Богданчиков, 2007, с. 155). Однако же, по мнению автора, «данное направление исчезло значительно позже» (Богданчиков, 2007, с. 155), и присутствовало в общей психологии в работах Г.И. Челпанова, П.П. Блонского, в прикладной психологии – в работах А.П. Нечаева, Г.И. Россолимо, А.П. Болтунова, П.О. Эфрусси; и, наконец, работы по философской психологии, представленные в трудах А.И. Введенского, В.Н. Ивановского, Э.Л. Радлова, С.Л. Рубинштейна, С.Л. Франка. Таким образом, как пишет С.А. Богданчиков, психология идеалистического направления еще несколько лет на протяжении 1920-х гг. имела влияние на концепции и исследования психологических феноменов в различных сферах,

пока социально-политические и идеологические условия не заставили ее сторонников отказаться от развития подобных идей.

М.С. Гусельцева рассматривает рубеж XIX-XX вв. как период перехода от классического типа рациональности к неклассическому и перечисляет несколько направлений в российской психологии: «философско-религиозное, экспериментальное (естественнонаучное), эмпирическое (методологически смешанное), гуманитарное (культурно-историческое, антропологическое, духовное), психоаналитическое, педологическое и психотехническое» (Гусельцева, 2013, с. 11).

И.Е. Сироткина и Р. Смит в кратком обзоре истории российской психологии в книге «The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives» показывают, что в XIX в. психология находилась между двумя мощными интеллектуальными и научными течениями: материализмом и спиритуализмом, которые выражались уже внутри психологии как физиологический (И.М. Сеченов, Н.Г. Чернышевский) и философский (П.Д. Юркевич, М.И. Владиславлев, Н.Я. Грот, М.М. Троицкий) подходы. К концу XIX столетия появляется экспериментальная психология в университетах (Г.И. Челпанов, А.П. Нечаев) и в клиниках (Н.О. Ковалевский, И.М. Балинский, С.С. Корсаков, В.М. Бехтерев, В.Ф. Чиж) (Сироткина, Смит, 2015; Sirotkina, Smith, 2012).

Н.Н. Мехтиханова, выделяя несколько направлений в отечественной психологии, основывается на главных профессиональных интересах ученых-психологов: «1) психофизиологическое и психиатрическое направления; 2) педагогическое направление; философско-религиозное направление; классическое направление, представленное работами университетских профессоров-психологов» (Мехтиханова, 2010, с. 7).

А.Р. Батыршина в своем учебном пособии отмечает экспериментальную психологию (Г.И. Россолимо, А.П. Нечаев, Н.Н. Ланге, А.А. Ухтомский, В.А. Вагнер, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, А.Ф. Лазурский), эмпирическую психологию (Н.Я. Грот, Г.И. Челпанов, А.И. Введенский, М.М. Троицкий,

Г.Г. Шпет) и богословскую психологию (разделенную на духовную и философскую) (Батыршина, 2011, с. 19).

D. Joravsky, рассматривая предпосылки советской психологии, называет в русской психологии XIX столетия направление нейрофизиологии, как более соответствующее советской идеологии, и направление религии и философии, исчезнувшее после революции 1917 г. (Joravsky, 1989).

Представитель современной религиозной (христианской) психологии Ю.М. Зенько считает, что психология до середины 1920-х гг. (когда советская марксистская психология окончательно исключила религиозную психологию из своего дискурса) существовала в постоянном диалоге с религией и занималась поистине собственным предметом – изучением души. Психология XIX в. не вся была религиозной, но многие философы-психологи-богословы занимались христианско-антропологическими вопросами, в отличие от академической психологии: «это значит, что при анализе любых частных психических структур и функций не будет забываться то основание, на которое они все опираются и частью которого они являются, т.е. сама душа» (Зенько, 2007, с. 424); христианская психология «не является некой абстрактной, отвлеченной дисциплиной для наиболее умных богословов, она конкретна и *практична*. Она относится к каждому христианину, ибо ему для правильного духовного роста необходимо познавать свою душу» (Зенько, 2007, с. 425); религиозная психология также занимается вопросами свободы человеческой воли, способами восприятия божественного откровения, психологическим доказательством бытия Божия и т.д.

Проведенный анализ подходов современных исследователей в области истории и методологии психологии к классификации направлений отечественной психологической науки в XIX в. показывает, что присутствует широкий спектр разработок, оснований классификации и названий

направлений, однако с некоторыми оговорками все подходы можно разделить на две группы.

К первой группе относятся те подходы, которые разделяют психологию на «идеалистическую» и «материалистическую». Подобное разделение можно найти у советских теоретиков и историков психологии (Б.Г. Ананьев, Е.А. Будилова). Это объясняется тем, что советская психология была достаточно идеологизированной и базировалась на марксистской философии, откуда и появились эти обозначения. Частично такое разделение отражает доминанту той или иной научно-философской позиции у ученых, относящихся к тому или иному направлению, но оно значительно усложняет понимание и ограничивает рамки анализа. Материалистическая психология здесь понимается как экспериментальная, объективная психология, считающая психику частью материи. Но зачастую советские теоретики к материалистам относили представителей, которые совсем не занимались экспериментальными исследованиями, а лишь обозначали некоторую поддержку материализму и физиологизму (Н.Г. Чернышевский, К.Д. Кавелин).

То же касается и идеалистической психологии. Одним из ярких примеров ограниченности и ошибочности такой классификации является мнение о том, что Г.И. Челпанов является идеалистом (более того, можно встретить даже обозначение «идеалист-экспериментатор»). Такое разделение психологических направлений не чувствительно к тем концепциям, которые находились на стыке научно-философских позиций, некорректно трактует методы, которые использовали ученые.

Подобное разделение встречается и в другом виде: D. Joravsky, И.Е. Сироткиной и Р. Смита выделяют в качестве ведущих факторов формирования психологической науки в XIX в. религию / философию и нейропсихологию / физиологию.

Вторая группа подходов к классификации представляет собой те, в которых исследователи делят направления на три вектора: религиозно-

философскую (идеалистическую, философскую, духовно-нравственную), эмпирическую (интроспективно-психологическую) и экспериментальную (естественно-научную, материалистическую) психология (В.В. Аншакова, О.А. Артемьева, А.Р. Батыршина, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, В.А. Кольцова, Е.В. Левченко, Т.Д. Марцинковская).

По нашему мнению, в данной классификации так же присутствуют недостатки, в частности, иногда некорректно разделяются ученые на эмпирическое и религиозно-философское направления: те, кого определяют как религиозно-философских психологов (А.И. Введенский, М.И. Владиславлев, С.С. Гогоцкий, В.А. Снегирев, П.Д. Юркевич и др.), одновременно могут считаться и эмпириками – из их текстов видно, что взгляды «истинных» эмпириков, философов и богословов очень похожи, часто перемешиваются. Это объясняется, в частности, общностью методов изучения психических явлений.

Рассмотренные проблемы отражают недостаточное прояснение методологических оснований (предмета и метода исследования), к которым в настоящее время специалисты обращают все больше внимания. Так, к методологическим проблемам в области историко-психологического знания относятся: проблема факта в истории психологии, терминология, проблема «клиширования», выявление «неявной» методологии, проблема увеличения анализа методологии научного творчества при описании истории психологии, отсутствие (недостаточная разработанность) теоретической и философской психологии.

По нашему мнению, для приближения к решению некоторых поставленных проблем необходима разработка нового основания для классификации направлений психологии в России в конце XIX вв. Так, взгляды психологов того времени требуется разделить по предмету психологии, который они выдвигали в качестве ведущего вектора психологических исследований, и методу, который они используют в своих исследованиях. Опираясь на классификацию А.В. Петровского, выделим три

основных метода исследования психических процессов: умозрение (сверхчувственный метод), интроспекция (самонаблюдение) и эксперимент и измерение (собственно экспериментальный метод). Исходя из этого психология конца XIX в. разделяется на умозрительную интроспективную и экспериментальную. Таким образом, подход А.В. Петровского к классификации психологических направлений в России в дореволюционное время показывает самое точное определение методологических основ психологических концепций русских ученых.

Предложенный подход, прежде всего, чувствителен к случаям, когда однозначно сложно определить четкое мнение о взглядах ученого, т.к. в разные периоды своей жизни он использовал разные методы; во-вторых, позволяет анализировать и классифицировать концепции, которые являются противоречивыми в соотношении предмета и метода; в-третьих, дает возможность решения проблемы «неявной методологии» в рамках творчества определенной персоналии (случай, когда постулируемая и действительно используемая методология психологии различаются в его трудах).

Изначально поставив перед собой задачу в нашей работе рассмотреть только умозрительную и интроспективную психологию, обратимся к концепции представителей обозначенных направлений для понимания специфики их психологических подходов.

1.2. Концептуальные основы умозрительного и интроспективного направлений российской психологической мысли XIX в.

Направления умозрительной и интроспективной психологии являются схожими с рациональной и эмпирической психологией, обоснованием которых занимались философы Р. Декарт (1596-1650) и Хр. Вольф (1679-1754). Декарт заложил основы разделения психологии, еще пока внутри философии, на два направления, которые далее вплоть до начала XX в. развивались всеми мыслителями и учеными, так или иначе касающимися

психологии. Психология была разделена на эмпирическую и рациональную. Эмпирическая психология направлена на изучение феноменов душевной жизни, опытное исследование душевных явлений; рациональная психология сосредоточивается на сущности души, ее субстанциональности, более метафизических вопросах, которые в опыте нами не могут быть обнаружены. Сам Декарт относил к рациональной психологии те явления, которые не открываются нам с помощью непосредственного наблюдения; суждения об этих явлениях основаны на умозрительных положениях. Таковыми выступают идеи о субстанциальности души, ее бессмертии и существовании после смерти тела, непрерывности мыслительного процесса души и разума, наличии у человека высших способностей, ведущих к постижению идеи Блага, Добра, Красоты, Истины и др. Эмпирическая психология опирается на опыт, на основе которого выявляются различные психические феномены, составляется разделение души на различные силы – мышление, память, воображение, чувство, воля и др.

В свою очередь, Хр. Вольф также разрабатывает вопросы как эмпирической, так и рациональной психологии. В эмпирической психологии Вольф ставит задачу изучения души отдельно от тела, согласно декартовским принципам. Вольф придавал эмпирической психологии исключительное значение. Она является родоначальником многих других наук. Из нее вырастают логика, грамматика, этика. Даже политика с теологией отчасти нуждаются в этой дисциплине. При желании и онтологию можно истолковать как обобщение эмпирико-психологических идей (Васильев, 2010).

Рассмотрев концепции родоначальников рациональной и эмпирической психологии, можно сказать, что эти идеи и стали основой для развития умозрительной и интроспективной психологии в России в XIX в. Обратимся к некоторым представителям умозрительной психологии. Начать необходимо с тех мыслителей, кто напрямую обозначал свой подход умозрительным.

Умозрительная психология

Согласно философскому словарю, умозрение – «способ постижения истины, основанный на ее непосредственном усмотрении “очами разума” или же на отвлеченных (спекулятивных) логических построениях, не связанных, как правило, с эмпирически установленными фактами наблюдения и эксперимента» (Философский словарь, 2001, с. 586).

Словаре Брокгауза и Ефрона Н.Г. Дебольский дает следующее определение: «термином У[мозрения] (*speculatio*) нередко обозначают такую деятельность мышления, которая вращается в сфере предметов или событий, не данных на опыте, лишь предполагаемых. В этом смысле теория эфира, теория происхождения видов, космические теории Канта и Лапласа суть учения умозрительные. Но при таком словоупотреблении объем понятия "У." лишается должной определенности, так как даже в том, что относится к области точного опытного знания, всегда есть элементы предположительные. Различие между умозрительным и опытным получается, при этом, лишь степенное, а не родовое. Для приобретения термином У. последнего значения необходимо установить родовое же различие предметов опытных и умозрительных, как таких, с одной стороны, которые могут или могли бы быть воспринимаемы при известных, хотя бы неосуществимых собственно для человека, условиях чувственного восприятия, и с другой – таких, которые доступны только мышлению. Это различие приводит к установлению тесного или точного смысла термина У., как мышления, содержание которого — только мыслимое или сверхчувственное. При таком понимании сказанного термина, учению об У. предстоит решить следующие вопросы: 1) действительно ли существует У., т.е. мысль со сверхчувственным содержанием, 2) где источник этого содержания, 3) в чем предмет У. и 4) каков его метод» (Энциклопедический словарь, 1902, с. 727-730).

В нашем исследовании под умозрительной психологией мы будем понимать такой подход, в рамках которого мыслители обозначают

психическое как сверхчувственное бытие, соединяющееся с идеей Абсолютного/Божественного/Бесконечного, закрытое от эмпирического (интроспективного) познания и доступное лишь созерцанию разума и других «высших» способностей души.

Среди наиболее ярких представителей данного направления мы рассмотрим: Александр Иванович Галич (1783-1848), философ, литератор, учитель А.С. Пушкина; Федор Александрович Голубинский (1797-1854), богослов, философ; Петр Семенович Авсенов (1810-1852), богослов, психолог.

А.И. Галич в своей работе «Черты умозрительной философии» (1829) обосновывает мировоззрение, характеризующееся умозрительностью. Фундаментом всего сущего является идея Безусловного: «Безусловное есть вечное единство, открывающее свою сущность и жизнь в явлениях; все состоит чрез него, что есть, и без него нет ничего. Везде оно выступает из самого себя, делается видимым, так как есть – в вечной своей форме, - образуя беспредельный круг, который всепроникающим своим средоточием раскрывается до бесконечной окружности. Сие Безусловное прямо познается и объемлется только непосредственным созерцанием разума или идеей, которая одинакова с своим познаваемым предметом, т.е. Безусловным, как форма с сущностью, как откровение жизни с самою жизнью; почему безусловное познание или, что все одно, познание Безусловного есть идея всех идей» (Галич, 1829, с. 3-4). Полагая, что существует единая идея, которая образует все вокруг (идея Безусловного, Абсолютного), он применяет данный подход к анализу природных явлений, а также психологических. Он дает определение мозгу и сознанию: «как мозг есть возвышенное сосредоточение всех чувствующих нервов, так точно и сознание есть возвышенное сосредоточение всех чувственных представлений: ибо без чувства ни одно существо не доходит до сознания; посему мозг с его нервным эфиром должен быть рабочею храминою или органом души, если душу назовем безусловным началом или Божественною идеей всех тех действий, кои в сознании конечного существа являются» (Галич, 1829, с. 73-74). Религиозно-

богословский концепт единого источника жизни и любой активности применяется Галичем ко всему. Всесильным умозрением ученый может объяснить многие вещи. Начиная с достаточно эмпирической классификации душевных явлений (стороны душевной жизни: чувствительная (внутреннее чувство, воображение, фантазия), познавательная (смысл, рассудок, разум), стремящаяся (побуждение, вожделение, воля)), ученый прибегает к умозрению для объяснения функционирования души: чувствительная сторона управляется «лучами яркого, незаходимого светила небесного, т.е. идеей Изыщного», познавательная – «звездой-путеводительницею, т.е. идеей Истинного», стремящаяся – «лучами дивного светила, востекающего на западе жизни, т.е. идеей Доброго».

Определение Идей в качестве детерминант душевной деятельности является наиболее яркой формой умозрительного метода в психологии. Галич здесь показывает себя последователем той средневековой схоластической традиции, которая использует концепции Платона для объяснения философско-психологических проблем.

Ф.А. Голубинский изложил свои взгляды в работах «Умозрительная психология» (1871) и «Метафизическая психология» (1898). Он дает определение: «та часть Метафизики, которая наблюдения внутреннего чувства или акты нашего сознания, возводя к идее о Бесконечном, исследует, какое сходство и подобие, какое соотношение и связь имеет дух человеческий с Существом Абсолютным» (Голубинский, 1898, с. 3). В отличие от эмпирической (в нашей классификации, интроспективной), умозрительная психология обращается к тем явлениям, которые нельзя познать опытом, к высшим силам, к субстанции души, которая направляется к Абсолюту. Таковой высшей силой является ум или дух, который не только улавливает внутренние душевные перемены или устанавливает связи между явлениями (эмпирическая функция), но и он является также способностью возведения себя и окружающего мира к Бесконечному. Среди источников умозрительной психологии: внутреннее чувство (сознание) и идея ума о Бесконечном.

Внутреннее опытное чувство может поставлять необходимые сведения об окружающем мире, даже о Бесконечном, но оно обладает свойством принижать ценность разума, ставя во главе угла опыт. Более того, сознание очень долго идет по пути познания Абсолютного и самопознания. Гораздо более всеобъемлющее, целостное и глубокое познание позволяет совершать разум, применяя идею Бесконечности. «Когда уже развиты некоторые частные понятия, просеяющие и выражающие сию идею, то можно сличать их с действиями и силами души и таким образом видеть, есть ли в сих последних сообразность и сходство с идеею Бесконечною и если оно есть, то это и составляет предмет Рациональной психологии» (Голубинский, 1898, с. 7). Таким образом, умозрительная психология изучает «богообразное, лучшее в душе».

Среди функций данной науки, Голубинский отмечает теоретическую и практическую «В теоретическом отношении весьма полезно и необходимо внутреннее упражнение в познании души, углубление в самого себя. Без самопознания нельзя познать ни Бога, ни внешнюю природу. <...> Но Психология Умозрительная, как наука, имеет особенную пользу в отношении практическом. Она открывает сильнейшие побуждения к исполнению обязанностей в отношении к Богу, ближним и самим себе» (Голубинский, 2006, с. 282).

Умозрительная психология состоит из двух частей: 1) исследование сущности души и ее высших сил; 2) учение о происхождении и разных периодах бытия души. Душа определяется следующим образом: «в смысле метафизическом, душа есть ограниченная субстанция, самодеятельная, невещественная, выражающая свою сообразность с Бесконечным Существом в том, что она умом своим стремится к объятию безусловной истины и мудрости, свободной волею – к достижению Высочайшего блага и к выражению его в своей деятельности, чувством ищет чистого и вечного блаженства и по продолжению бытия своего бессмертна» (Голубинский, 2006, с. 294-295). Душа свободна, ничем не определяема.

Умозрительный метод Ф.А. Голубинского наблюдается и в его объяснении взаимодействия души и тела. Он считает, что первично душевное явление, а не телесная реакция. «Так, сила познания более всего обнаруживает действия свои в мозге, сила чувствований – в сердце. И опыт показывает, как за известными действиями души следуют соответственные им действия в теле. А это дает нам право заключать о причинной связи души с телом» (Голубинский, 2006, с. 351). Все материально проникнуто духовным.

Ученый предписывает высшую цель душевным силам – разума (познание), сердцу (чувствование) и воле. Их цель (как и у А.И. Галича) стремление к высшим идеям: разум стремиться к идее безусловной истины и мудрости, сердце – к идее высочайшей красоты, воля – к идее все совершенной благодати и святости. «Каждая из сих сил при обращении с предметами ограниченными не успокаивается, потому что идея влечет их к Бесконечному» (Голубинский, 2006, с. 369). Стремление к истине в познании значит приближаться к «свету Божественной премудрости»; стремление к красоте в чувствовании значит любить и уважать любые проявления человека, избегания корысти и самопожертвование; стремление к святости в воле значит становится лучше, бороться с собственными недостатками, придерживаться нравственных правил. Все три направления души вместе составляют стремление к Божественному.

Наконец, происхождение и развитие души постулируется Голубинским следующим образом. Душа происходит из нематериальных субстанций высшего порядка и наделяется идеей Божества. Душа рождается от душ родителей и наследует от них душевные свойства. Душа бессмертна и сохраняет собственную личность после смерти тела.

Итак, концепция умозрительной психологии Голубинского составляет науку о душе в ее религиозном виде, задачей которой является не познание душевных явлений и их законов функционирования (эмпирическая/интроспективная психология), а соблюдение соответствия души человеческой Божественному идеалу и нравственному закону.

Изложенные взгляды А.И. Галича и Ф.А. Голубинского на умозрительную психологию имеют нравственный оттенок и являются полностью умозрительными. Для понимания методологии развития психологической науки на стыке умозрения и интроспекции, мы проанализируем взгляды П.С. Авсенева, чьи идеи были смешанными (и умозрительными, и интроспективными) с доминантой умозрительности.

Психологическое творчество П.С. Авсенева представляет собой философско-психологическое учение о душе человека и разработку программы развития психологии. Он описывает свой взгляд на природу души, классификацию душевных явлений, раскрывает предмет и метод психологии, предлагает разделение психологии на несколько частей (исходя из источника получения психологических знаний).

Согласно П.С. Авсеневу, психология – это наука, которая изучает душу с целью понимания и объяснения ее устройства, обоснования ее независимости и субстанциальности («чистое существо») и способствует развитию самопознания человека. Он обозначает психологию философско-антропологическим исследованием человеческого духа. Определяя предметом психологии душу, философ описывает цели данной науки: постижение высшей потребности души в соединении Абсолютом, Высшим Духом, Идее Доброты; выявление способов руководства и управления душой и душевными явлениями; направление человека на самопознания собственной души; введение психологических знаний в обыденную жизнь человека (Авсенева, 2008, с. 20).

П.С. Авсенева подразделяет три направления психологического исследования (по источнику получения психологических знаний): опытная, умственная и библейская (или откровенная). Соответственно, источниками психологического знания являются откровение (из Священного Писания), умозрение («созерцание чистою мыслию») и наблюдение (внутреннее и внешнее).

П.С. Авсенеv предлагает программу развития психологии в виде оригинального деления психологических наук. Выделяя два главных направления психологических исследований – общих и частных особенностей психических явлений, ученый говорит о психологии как «общем естествословии души» и психологии как «частном естествословии души». К общему естествословию относится изучение наиболее общих свойств души, которые отражают глубинную сущность человека и присутствуют в каждом человеке постоянно. Цель общего естествословия – описать образ души человека, в котором заложен, в свою очередь, образ Божественного и Абсолютного («по образу и подобию») (Авсенеv, 2008, с. 47). Вторая часть психологии (частное естествословие) также обозначается Историей души. В ней проясняются частные, индивидуальные особенности души, что показывает, что душа является изменяющейся субстанцией, никогда не останавливается в своем движении и развитии, проходит через различные стадии и формы собственного формирования (Авсенеv, 2008, с. 47).

Общее естествословие души исследует особенности человеческого духа, который состоит из растительной, животной души, а также собственно духа (по Аристотелю). Такими общими признаются стремления к знанию, наслаждению, действию; они, соответственно, отражают стремление человека к идеям «света истины», «чувства красоты» и «силы добра».

По нашему мнению, одной из причин выделения этого направления психологии является влияние схоластической философии в духовных академиях, а также собственно богословское мировоззрение мыслителя. Такое мировоззрение выражается в признании того факта, что Божественное начало проявляется во всем: весь мир, человек, душа – это Божьи идеи, воплощение «мысли» Бога, реализация высших идей в конкретных объектах. П.С. Авсенеv осуществляет приложение платоновского учения исследованию души.

С другой стороны, История души как изучение частных, индивидуальных особенностей человеческой души так же имеет важное значение: она обращает внимание на изменяющиеся характеристики (Авсенеv,

2008, с. 121). К ним П.С. Авсенева причисляет не общие для всех явления души, но те, которые встречаются у отдельных индивидуумов и в специальных условиях, т.н. «необыкновенные» душевные явления (ясновидение, галлюцинации, лунатизм и др.). Ученый также видит отличия между общими и необыкновенными явлениями: во-первых, их локализация и протекание в сферах души (общие – в сознании, необыкновенные – в бессознательном); во-вторых, их постоянство и изменчивость (общие – свидетельствуют о тождестве личности, постоянстве и устойчивости душевных свойств, необыкновенные – изменчивы, неустойчивы, переживая их, человек осознает себя попеременно различными личностями, состояния завладевают человека быстро и так же быстро заканчиваются и перетекают в другие); их осознанность, реалистичность и объективность (общие – всегда укоренены и связаны с нервной системой, отличается ординарностью, логичностью, осознаются человеком; необыкновенные – переживаются как состояния вне тела, с измененными границами пространства и времени, отличаются зачастую мистическим или «чудесным» характером, изменение).

Подход П.С. Авсенева в своем фундаменте имеет умозрительную основу, однако в частности обладает эмпирическим потенциалом, что способствовало дальнейшему развитию психологии в русле интроспективной методологии. Умозрительная психология в XIX в. является переходной стадией между схоластической психологией Средневековья и Нового времени к эмпиризму, что также наблюдается в изменении оценки места психологии в системе философских наук (о чем нами будет сказано в параграфе 3.1).

Интроспективная психология

Интроспекция – это метод самонаблюдения, применяющий полученные эмпирические данные для разработки классификации, форм, видов и закономерностей течения психических явлений. В психологии вплоть до XX в. данный метод был ведущим в получении психологических данных. Большая

часть психологов и философов пользовалась самонаблюдением для обоснования программ развития психологии.

Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, самонаблюдение - направление внимания на собственные психические процессы, на деятельность нашего мышления, на наши чувствования и волевые импульсы. С[амонаблюдение], иначе внутренний опыт, противопоставляется внешнему опыту, изучению вне нас совершающихся явлений посредством органов чувств, и является главным источником нашего познания психических процессов» (Энциклопедический словарь, Т. 28а, 1900, с. 220).

Таким образом, интроспекция в нашем исследовании – это метод получения опытных/эмпирических данных о психологических процессах путем наблюдения за собственными душевными явлениями и сосредоточения на них. Для второй половины XIX в. данный метод является одним из ведущих на пути формирования научной психологии, устраняющей из своего корпуса знаний умозрение и недоказуемые на опыте суждения.

Необходимо отметить одно обстоятельство: некоторые из концепций, которые мы будем обозначать в качестве интроспективных, являются не чисто интроспективными, в том смысле, что они обладают некоторыми умозрительными посылками, хотя и качественно не влияющими на изложение материала. Среди таковых посылок существует одна, которая обозначена у многих мыслителей, а именно – субстанциальность души. Душа учеными XIX в. представляется независимой от физического мира сущностью, свободно определяющей собственное развитие и деятельность, однако и имеющей связи с телом. По нашему мнению, хотя субстанциальность души – это условно умозрительное построение, но, учитывая, что до сих пор психологическая наука не определила природу психики, положение о субстанциональности души мы будем считать правомерно сверхчувственной областью, в то же время имеющей право на существование и у тех исследователей, кто не является сторонником умозрительной психологии.

В качестве представителей интроспективной психологии мы рассмотрим Ореста Марковича Новицкого (1806-1884), философа, психолога; Сильвестра Сильвестровича Гогоцкого (1813-1889); Памфила Даниловича Юркевича (1826-1874), философа и психолога; Матвея Михайловича Троицкого (1835-1899); Николая Яковлевича Грота (1852-1899).

О.М. Новицкий один из первых сделал попытку построить изложение психологии без привлечения умозрительных концепций. В своем «Руководстве к опытной психологии» (1840) он дает следующее определение: «Психология есть учение о природе человеческой души. Под именем природы нашей души мы разумеем различные свойства ее: духовность, простоту и проч. и ее способностей, именно сознание и волю с их разнообразными видоизменениями» (Новицкий, 1840, с. 1). Психология – наука опытная, и данные она получает путем внутреннего и внешнего опыта, наблюдения за другими людьми. Соответственно, основной метод – самонаблюдение.

Психология разделяется на две части: общую и частную. Общая психология ставит себе следующие задачи: 1) определить различие между телесным и духовным; 2) рассмотреть особенности человеческой природы; 3) опровергать материалистическую точку зрения на душу; 4) обосновать субстанциальность и простоту души; 5) показать разнообразие способностей души.

Различия духовного от телесного: дух не помещен в пространство; душа проста в своем составе, единичное существо, индивидуальное, не имеет частей; душа движется сама по себе, без внешнего детерминизма; дух сознателен и свободен; наконец, дух – высшая степень развития природы. Дух состоит из бессознательных явлений (растительные отправления; тело) и сознательных – чувственных (животные; душа) и разумных (духовные; собственно дух). Душа имеет свойство индивидуальности: наследуя от родителей определенные душевные свойства, она развивает в себе нечто уникальное, свойственное только себе.

Новицкий вводит следующее разделение душевных явлений: обозначая их способностями, он выделяет способности познания, чувствования и желания. Эти формы проявляются в двух частях. Познание: в душе – чувственное наблюдение, в духе – самосознание, представление и мышление; чувствование: в душевной – ощущение, в духе – собственно чувствования; желание, воля: в душе – чувственное желание, страсть, движение, в духе – любовь, свободная воля.

Все душевные явления сводятся к сознанию и воле. Сознание – «внутренний свет духа, который сам себя озаряет и видит. <...> состоит преимущественно в его образовательной деятельности» (Новицкий, 1840, с. 70-71). Воля – «самодеятельность, возникающая из глубины души, как по внешним раздражениям, так и по внутренним побуждениям. <> Воля есть субстанция душевной жизни; а сознание ее форма. Все разумение, вся законоопределенность <...> души принадлежит сознанию; а напротив того вся ее сила и производительная деятельность принадлежит воле» (Новицкий, 1840, с. 71). Путем сочетания сознания и воли возникают остальные проявления души: познание – тождество сознания и воли с перевесом первого; внимание – чистая воля; действия – тождество сознания и воли с перевесом второго; побуждение – сознание, внедрившееся в волю; деятельность – воля, внедрившаяся в сознание; чувствование – сочетания сознания и воли («воля сообщает чувствованиям содержание, сознание – форму; воля производит своим движением внутреннее состояние, или имеет его в себе, а сознание возвышает его в чувствование» (Новицкий, 1840, с. 76)).

В частной психологии Новицкий обозначает следующие душевные явления: 1) познавательные способности: внешнее чувство (зрение, слух, внутренние ощущения, вкус, обоняние, осязание), самосознание или внутреннее чувство, представления (восприятие, память, воспоминание), воображение, разумение (рассудок), способность остроумия, разум; 2) чувствительные способности: ощущение, чувствование, темперамент;

3) желательные способности или воля: телесное выражение воли, свободная воля, характер.

Итак, Новицкий действительно представляет нам опытную психологию, положив основу всех душевных явлений сознание и волю. В его концепции сохраняется аристотелевская система деления души на три части: растительную, животную и разумную. Его классификация психических явлений еще пока далека даже от тех, которые предлагались в конце XIX в., одна это очень важный шаг на пути построения психологии, действительно основанной на опыте и самонаблюдении.

С.С. Гогоцкий в своей «Программе психологии» (1880) определяет психологию как науку, занимающуюся «исследованием проявлений душевной жизни и доступных нам ее законов. Это исследование должно привести нас и к составлению доступного нам понятия о самом начале душевной жизни и ее отношении к телесному организму, как орудию изучаемых нами ее проявлений» (Гогоцкий, 1880, с. 1). В отличие от метафизиков, которые рассматривают душу как субстанцию, данную со своими силами и идеями, и от реалистов, которые только описывают явления без составления закономерностей, Гогоцкий считает, что научная психология должна рассматривать душевные явления, анализируя их особенности и выявляя законы их существования.

Непосредственным источником психологических исследований являются душевные явления, а методом является самонаблюдение и наблюдение за другими. Методологическими принципами исследования души должны быть следующие: 1) этиологический принцип – индуктивное рассмотрение явлений, объяснение их происхождения, определение причинной связи между ними и другими внешними явлениями физического рода; 2) телеологический принцип – определение цели, смысла и значения душевных явлений для самосознания.

Важной особенностью психических явлений, по Гогоцкому, является их сознательность. Под сознанием ученый понимает «различение или

разграничение вещей между собою, <...> различие не только вещей, но и представлений или мысленных образов вещей от своего субъекта, значит, свойственно саморазличение, и при этом саморазличении и различении всего, входящего в его сферу, удерживание своего сознательного единства и своей связи, своего соотношения с теми перцепциями, которые оно различает» (Гогоцкий, 1880, с. 33). Таким образом, душа человека, во-первых, способна к различению в себе разных явлений и, во-вторых, едина во всех этих явлениях (т.е. здесь Гогоцкий отрицает прежнее распространенное мнение о том, что сознаний несколько, а не одно тождественное).

Гогоцкий не вносит каких-либо новшеств в связи с разделением душевных явлений. По его классификации выделяются теоретические или познавательные явления, желательные или деятельные и чувствовательные. Обоснование разделения: «Основание его заключается в самой натуре индивидуальной душевной жизни, как воспринимающей и перерабатывающей внешние перцепции, как чувствующей все воспринимаемое и происходящее в ее собственных внутренних состояниях то приятное, то неприятное видоизменение, и за тем, воздействующей на окружающую ее среду, для преобразования ее соответственно своим нравственным требованиям» (Гогоцкий, 1880, с. 47). Познавательные явления подразделяются на чувственное сознание (внутреннее и внешнее ощущение, воззрение, признание), представляющее сознание (представление, воображение, память), мыслящее сознание (логическое и рефлексивное мышление, рассудок, философская грамматика (речь), разум; чувственные явления – внутреннее чувство, душевные чувствования (умственно-душевные, душевно-сердечные, духовные, эстетическое, чувство истины/интеллектуальное), нравственное, религиозное, настроение, аффект; желательные явления – чувственные (эгоистические, родовые), инстинкты, произвольные (наклонность, страсть), высшие (свобода воли, нравственные).

С.С. Гогоцкий несколько модифицирует классификацию душевных явлений, однако выделяет в ней новое основание – сознание как способность

различения и осмысления явления. Однако уже в его программе развития науки нет места субстанциональности души.

М.М. Троицкий предлагает свой взгляд на построение психологии в «Науке о духе» (1882). Психология изучает свойства человеческого духа. Последний есть «тоже самое, что человек как дух, или как узел тех свойств, которые открываются ему в так называемых психических фактах его существования, - т.е. в фактах или явлениях его сознания, страдательного или деятельного» (Троицкий, 1882, с. 1). Человеческий дух обладает общими, частными и специальными свойствами. Общие – относительность, соотносительность и рефлексивность. Частные – отдельные классы психических фактов (ум, воля, чувство). Специальные – разум, который отличает человека от животного.

М.М. Троицкий разрабатывает концепцию свойств души, а не явлений, как это было у большинства психологов XIX в. Под относительностью человеческого духа он понимает противоположность абсолютности/неограниченности: человеческий дух условен и ограничен. Все психические факты образуются одно из другого, зависят друг от друга (кроме самого базового – ощущения). Соответственно, Троицкий обозначает факты сознания как психические отношения. Им выделяются такие классы этих отношений в рамках психической (индивидуальной) условности: страдательные (чувство: ощущение, волнение) и деятельные (напряжение, действия: активные, реактивные), мысленные (идеи, умственные операции) и действительные (содействие: представление, воображение, припоминание, сравнение, различение, уподобление, обобщение; противодействие: исключение, отвлечение, уклонение), производительные (мысленное и реальное творчество) и непроизводительные, потенциальные (психические способности, психические готовности) и актуальные (активные действия, чувства, идеи), прямые (отношение к другим) и возвратные (отношение к себе). При этом все отношения могут проявляться в психических фактах других отношений.

Существует общественно-историческая условность психических фактов, влияющая на формирование «культуры личности». Ее можно обозначить как психическая связанность, в рамках которой людьми оказываются психические влияния друг на друга. Эти влияния бывают производительными (творческими) и непроизводительными (деятельными, подавляющими). Данная идея приводит нас к постулату коллективности явлений психического существования людей: групповые формы взаимодействия, язык, специальные формы (понятия, симпатические, критические чувства, чувство истины, красоты, наука, творчество, нравственные идеи, совесть, понятие о себе).

Кроме этого, к психической условности относится тождество личности, видоизменения личности и распад и патологии личности. Здесь Троицкий обозначает субстанциональность (феноменальность) духа и его относительную независимость от материи, однако считает, что для научного анализа необходимо абстрагироваться от решения вопроса о происхождении духа и объяснять процессы функционирования психических фактов только внутри деятельности духа, не привлекая внешние факторы. Этот принцип он обозначает как психическая ограниченность.

Отрицая абсолютность психических фактов и метафизику как науку, М.М. Троицкий считает, что есть некоторые достойные цели у метафизических исследований: поддержание связи и гармонии между верой и наукой, исследование религиозной культуры человека, религиозных чувств, логическая критика трансцендентальных учений, поиск методов «мыслимости» сверхопытных идей, доказательство бытия Бога и бессмертия души.

Следующим свойством психических фактов является психическая соотносительность. Факты психики влияют друг на друга в своем функционировании (преобразование, нейтрализация, квалификация (изменение качества), зависимость одних фактов от других (действий от чувств), их превращение одно в другое, смешение психических фактов и др.

И последнее свойство – психическая рефлексивность: «явлениями психической рефлексии мы называем ту взаимную зависимость психических фактов, при которой одни из них оказываются, по самой сущности своей, некоторым отражением других» (Троицкий, 1882а, с. 57). Это способность одних психических явлений отражать и отражаться в других. С помощью данной способности Троицкий объясняет образование многих идей, чувств и волевых фактов. Рефлексивное свойство напрямую взято мыслителем из английской ассоцианистской традиции (Дж. Локк, Дж. Милль-ст. и мл., А. Бэн и др.).

Концепция Троицкого является приложением ассоцианизма к русской эмпирической традиции. Сложная система психики создает впечатление научной разработанности, но при этом несет в себе множество условий, учет которых затрудняет понимание непосредственности душевных явлений, их открытости внутреннему наблюдению.

Другая точка зрения на душу и психологию наблюдается у Н.Я. Грота. Его работа «О душе в связи с современными учениями о силе. Опыт философского построения» (1886) открывается обоснованием важности изучения вопроса о существовании и строении души: «признание духовного начала в основе своего собственного бытия давало человеку возможность логически оправдать существование высшего духовного начала, т.е. личного Божественного разума, во вселенной, а с тем вместе находили себе столь-же логическое оправдание идеи разумности и общей целесообразности всего существующего и совершающегося в мире, - убеждение в действительном значении идей добра и зла, нравственного и безнравственного, - вера в прекрасное, в идеалы справедливости и высшего духовного совершенствования. Но за то, как скоро, наоборот, вопрос о существовании души решался отрицательно, то весь мир идеальных понятий человеческого сознания превращался в одну сплошную игру воображения, в мир иллюзий и праздных выдумок поэтов и философов, поощряемых «трусливым суеверием» толпы». <...> если-же нет целей в жизни вселенной, если все совершающееся

есть игра слепой необходимости и продукт прихотливого столкновения случайностей, то неоткуда приобрести критерия и для нравственной деятельности человека» (Грот, 1886, с. 1-2).

Сущность души мы можем понять только с помощью метода самосознания, внутреннего субъективного опыта: «этот метод слагается, конечно, тоже из ощущений, но не из тех внутренних ощущений, посредством которых мы узнаем о переменах в растительных тканях и процессах нашего организма, а из тех, которыми мы ощущаем самые наши ощущения, чувства, идеи, стремления» (Грот, 1886, с. 16).

Душа является субстанцией, силой, которая приводит в движения все явления нашего внутреннего мира и противостоит материи-силе. Н.Я. Грот считает, что для философского, всеобъемлющего познания души и материи необходим дуализм в познании. Психические состояния являются сложными: «каждое содержит в себе известное число простых элементов, что всякое, так называемое “чувство”, напр., вытекает из множества “ощущений” и “чувствований” и проч.» (Грот, 1879-1880, с. 425). Психические явления представляют собой части непрерывного психического процесса.

Психический процесс ученый обозначает как «обмен впечатлений» и выделяет в нем 4 фазиса: 1) внешнее впечатление на психический организм; 2) переработка внешнего впечатления во внутреннее; 3) внутреннее движение, вызванное внутренним впечатлением; 4) внешнее движение. (Данная схема психического процесса похожа на бихевиористическую модель реакций организма). Введя термины «восприимчивость» и «деятельность», Н.Я. Грот представляет схему следующим образом: 1) момент объективной восприимчивости; 2) момент субъективной восприимчивости; 3) момент субъективной деятельности; 4) момент объективной деятельности. (Здесь же мы можем видеть истоки деятельностного подхода).

Принимая во внимание сложность/составность психических явлений и схему психического процесса, Н.Я. Грот определяет психические феномены в следующем виде (табл. 1; Грот, 1879-1880, с. 432).

Классификация психических процессов по Н.Я. Гроту

Фаза психического процесса	Первоначальные психические явления	Осложненные психические явления
Объективная восприимчивость	Ощущения	Представления и понятия (идеи вообще)
Субъективная восприимчивость	Чувствования удовольствия или страдания	Чувства и волнения
Субъективная деятельность	Стремления	Желания и хотения
Объективная деятельность	Движения	Действия и поступки

В основу собственной методологии психологии Н.Я. Грот кладет понятие о психическом процессе, его стадиях, составности психических явлений и двух фундаментальных свойствах психического процесса – восприятие и действие.

Наконец, мы сравним позиции интроспективной и экспериментальной психологией, чтобы иметь полное представление о всей структуре психологической науки во второй половине XIX в. Широко известна дискуссия между двумя крупными философами Н.Г. Чернышевским и П.Д. Юркевичем по поводу пути развития психологии: по материалистическому или идеалистическому пути. Стоит сказать о том, что проблема психологических дискуссий в научных и публицистических журналах в XIX в. является пока еще неосмысленной и недооцененной в качестве источника знаний о становлении психологической мысли.

Журнальные статьи были очень популярным местом для дискуссий. Наиболее известными журналами, в которых поднимались психологические вопросы, были публицистические («Современник»), широкого профиля («Вестник Европы», «Отечественные записки»), образовательные («Журнал Министерства Народного Просвещения», «Университетские известия»),

религиозные и богословские («Вера и Разум», «Православный собеседник»), философско-психологические («Вопросы философии и психологии», «Русская мысль») и др.

Характерной особенностью журнальной критики являлось то, что при рассмотрении чьей-то работы автор рецензии/критической статьи раскрывал собственную точку зрения, собственную позицию; рецензия становилась самостоятельным произведением и подчас имела больший объем чем работа, на которую писалась рецензия.

Дискуссии имели различные структуры: одна рецензия на чью-то работу; несколько рецензий на работу; «рецензия на каждую последующую статью» (рецензия на работу, статья на рецензию, статья на статью и т.д.); рецензия на работу, ответ автора на рецензию, ответ рецензента на ответ автора и др.

Рассматриваемая нами дискуссия между Чернышевским и Юркевичем включала в себя и других диспутантов, и касалась более широкой проблематики. Приведем полную структуру дискуссии:

- П.Л. Лавров (*Очерки вопросов практической философии. I. Личность. СПб. 1860*);
- Н.Г. Чернышевский (*Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 4. С. 329-366; Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 5. С. 1-46*);
- П.Д. Юркевич (*Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1860. Т. 4. С. 367-511*);
- М.Н. Катков (*Старые боги и новые боги // Русский Вестник. 1861. Т. 31. № 2. С. 891-904*);
- Н.Г. Чернышевский (*Пolemические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского вестника» // Современник. 1861. № 5. С. 447-478*);
- редакция журнала «Отечественные записки» (*[Дудышкин С.С.] Отечественные записки. 1861. № 8. Отд. III. С. 40-57*);

– Н.Г. Чернышевский (*Полемические красоты. Коллекция вторая. Красоты, собранные из «Отечественных записок» // Современник. 1861. № 7. С. 133-180*).

Нас в этой полемике интересуют идеи Чернышевского и П.Д. Юркевича, высказанные относительно задач психологической науки как примеры экспериментального (Н.Г. Чернышевский) и интроспективного (П.Д. Юркевич) подхода в психологии. Так, философ Н.Г. Чернышевский в своих работах придерживается естественнонаучной позиции в отношении психологии и философии и отстаивает позицию, что психика является функцией мозга. Человека во всех его проявлениях должны изучать естественные науки, без разделения на две различные части (внешнюю и внутреннюю). Придерживаясь идеи наличия единой субстанции и силы во всех явлениях мира, Н.Г. Чернышевский предпринимает попытку приложить ее и к человеку и его душевной жизни (Чернышевский, 1860, с. 349). Он считает, что необходимо отказаться от дуализма восприятия и объяснения человека, признавая единство проявлений человеческого организма. Плодотворнее смотреть на человека через единичную призму, а не множить их. Человек обладает одной «натурой», ей же можно объяснить и внешнюю, и внутреннюю жизнь. Согласно Н.Г. Чернышевскому, мы можем наблюдать в человеке только одну эту природу (физиологического характера), а если в нем было две природы, то мы могли ее так же наблюдать объективно или установить ее наличие с помощью естественнонаучных методов. Однако вторую сущность в человеке мы не обнаруживаем. В человеке нет необходимости отдельно изучать явления материального порядка и явления нравственного порядка (душевные явления). Хотя они являются различными качествами по форме, но, по мнению Н.Г. Чернышевского и согласно применяемому им принципу общего источника происхождения качеств объекта, и физические, и психологические свойства человека имеют одну природу.

Н.Г. Чернышевский считает, что именно естественнонаучные методы и знания двигают всю науку вперед и составляют ее основное развитие, а значит

следует их применять к нравственным и метафизическим проблемы для анализа и объяснения. Он показывает преимущества естественнонаучных знаний в понимании и объяснении человеческой жизни на следующем примере: если принять положение «праздность приятна, а труд не приятен», то мы столкнемся с моральной дилеммой, что человек, получается, скорее, будет стремиться к отдыху и развлечению, чем к труду. Но естественнонаучный подход легко разрешает эту проблему, и даже больше – демонстрирует отсутствие этой проблемы. Согласно физиологии, приятность – это свойство ощущения, которое проистекает из активности и деятельности организма. Но состояние праздности – это отсутствие какой-либо активности и деятельности, значит, праздность никак не может быть связана с приятностью и приводить к ней; а приятность может произвести только какая-либо активность, следовательно, труд. Т.к. естественные науки оперируют материальными объектами и избегают духовных, метафизических, неточных, зачастую слабо осмысленных объектов, то философ видит в такой мыслительной стратегии сильную сторону естественных наук (особенно, физиологии).

Еще одним примером успешного, по мнению Н.Г. Чернышевского, применения естественных наук к гуманитарным проблемам являются объяснение возвышенные поступки и психологические качества человека с помощью физиологии. Любое действие человека связано с удовлетворением человека, а значит легко понять, на что направлена его деятельность – в первую очередь, на самого себя, связана с эгоизмом, а не с альтруистическими и нравственными стремлениями.

Называя свой подход антропологическим принципом в отношении душевных (в частности, нравственных) явлений, Н.Г. Чернышевский полагает, что человека – это существо с одной лишь «натурой», одной сущностью (и в этом есть подобие человека животному). Человеческую жизнь не стоит «разрезать» на несколько частей, ведь человек един во всем, все его проявления приходят к одному истоку. Более того, каждое его проявление

необходимо рассматривать в непосредственной связи со всем организмом (Чернышевский, 1860а, с. 43). Т.е. все «внутренние», психологические феномены связаны с физиологическим организмом и объясняются через него, что ученый красноречиво демонстрировал.

Исходя из подавляющего пользы и практичности естественных наук, необходимо признать психологию (и другие метафизические дисциплины) не самостоятельными науками; они должны разрабатываться по образцу естественных, которые опираются на выявленные закономерности и причинно-следственные связи.

Совсем другие позиции отстаивает киевский психолог и философ П.Д. Юркевич. Для подлинного исследования внутреннего содержания души и ее понимания необходимо опираться на эмпирическую психологию, используя метод самонаблюдения. Такой подход подчеркивает особенность и самостоятельность душевных переживаний и нравственных проблем. Он пишет: «Тысячи чувствований, стремлений, представлений, понятий и идей, привычек, склонностей и страстей выныряют на поверхность сознания неожиданно и без нашего ведома, сочетаются или пересекаются в различных отношениях, определяют нашу деятельность, наш взгляд на людей и обстоятельства, наши симпатии и антипатии, наше ежеминутное душенастроение, - и все это разнообразие явлений, из которых каждое хочет сказать нам, по-своему, что такое душа, происходит от причин и условий, изменяющихся до бесконечности» (Юркевич, 1861, с. 369).

Решающим различием подходов П.Д. Юркевича и Н.Г. Чернышевского выступает развитие первым именно субъективистского и идеалистического учения, в котором «вторая натура», внутренняя жизнь, душевные переживания обладают самостоятельным статусом, а не сводятся к физиологии (Юркевич, 1861, с. 368). Когда психолог предпринимает попытку идентифицировать и объяснить, что такое душа, то он не ограничивается простыми утверждениями и упрощением, но наоборот старается как можно более полно представить душевную жизнь, выразить ее сложность, непостоянство, изменчивость. Более

того, осознавая сложное устройство души, психолог сталкивается с замкнутым кругом ее психологического исследования: душа сама по себе субъективна, и психологическое исследование субъективного происходит опять же субъективно, т.к. психолог, в первую очередь, имеет дело с собственной душой.

Приведенный фрагмент доказывает нам необходимость применения самонаблюдения на пути раскрытия сущности души; однако специфика подхода П.Д. Юркевича заключается в том, что истинное познание души представляется очень сложным (если не невозможным): душа является неуловимой, независимой, гибкой. Но такие характеристики естественные науки признать не могут, т.к. их категории более жесткие, и использование их к материальным объектам правомерно, но не к душе.

Необходимо отметить, что такой дискурс не является полностью идеалистичным. По мнению П.Д. Юркевича, идеалистическая психология занимается изучением того, как рождается в мире разумность, априорность присутствия разумности в природе (по Божественному промыслу), как возникает душа, как формируется душевная жизни, и какую задачу выполняет души в отношении всего сущего (Юркевич, 1861, с. 370). Хотя это и важный аспект изучения души, но П.Д. Юркевич делает бóльший акцент на эмпирической психологии. Она занимается исследованием феноменологии души, выявляет опытное содержание душевной жизни. Эмпирическая психология придает наибольшую значимость именно опытным фактам душевной жизни, взаимоотношения и связи душевных явлений, определение опытных причин их образования и развития (Юркевич, 1861, с. 372-373). Этот раздел психологии обладает как собственной спецификой, так и сходством с естественными науками.

По мнению П.Д. Юркевича, Н.Г. Чернышевский редуцирует психологию как науку. Несмотря на то, что богословские и метафизические науки (к которым в середине XIX в. относилась психология) нуждаются в усвоении некоторых принципов философии реализма и позитивизма

Н.Г. Чернышевского, тем не менее, полностью их нельзя применить к психологии. Во-первых, Н.Г. Чернышевский, скорее, разрабатывает некоторое подобие психологического физиологизма, что нивелирует психологию как науку и вообще потребность в ней: «Психология не может получать своего материала ниоткуда, кроме внутреннего опыта. Ощущения или представления, чувствования и стремления суть такой материал, которого вы нигде не отыщете во внешнем опыте и, следовательно, ни в какой области естествознания» (Юркевич, 1861, с. 377-378). В таком случае, предмет психологии мы можем обнаружить только во внутреннем наблюдении, который психология может обеспечить. Естественные науки отрицают субъективно полученные данные (Юркевич, 1861, с. 378).

Во-вторых, познание души пока невозможно без признания т.н. гносеологического дуализма. Это не платоновский дуализм мира идей и мира вещей, но дуализм познания человека как существа двойственного. П.Д. Юркевич, что несмотря на попытки естественных наук и материализма свести все проявления человека к одной природе, отрицая внутренний мир, душевную жизнь, мы все равно в самой своей жизни всегда будет рассматривать человека двояко: внешность, тело, организм – с помощью внешних органов чувств, душевные явления, личность, идеи человека – «внутренним чувством». Первое область – это физиологическое познание организма, вторая – психологическое познание духа (Юркевич, 1861, с. 384). И физиологическое познание не может заменить психологического, т.к. все содержание души будет лишено его самостоятельности и субъективности: ощущение, с физиологической точки зрения, это не переживание, а всего лишь движение нервов (хотя и этот элемент ощущения нельзя отбрасывать, но не отождествлять со всем ощущением как таковым) (Юркевич, 1861, с. 386-387).

Наконец, философ отрицает положения физиологизма о том, что душа человека и животного подобны друг другу. Особенности человеческой души заключаются в ее возвышенности и сложности в сравнение с животной душой. Человек осознает себя не как биологический индивид, но как социальное и

культурное существо, которое обладает высшим предназначением и способно к усвоению и применению нравственности. Человек – это не родовое существо, а личное, индивидуальное, поэтому и человеческий дух тоже индивидуальный. В отличие от животного, человек не подвержен влечениям и биологическим условностям, но он сам способен руководить собою, человек свободен. Развитие человеческой души, хотя и подчиняется некоторым родовым закономерностям, наивысшего развития достигает именно индивидуально, через постановку собственных жизненных целей, а реализации только общепринятых, обязательных по родовому или биологическому признаку. Ведущим фактором формирования человеческого духа является нравственность, разумность, самосознание, а не физиологические влечения и инстинкты (Юркевич, 1861, с. 426). Только такой подход позволяет достичь истинных знаний относительно души человека, подчеркивая ее уникальность и самостоятельность, а не упрощение и зависимость от физиологических и материальных причин.

1.3. Место научного творчества В.А. Снегирева в структуре психологической науки в России в XIX в.

Рассмотрев концептуальные основания и основных представителей умозрительного и интроспективного направлений отечественной психологии в XIX в., необходимо определить место В.А. Снегирев в данном историко-научном контексте. Как мы указали в начале главы, идеи казанского психолога относятся именно к этим двум психологическим подходам: в его концепциях прослеживаются умозрительные идеи относительно сущности души, которые не могут быть доказаны эмпирическим путем, и интроспективные позиции в отношении отдельных душевных явлений и процессов. В.А. Снегирев никогда не проводил экспериментальных (и более того, физиологических) исследований, соответственно, к последнему направлению его причислить

нельзя. Отнесем конкретные его идеи к умозрительному и интроспективному направлению.

К умозрительным идеям в творчестве В.А. Снегирева, в первую очередь, относится положение о субстанциальности души, ее отличия от материи вообще и тела в частности. Признание самостоятельного начала за душой ведет к следующим следствиям: отсутствие редукции содержания души/сознания к физиологическим рефлексам, обеспечение субъективной, внутренней познаваемости души, наделение человека свободой воли.

Объяснить это положение В.А. Снегирева можно, вероятно, тем, что ученый был религиозной личностью: родился в семье священника, обучался в духовных учебных заведениях (училище, семинария, академия), получил степень магистра богословия, работал в духовной академии; и опорой на положение о субстанциальности души он хотел лишь обозначить религиозную составляющую собственного учения, при этом исключив абсолютизацию религиозных (умозрительных) догматов, которые могли бы значительно нарушить строй научного психологического подхода. Справедливости ради, необходимо отметить, что, как мы видели в первой главе, большинство представителей интроспективной психологии придерживались идеи субстанциальности души, и это, скорее, была особенностью интеллектуальной эпохи в России во второй половине XIX в. Значение взглядов В.А. Снегирева для умозрительной психологии было не высоким: он высказывал общепринятые в сфере религиозных мыслителей и философов идеи и не ставил задачу развивать именно это направление в психологии.

Значительно больше присутствует в творчестве В.А. Снегирева концепций, относящихся к интроспективной психологии. Прежде всего, ученый определяет в качестве предмета исследования внутренний опыт переживания душевных явлений, что достигается с помощью основного метода – интроспекции. Его психологическое учение в основной своей части состоит из рассмотрения различных душевных явлений и процессов, доступных внутреннему наблюдению, что является для В.А. Снегирева

критерием научности в психологии (психология должна начинать собственное исследование души с непосредственно доступных человеку явлений – внутренних ощущений, образов, чувств, идей и др.). И одна из главных заслуг казанского ученого заключается в том, что он последовательно применяет метод интроспекции для решения актуальных для конца XIX в. проблем, которые отстаивались многими умозрительными мыслителями и психологами, и приходит к следующим выводам: представление познавательных явлений как единого процесса и преодоление разделения ума на рассудок (ум низшего уровня) и разума (ум высшего уровня); обоснование чувствования как самостоятельного процесса и характеристика сложных чувств (эстетического, нравственного и религиозного) как несводимых только к удовольствию и неудовольствию; представление системы волевых процессов; учение о тождестве и единстве человеческого «Я», которое преодолевает абстрактность и множественность этого явления.

Роль указанных идей В.А. Снегирева для интроспективного направления в отечественной психологии конца XIX в. заключается в исключении умозрительных и сугубо философских положений из эмпирической психологии, которая в 1880-1890-е гг. осуществляет постепенный переход к экспериментальной научной психологии. Однако нельзя сказать, что В.А. Снегирев был оригинальным во всем строе своей психологической системы: многие его идеи были им заимствованы у английских и немецких психологов (например, идеи об ощущении, представлении, памяти, творчестве и др.).

Таким образом, психологические концепции казанского психолога занимают характерное для этого времени место в строе умозрительной психологии, но играют значимую роль в интроспективной психологии: по нашему мнению, его идеи являются значимым водоразделом и представляют собой переход от философской к научной психологии в России в XIX в., что мы покажем в следующих главах.

Выводы по главе 1

1. Историографический и теоретический анализ научного контекста психологической науки в России в XIX в. показал, что отсутствует единая точка зрения на классификацию направлений в психологии в России в XIX в. и что, опираясь на А.В. Петровского, целесообразно объединить весь спектр психологических подходов отечественных психологов, философов и богословов к трем направлениям: умозрительная психология, интроспективная психология, экспериментальная психология. Для рассмотрения контекста психологических взглядов В.А. Снегирева мы сосредоточились на двух направлениях, которые присутствуют в творчестве ученого: умозрительное и интроспективное.

2. Анализ теоретических концепций представителей умозрительной и интроспективной психологии позволил сформулировать определение данных подходов. Под умозрительной психологией необходимо понимать такой подход, в рамках которого мыслители обозначают психическое как сверхчувственное бытие, соединяющееся с идеей Абсолютного/Божественного/Бесконечного, закрытое от эмпирического (интроспективного) познания и доступное лишь созерцанию разума и других «высших» способностей души.

Интроспективную психологию следует определить как подход, в рамках которого ведущим методом признается интроспекция (самонаблюдение), психологические знания приобретаются через опытные/эмпирические данные о психологических процессах путем наблюдения за собственными душевными явлениями и сосредоточения на них.

3. С помощью рассмотрения структуры психологической науки в России в XIX в. мы смогли определить в ней место В.А. Снегирева и показать его принадлежность к актуальному для данного периода психологическому дискурсу. Психологические идеи казанского психолога относятся к умозрительной и интроспективной психологии. К умозрительным

положениям относится признание субстанциальности души, которая выражается в следующих следствиях: отсутствие редукции содержания души/сознания к физиологическим рефлексам, обеспечение субъективной, внутренней познаваемости души, наделение человека свободой воли. Этим ограничивается использование В.А. Снегиревым умозрительных и философских идей в своем психологическом учении.

К интроспективным разработкам В.А. Снегирева относятся рассмотрение различных душевных явлений с помощью самонаблюдения и преодоление некоторых распространенных для второй половины XIX в. спекулятивных положений. Интроспективно он развивает следующие идеи: представление познавательных явлений как единого процесса и преодоление разделения ума на рассудок и разума; обоснование чувствования как самостоятельного процесса и несведение сложных чувств только к удовольствию и неудовольствию; представление системы волевых процессов; разработка учения о тождестве и единстве человеческого «Я».

Подробное представление психологических взглядов В.А. Снегирева будет проведено в следующих главах.

Глава 2. Реконструкция научной биографии В.А. Снегирева

2.1. Жизненный путь В.А. Снегирева

Для понимания истоков психологических и философских взглядов В.А. Снегирева необходимо проследить его жизненный путь. Биографические данные представляются на основе справочных и энциклопедических работ, а также вновь обнаруженных архивных материалов, руководствуясь основными принципами биографического исследования в истории психологии (Кольцова, 2004; Кольцова, Холондович, 2012). Описывается биография В.А. Снегирева и его личностные особенности на основе опубликованных работ его брата А.А. Снегирева и ученика В.И. Несмелова, что обеспечивает учет личностных факторов в научном творчестве ученого (Холондович, 2010).

Детство и студенчество

Вениамин Алексеевич Снегирев родился 17 (5) октября 1841 г. (ГАНУ, Ф. 570. Оп. 5596. Д. 1130. Л. 1023об.) в с. Тимонькино (Нижегородская губерния) в семье священника Алексея Михайловича Снегирева. С детства отец приобщал Вениамина Алексеевича к «Житиям святых» и занимался подготовкой своего сына к поступлению в духовное училище.

Вениамин Алексеевич учился в Печерском уездном училище (1854-1858) при Печерском Вознесенском мужском монастыре (тогда – в Нижегородской губернии). А.А. Снегирев, его брат, так описывает это время: «...училищное обучение оказало на В.А. благотворное действие одною из лучших своих сторон, – именно: приучило его к самостоятельному осмысленному труду по усвоению училищных “наук”, переработке, в массе упражнений, усвояемого материала, а вместе с тем способствовало быстрому умственному развитию» (Снегирев, 2008, с. 8).

Значительное влияние на В.А. Снегирева во время обучения в

Печерском духовном училище оказал Елпифидор Антонович Садовский, смотритель училища и учитель православного катехизиса, латинского языка. Как пишет А.А. Снегирев, общение Е.А. Садовского и В.А. Снегирева оказало определенное влияние на личность последнего: «Принимая в своем любимце-ученике чисто родственное участие, Елпидифор Антонович, в своих ежедневных домашних беседах с ним, обогащал его знаниями по разным отраслям, вселял в него лучшие чувства и стремления и руководил им своими указаниями и советами» (Снегирев, 2008, с. 8);

Окончив Печерское духовное училище в 1858 г., Вениамин Алексеевич продолжил обучение в Нижегородской духовной семинарии (Нижегородская духовная семинария..., 2010; Тихов, 1905), и, как свидетельствуют архивные находки, учеником он был прилежным.

Обучаясь в 1 классе низшего отделения семинарии, в 1859/60 учебном году с сентября по декабрь он отмечался «примерным трудолюбием и благонастроенностью характера» (ЦАНО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 44. Л. 99 об.); в январе-марте – оценка «трудолюбивое и скромное поведение» (там же); в апреле-июне – оценка «примерное трудолюбие и благоразумие в поступках». То же можно наблюдать и во время обучения во втором классе - оценка «благонастроенность» и «трудолюбие» (ЦАНО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 44. Л.187).

В документе «Показание успехов учеников низшего отделения Семинарии при окончании учебного курса в 1860 года, извлеченное из профессорских свидетельств» приведены оценки В.А. Снегирева по различным предметам, изученным в 1 классе низшего отделения. К сожалению, в документе сохранились названия далеко не всех предметов. Приведем эту таблицу в ее сохранившемся виде (табл. 2; ЦАНО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 44. Л.153 об.).

Успеваемость В.А. Снегирева в период обучения в низшем отделении Нижегородской духовной семинарии (архивные материалы)

Время данных свидетельств	По священном у испытанию	По катехизическом у учению	По богослужению								
1858 года в декабре		1		1	1	1		1	1	1	1
1859 года в июне		1		1	1	1		1	1	1	
1859 года в декабре	1		1	1	1	1	1	1	1	1	
1860 года в мае-июне	1	1	1	1	1		1	1	1	1	

Просматривая документ с оценками поведения учеников за 1 и 2 классы среднего отделения, напротив имени В.А. Снегирева стоят следующие слова: в 1 и 2 году курса поведение отличалось «благородством характера, трудолюбием и примерным благонравием» (ЦАНО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 50. Л. 77).

Оценки, полученные им во время обучения в среднем отделении, представим в табл. 3 (ЦАНО. Ф. 567. Оп. 1. Д. 50. Л. 26 об.).

Из рассмотренных архивных материалов видно, что В.А. Снегирев учился очень хорошо. В списках учеников всегда В.А. Снегирева указывали в первой строчке, что означало, что он – один из лучших учеников класса.

**Успеваемость В.А. Снегирева в период обучения в среднем
отделении Нижегородской духовной семинарии (архивные материалы)**

Даты	По священному писанию и <...> (неразборчиво)	По логике и психологии и патристике								
Декабрь 1860	1	1	1	1	1		1	1	1	1
Июнь 1861	1	1	1	1	1		1	1	1	1
Декабрь 1861	1	1	1			1	1	1	1	1
Июнь 1862	1	1	1			1	1	1	1	1

Окончив Нижегородскую семинарию в 1864 г., В.А. Снегирев продолжил обучение в Казанской Духовной Академии.

При поступлении в Казанскую духовную академию В.А. Снегирев был одним из лучших абитуриентов по результатам вступительных экзаменов (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2379. Л. 8). Здесь он изучал следующие предметы: основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, патрология, общая церковная история, церковное законодательство, логика, психология, философия, физика, общая гражданская история, словесность, математика, Священное Писание, еврейский, греческий, латинский, немецкий, французский языки, миссионерские предметы и др. По большинству предметов у молодого ученого были достаточно высокие оценки, в частности, по языкам, словесности, физике, алгебре, церковной истории и психологии (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2385). В итоговом аттестате у В.А. Снегирева значатся следующие оценки: основное, догматическое, нравственное, обличительное

богословие, Священное писание, писание Св. Отцов Церкви, православное Богослужение, церковное законоведение, гомилетика – отлично хорошо; общая церковная история, Русская церковная история – весьма хорошо; опытная психология, история философии – весьма хорошо; словесность, математика, общая гражданская история, миссионерские предметы – очень хорошо; физика, Русская гражданская история – весьма хорошо; еврейский язык – весьма хорошо; греческий, немецкий, французский языки – отлично хорошо; латинский, турецко-татарский, арабский языки – очень хорошо (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6417а). Неудивительно, что казанский психолог был очень образованным и впоследствии постоянно изучал зарубежную научную литературу.

Среди преподавателей, которые могли повлиять на становление философских и психологических взглядов В.А. Снегирева, можно отметить: Михаил Иванович Митропольский (1834-1894), философ, экстраординарный профессор, магистр философии, преподаватель психологии, метафизики, немецкого языка, Кирилл Васильевич Мысовский (1836-1880), философ, богослов, профессор, магистр богословия, преподавал логику и историю философии.

Брат В.А. Снегирева так характеризует этот период его жизни: «В.А. обнаруживал еще более высокий подъем энергии, с которой он почти все время образования в Академии, с некоторыми только перерывами, отдавался самой воодушевленной работе. С особенною любовью и успехом он занимался, как и прежде, сочинениями, которые, по объему и характеру, выходили своего рода научными трактатами, написанными по разнообразным источникам, требовавшим основательного знания древних и новых языков <...>. Да и вообще студенческие занятия В.А-ча носили характер подготовки к ученой деятельности» (Снегирев, 2008, с. 10).

Работа в Казанской духовной академии и Казанском университете

В 1868 г. по окончании Академии Вениамин Алексеевич остался при кафедре психологии и логики на богословском отделении для получения степени магистра. В это же время он был назначен преподавателем логики и психологии. Со слов его брата, известно письмо родителям: «и так осуществилась заветная надежда, сбылась золотая мечта, - я призван служить горячо любимой науке!» (Снегирев, 2008, с. 10). Помимо этих курсов, Вениамин Алексеевич читал метафизику, психологию и логику с 1871 г. по 1885 г. в Казанском Университете (ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. ДД. 5554, 5692, 5808, 6024, 6070, 6304, 6356, 6388, 6616, 6761, 6920, 7047, 7105, 7349, 7492).

Его брат характеризует преподавательский период жизни Вениамина Алексеевича следующим фрагментом: «Если принять во внимание, что постановка чтений Вениамина Алексеевича по Психологии и Логике, при единстве общего характера их, в Академии и Университете была различна, что он не любил повторять из года в год одно и то же здесь и там, а постоянно оживлял свои лекцию новыми, современными данными той и другой науки, для чего требовалось иногда заново редактировать целые отделы; то, имея в виду другие ученые занятия покойного профессора, легко понять как много и с каким напряжением должен был трудиться он» (Снегирев, 2008, с. 11).

Подготовив работу «Учение о Лице Господа нашего И. Христа в трех первых веках христианства», 30 июня 1870 г. Вениамину Алексеевичу присваивают степень магистра богословия, а позднее 15 августа он получает звание доцента (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6427; Загоскин, 1900, с. 51). В 1872 г. получает звание экстраординарного профессора (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6431).

Кроме преподавательской деятельности, в разные годы В.А. Снегирев:

- состоял членом комитета духовной цензуры (с 1876 г.);
- членом Совета от богословского отделения (1874-1882 гг.), оппонентом на защите диссертации (1873 г.). При Казанской академии существовал Совет,

который занимался вопросами по учебно-воспитательной и административной частям. Вопросы разделялись на две группы: 1) наиболее важные выносились на общее собрание Совета, где председателем был ректор, а в состав входили все ординарные и экстраординарные профессора; 2) остальные вопросы, выносившиеся на обыкновенное собрание под председательством ректора, но в состав входили его помощники по учебной части, инспектора академии и шесть профессоров (по два от каждого отделения – богословского, церковно-исторического и церковно-практического) (Терновский, 1892, с. 73). В.А. Снегирев был избран членом Совета академии от богословского отделения на срок с 1874 по 1882 гг. Ежегодно проводились торжественные собрания Совета, где секретарь академии читал отчет за прошедший учебный год и кто-либо из профессоров – речь научного содержания. В 1874 г. такую речь – «О сне и сновидениях» (Терновский, 1892, с. 74) – читал профессор В.А. Снегирев. На открытых собраниях Совета проходили защиты сочинений на степень доктора, и 16 сентября 1873 г. Вениами Алексеевич выступил официальным оппонентом (вместе с Д.В. Гусевым) на защите сочинения М.Я. Красина на тему «Творение Августина “De civitate Dei”, как апология христианства в борьбе с римским язычеством» (Терновский, 1892, с. 76).

- входил в комиссию для составления проекта систематического каталога библиотеки духовной академии.

По воспоминаниям своего брата, Вениамин Алексеевич выписывал множество книг в академическую библиотеку, а также на собственные средства покупал научную литературу: «... не ограничиваясь тем, что давали ему специальные монографические исследования в области психологии и логики, он с большим вниманием следил еще за журнальной философской литературой – английской, немецкой и французской» (Снегирев, 2008, с. 13).

В.А. Снегирев по праву считается учителем выдающегося русского философа и религиозного антрополога Виктора Ивановича Несмелова (1863-1937): в 1887-1888 учебном году он руководил занятиями В.И. Несмелова по метафизике .

Наконец, Вениамин Алексеевич был удостоен следующих наград (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. ДД. 6572, 6861, 8100; Терновский, 1892):

- 1873 г. – орден Святой Анны 3-й степени.
- 23 августа 1875 г. – орден Святого Станислава 3-й степени;
- 24 октября 1880 г. – чин статского советника со старшинством;
- 9 октября 1887 г. – премия Митрополита Московского Макария решением Совета Казанской духовной академии.

К сожалению, Вениамин Алексеевич прожил короткую жизнь: 16 февраля 1889 г. он умер от неизлечимой болезни (рак пищевода). Автором некролога стал его ученик, впоследствии известный ученый-богослов В.И. Несмелов (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8426; Несмелов, 1889, с. 97-154).

Педагогическая деятельность

Согласно одному из исследователей истории Казанской духовной академии С.А. Терновский описывает особенности педагогической деятельности преподавателей второй половины XIX в. (Терновский, 1892). Каждый преподаватель, разрабатывая курс дисциплины, преподавал как бы «свою науку»: учебный предмет носил общий распространенный характер, а отражал уникальный взгляд данного преподавателя и исследователя на вопросы преподаваемой науки; преподаватель старался разбирать со студентами наиболее актуальные вопросы науки для того времени, а с уже известными знаниями он предлагал ознакомиться в научной и учебной литературе.

«Особыми науками», которые преподавала В.А. Снегирев, были психология, логика и метафизика. Как преподавателя, В.И. Несмелов называл его «истинно глубоким мыслителем», который был настолько погруженным в предмет собственного изучения, настолько устремленным к истинному знанию, что предъявлял высокие требования и к студенту относительно познания проблем, о которых он говорил, и усвоения знаний, которые он

преподавал (Несмелов, 1889, с. 97). Но самые высокие требования он предъявлял именно себе, не устанно стараясь понять, как должна строиться та или иная наука, как должен быть исследован тот или иной предмет.

В.И. Несмелов вспоминает свое первое впечатление о В.А. Снегиреве: «В осеннее полугодие 1883 года в аудиторию Вениамина Алексеевича вступил новый курс академических слушателей. Лекция психологии как раз состоялась на второй же день по объявлении занятий и, насколько помнится, она была первой лекцией, на которую должны были заявиться новые студенты... Вениамин Алексеевич, едва только вошел в аудиторию, разумеется, с первого же взгляда отгадал настроение своих слушателей и, живой от природы, еще более оживился при виде со всех сторон устремленных на него любопытных глаз. Он, как и потом не редко бывало, быстро вбежал на свою кафедру и с живым увлечением начал читать свою первую вступительную лекцию о понятии психологии» (Несмелов, 1889, с. 100-101). Эта первая лекция по психологии имела противоречивое и заинтриговывающее влияние на слушателей: «...профессор все поразрушил, наставил ряд вопросов и ушел, ничего не сказав» (Несмелов, 1889, с. 102).

Лекции В.А. Снегирева были достаточно сложны, они демонстрировали высокую приверженность научности. Из-за этого, как считает В.И. Несмелов, они могли казаться чересчур сухими, иногда скучными или непонятными (особенно, для новеньких или тех, кто не владел языками) (Несмелов, 1889, с. 105). Профессор мог достаточно долго перечислять имена ученых и названия из работ, которые внесли значительный вклад в развитие преподаваемой науки. Но всегда в аудитории находились те студенты и слушатели, которые внимательно слушали эту, возможно и однообразную, но чрезвычайно важную информацию, по достоинству оценивая детальность и скрупулезности подхода профессора к изучению и преподаванию дисциплины. И обогатившись этим материалом, а главное, духом науки, эти студенты уходили с восхищением после прослушанной лекции.

Содержание лекции по психологии, преподаваемых В.А. Снегиревым, заключалось в обзоре современных психологических концепций и направлений, оценке их сильных и слабых сторон и предложении собственного взгляда на тот или иной вопрос. Критиковал профессор односторонние подходы (физиологизм, спиритуализм, голый эмпиризм) и предлагал обобщающий взгляд на психологические явления. Освещались им исторические истоки психологии, теоретические аспекты психологии (задачи, предмет, метод), рассматривались отдельные душевные сферы. В.А. Снегирев старался давать всесторонний анализ психических явлений.

В.И. Несмелов отмечал, что преподавание логики казанским профессором пользовалось не такой популярностью, как психология. (Несмелов, 1889, с. 121). Казалось, что лекции по логике были затянутыми, однообразными, изобилующими многочисленными подробностями, мелкими деталями различных подходов, теорий, концепций, отдельных аспектов, что воспринимались в некотором роде скучными. Более того, В.А. Снегирев, в отличие от психологических штудий, не давал окончательных ответов на вопросы и проблемы логической науки, а как бы представлял учащимся самим сделать выводы. Сами студенты считали, что такое преподавание логики объясняется просто не таким высоким интересом самого профессора к логике, в отличие от психологии. Но, как предполагает В.И. Несмелов, скорее, такое положение дел коренится в самом характере логики (сложном и противоречивом), которая еще и переживала период кризиса в конце XIX в. И, вероятно, именно детальное рассмотрение всех точек зрения и было самым полезным подходом.

Тем не менее, общее мнение студентов о профессоре было самым высоким. В.И. Несмелов обозначает его выдающимся профессором и ученым, которые не только пользовались своим уже сложившимся авторитетом, но и был способен вновь вызывать как у студентов, так и коллег самую высокую оценку отношения к науке и преподаванию (Несмелов, 1889, с. 106).

2.2. Историография анализа научного наследия В.А. Снегирева

Прежде всего, представим характеристику и отзывы о творчестве и идеях В.А. Снегирева со стороны его современников. Все рецензии и работы вышли уже после смерти, что является важным: с ученым никто не полемизировал. Авторы работ уже выражали свое мнение без относительно того, что мог бы им ответить В.А. Снегирев как защищающий свои взгляды. Также стоит отметить, что все рецензии и отзывы посвящены разбору единственной книге казанского профессора – учебника «Психология» – и никак не касаются его работ и других статей.

В.Н. Ивановский опубликовал рецензию на учебник «Психология», который был издан уже посмертно. Рецензент обозначает В.А. Снегирева как представителя английской психологии и его заслугой считает формулировку некоторых дополнений и поправок к идеям английских мыслителей. Оценивая философские и метафизические воззрения казанского ученого, рецензент относит их к дуалистическим. Среди критики В.Н. Ивановский особо останавливается на учении о воле и критикует ученого за недостаточную полноту раскрытия сущности воли и поверхностный анализ различных видов волевых явлений (Ивановский, 1893, с. 93).

М. Вержболович также считает, что присутствовало большое влияние английской философии и психологии на работы В.А. Снегирева, и дает оригинальное для того времени обозначение его подхода – психологический индивидуализм, который выражается в целостности души и тела, цельности личности, важности самосознания (Вержболович, 1895, с. 459).

Еще одна рецензия на только что вышедшую работу опубликована в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (Психология. Систематический курс..., 1893, с. 287-288). Неизвестный автор указывает, что, вероятно, В.А. Снегирев как ученый оставил о себе светлую память и признание, т.к. публикуются его лекции по психологии, найденные и хорошо составленные. Он пишет: «рассматривая затем самую книгу, находим в ней

изложение курса психологии, сделанное живым и ясным языком, и при том имеющее характер не компиляции, а попытки самостоятельно поставить и решить психологические вопросы. Везде автор стремится опираться на самые основы науки и критически разбирает различные взгляды на предмет» (Психология. Систематический курс..., 1893, с. 287). По мнению рецензента, в каждом вопросе казанский психолог берет «самое лучшее и ценное» из каждого направления и создает некоторый новый взгляд, который, правда, не обретает какой-то новый подход. «Таким образом получается, однако, разностороннее и любопытное изложение всех главных вопросов психологии, так что для изучающего эту науку книга Снегирева несомненно представляет очень поучительное чтение» (Психология. Систематический курс..., 1893, с. 288).

А.И. Сырцов обращается к учению В.А. Снегирева о происхождении общих представлений и понятий, которое основывается на ассоциативных механизмах. Автор критикует В.А. Снегирева за излишнюю механистичность в описании механизмов образования и функционирования представлений и понятий, считая, что казанский психолог лишает активного начала личность: «Преобразование элементарных психических состояний в сложные образования определяется, по его мнению, не запросами души, а самими состояниями – их содержанием (закон сходства) и порядком их возникновения (закон смежности). Личность с присущими ей интересами, запросами и потребностями оставляется у него таким образом в тени» (Сырцов, 1901, с. 783). Справедливости ради, необходимо отметить, что такая механистичность и пассивность в душевных явлениях В.А. Снегиревым усматривается только в отношении простых феноменов, а в отношении сложных (чувствования, воля, самосознание) ученый строит более субъектно-ориентированную концепцию.

Самый обширный обзор учебника «Психология» В.А. Снегирева опубликовал В.С. Серебренников (Серебереников, 1896). Он перечисляет основные разделы учебника, раскрывая основные идеи казанского психолога.

В.С. Серебренников характеризует психологический взгляд В.А. Снегирева в трех положениях: «а) При разработке психологии, самое главное внимание должно быть обращено на фактическую сторону. б) Объяснение собранных фактов может быть достигнуто чрез гармоническое сочетание всех известных психологических воззрений. в) Из существующих психологий самой ценной является английская психология» (Серебренников, 1896, с. 202). Он выделяет как достоинства, так и недостатки данной работы. В качестве достоинств он указывает обилие фактического материала («проф. Снегирев все свои взгляды старается иллюстрировать и доказывать фактами» (Серебренников, 1896, с. 202)), внешнюю стройность и конкретную определенность изложения («Он описывает сначала элементы душевной жизни и связывающий их цемент и затем показывает, как из этих элементов при помощи этого цемента постепенно складывается содержание душевной жизни» (Серебренников, 1896, с. 202)), широту взгляда («обращаясь к решению какого-либо вопроса, он излагает существующие мнения <...> и затем – путем критики и объединения этих мнений – выводит свое собственное решение вопроса» (Серебренников, 1896, с. 203)). В качестве недостатков В.С. Серебренников видит отсутствие единства в приводимом фактическом материале, не достаточно логическое объединение различных точек зрения и «увлечение» английским ассоцианизмом. Наконец, он обозначает значимость труда в стройности психологической системы и широте используемых идей (объединение метафизической, эмпирической и физиологической психологии): «Психология проф. Снегирева, – будь она издана самим автором, – составляла бы серьезное, живо и с знанием психологической литературы написанное произведение. С выводами этого сочинения можно было бы не соглашаться, но нельзя было бы оставлять его без внимания русским психологам» (Серебренников, 1896, с. 209).

Современные исследователи творчества В.А. Снегирева имеют другую точку зрения на его идеи и предлагают более глубокий анализ. Прежде всего, укажем что В.А. Кольцова относит В.А. Снегирева к тем, кто активно

разрабатывал религиозно-философскую психологию на рубеже XIX-XX вв. наряду с С.С. Гогоцким, И.И. Лапшиным, Н.О. Лосским, В.И. Несмеловым, С.Л. Франком, П.Д. Юркевичем и др. (Кольцова, 1997, с. 37).

И.В. Цвык в своей справочной энциклопедической статье обозначает казанского профессора как идеалиста в психологии XIX в. Его психологические и философские взгляды были положены в основу христианского (и вообще религиозного) антропологизма, которую продолжил развивать в Казани его последователь и ученик В.И. Несмелов (Цвык, 2014, с. 578).

Влияние Московской духовной академии и богословской традиции на взгляды В.А. Снегирева усматривает Ю.А. Стоянов. Он сосредоточивает свое внимание на логических (гносеологических) взглядах психолога и показывает их преемственность философской и богословской мысли П.С. Авсенева и В.Н. Карпова. Как представителя метафизического психологизма Ю.А. Стоянов обозначает В.А. Снегирева за его взгляды относительно этики. И здесь он показывает влияние на казанского профессора трудов П.Д. Юркевича. Ю.А. Стоянов отмечает одним из наиболее ключевых вкладов ученого философско-психологический анализ формирования индивидуальности человека, который происходит на основе самосознания (Ю.А. Стоянов обозначает его даже методом). В самосознании человек соединяются высшее и низшее, абсолютное и конкретное в мире, что свидетельствует о наличии сверхчувствительного начала в человеке: только в самосознании человека могут соединиться вера и разум (Стоянов, 2004, с. 279). Также к концепциям познавательных процессов, разработанных В.А. Снегиревым, обращаются А.В. Белов (2017) и А.В. Катунин (2017).

О двух доминирующих личностных свойства В.А. Снегирева как ученого пишет И.П. Печеранский: В.А. Снегирев предстает как мыслитель-метафизик и психолог-эмпирик (Печеранский, 2013, с. 58). В.А. Снегирев в своих работах придерживается подхода спиритуализма, отстаивает субстанциальность души, но в то же время он разрабатывает и научные основы

психологии, свободные от влияния философии и метафизики: ученый работает над созданием эмпирической психологии. И.П. Печеранский указывает на умозрительную и метафизическую составляющую творчества – признание субстанциальности души, трансцендентальной ее основы, но познать ее В.А. Снегирев предлагал именно эмпирически: реально существующая, опытно фиксируемая и наблюдаемая конкретная личность и есть ядро психологического учения казанского профессора.

Н.К. Гаврюшин сравнивает творчество В.А. Снегирева с современными ему мыслителями, в частности, Анри Бергсоном (Гаврюшин, 2011, с. 286). Оба ученых видели в человеке единое жизненное начало и стремились анализировать непосредственные опытные факты сознания. Только А. Бергсон продвинулся дальше на этом пути: в тот год, когда вышла первая работа философа «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889) умер отечественный психолог. В.А. Снегирева Н.К. Гаврюшин называет «автохтонный субъектом» русской психологии, который стремился разработать строгую философско-психологическую науку, которая решала бы философские задачи психологическими (эмпирическими) методами. Но в «строгости» он не хотел идти по пути Гегеля или Гуссерля, а выстроить собственное направление исследования души и сознания человека (Гаврюшин, 2011, с. 288). Н.К. Гаврюшин анализирует его религиозно-психологические взгляды и показывает их близость с идеями Филиппа Пустынника и архиепископа Никанора (Бровковича).

В.В. Бондаренко (2017) и Е.С. Бекжанова (2017) видят в творчестве В.А. Снегирева экзистенциальные мотивы православного толка. М.Я. Дворецкая и А.О. Турина отмечают научную теорию нравственного чувства В.А. Снегирева, которая рассматривает происхождение и развитие идей добра и зла, чувства долга и нравственного закона человечества и отдельных личностей (Дворецкая, Турина, 2017). О психологических концепциях В.А. Снегирева, посвященных другим нравственным явлениям,

писали также Е.К. Веселова (2009, 2017) Д.В. Иванов (2006), О.Е. Серова (2018).

Ю.М. Зенько и Л.Ф. Шеховцова отводят психологическим идеям В.А. Снегирева значимое место (Зенько, 2007, 2018; Шеховцова, 2015; Шеховцова, Зенько, 2012). По их мнению, казанский мыслитель выступал за развитие эмпирической психологии, в рамках которой только и возможно наиболее полно изучить душу с помощью самонаблюдения. Отдельно ими отмечается важность концепций ученого в отношении личности, религиозного чувства и методологических основ психологической науки. Также исследователи считают, что В.А. Снегирев является одним из основных представителей и разработчиков основ христианской/православной психологии, на идеи которых опираются современные сторонники данного подхода.

Несмотря на обширное внимание исследователей к фигуре и идеям В.А. Снегирева, отсутствует однозначная трактовка его творчества, наблюдается сосредоточенность на его философских и религиозных взглядах, и лишь часть работ разрабатывает его психологические разработки. Это обуславливает актуальность исследования его биографии и научного творчества.

2.3. Истоки психологических взглядов В.А. Снегирева

Анализ истоков психологических идей

Задача определения мыслителей и научных традиций, повлиявших на творчество В.А. Снегирева, является важной, однако представляется сложной: В.А. Снегирев прямо не ссылается на определенных ученых и философов, чьи идеи он использует. Однако мы сделаем попытку проследить истоки его воззрений, в том числе, опираясь на положения, высказанные его учеником Виктором Ивановичем Несмеловым (1863-1937).

1. Субстанциональность души

В.А. Снегирев придерживается принципа разделения человека на две субстанции – душу и тело. Это положение он развивает вслед за Р. Декартом, Г. Лейбницем, Хр. Вольфом и И. Кантом. Присутствует важное различие между душой и телом: душа не производна от материи и физического мира, а обладает собственной субстанциальностью. Это свойство души является непреклонной истиной, обязательной, по мнению казанского профессора, для познания человека и его сущности. Вместе с тем, В.А. Снегирев отмечает и взаимодействие души и тела.

В.А. Снегирев подчеркивает особый статус душевных явлений: они являются высшей формой бытия. Душевные явления раскрываются через ряд уникальных черт: идеальность; сознательность; сверхчувствительность; неделимость; непространственность; субъективность.

Также казанский психолог использует деление психологии на рациональную и эмпирическую, что заложили также философы Р. Декарт, Г. Лейбниц, Хр. Вольф и И. Кант. В рамках рациональной психологии В.А. Снегирев развивает только субстанциональность души; вопросами происхождения души, ее бытия и бессмертия он не занимается. Положения эмпирической психологии им разрабатываются больше. В этом направлении ученый является последователем уже оформившейся русской психологической мысли, к которой принадлежали М.И. Владиславлев, С.С. Гогоцкий, Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, П.Д. Юркевич и другие мыслители.

2. Душа как простая «вещь»

Ключевым положением психологического учения В.А. Снегирева является признание души как простого существа, далее неделимого. Эту идею одним из первых сформулировал Г. Лейбница и обозначил монадой. Однако эта неделимость касается того, что душу нельзя разделить на отдельные части, как физический объект. Однако «психологическая делимость» души на отдельные явления и свойства присутствует: «Как идеальные и

сверхчувственные, явления душевные оказываются, далее, не заключающимися в себе никаких материальных частиц и потому не могут быть разделены на части, отдельные друг от друга. Правда, сложное душевное явление состоит из отдельных как бы частей, но все эти части тоже идеальны, и притом разложенное на свои составные части душевное явление не перестает сохранять свою целостность: разложение его тоже идеальное, кажущееся, а не действительное. Разложить явления душевные в собственном смысле, как разлагаются тела, нельзя» (Снегирев, 2008, с. 90).

3. Ассоцианизм

Закономерности протекания процессов и свойств душевных явлений в творчестве В.А. Снегирева выражается через ассоцианистское учение (Дж. Локк). Из современников казанский психолог опирается на Александра Бэна.

Ведущим механизмом взаимодействия, связывания, сочетания различных душевных процессов и явлений, по мнению В.А. Снегирева, является ассоциация. Этот механизм он кладет в основу взаимодействия и связи не только простых, но и сложных психических явлений: при связывании двух появляется новое образование, зачастую, сложнее устроенное, чем его элементы. Он пишет: «<...> ощущения – идеи, волнения, стремления входят между собою в связи или сочетания, более и менее простые или продолжительные, образуя, таким образом, сложные душевные величины – состояния. Этот процесс сочетания, опять, является неизменно и постоянно в каждой душевной деятельности, в каждом явлении и составляет сущность организации каждого из сложных состояний и слагающихся их процессов, в частности, процессов ума, чувства и воли. Он обыкновенно называется процессом ассоциации или просто ассоциацией, также ассоциацией идей. Процесс ассоциации совершается главным образом при посредстве вызова настоящими состояниями прежде бывших, что предполагает их сохранение в душе» (Снегирев, 2008, с. 129-130).

4. Физиологический аспект душевных явлений. Психофизиологическая проблема

В.А. Снегирев стремился создать целостный подход к изучению души, поэтому, по его мнению, нельзя исключать из психологического исследования физиологический аспект. Это важно потому, что через физиологию мы можем понять, как какой физиологический механизм лежит в основе душевного, что будет способствовать решению проблем и чисто эмпирической психологии. Обозначается такая область исследования души как материалистическая или собственно физиологическая. Этот подход не является основным: в его основе лежит ошибочное суждение о душе как функции мозга; но исключать такой обширный пласт знаний не следует, ведь присутствует тесная связь души и тела. Он пишет: «Материалистическая психология <...> имеет опору в действительно существующем, очевидном и неоспоримом факте, что всякое душевное явление имеет связь с каким-либо изменением телесным и, в огромном количестве случаев, прямо от него зависит, как от одной во всяком случае из свих причин; что весь сложный процесс душевной жизни, открывающийся познанию, как живое, организованное сверхъестественное целое, есть в то же время не менее сложный физический или физиологический процесс, невообразимо тонкого строения, но открытый по своему существу во всех своих частях внешнему наблюдению чувствами, хотя фактически, благодаря еще несовершенству орудий исследования вообще явления жизни, доступный в весьма незначительной своей части. Из этого факта возникает для науки обязательство подвергнуть самому тщательному и основательному обследованию эту физическую сторону душевного» (Снегирев, 2008, с. 47-48).

В.А. Снегирев решает психофизиологическую проблему через размежевания души и тела как самостоятельных субстанций, взаимодействующих друг с другом в некоторых аспектах, но не определяющих друг друга. В данном положении он опирается на английского психолога А. Бэна (1881).

5. Метод психологии

Как эмпирический психолог, В.А. Снегирев, в первую очередь, старается строить свое исследование души через собственный эмпирический опыт. Такой подход отстаивает в качестве основного метод интроспекции (самонаблюдения). Этот метод был основным для многих его предшественников; особое внимание ему уделяли именно в рамках эмпирической части психологии (Р. Декарт, и Дж. Локк, Г. Лейбниц, Д. Юм, И. Тетенс и др.). В отечественной традиции применяли такой метод в психологии П.С. Авсенов, О.М. Новицкий, Архимандрит Гавриил, С.С. Гогоцкий и др.

Ученый не разрабатывает новый аспект интроспекции, однако объясняет свою приверженность именно ему: «<...> первый шаг в исследовании состава души есть самонаблюдение, наблюдение наблюдателем и исследователем своих собственных состояний, описание их сравненное и проверенное в каждой подробности самонаблюдением других исследователей души» (Снегирев, 2008, с. 107).

6. Чувство (ощущение) как источник душевной деятельности

В.А. Снегирев признает, что самым первичным душевным явлением является ощущение (чувствование). Оно же является и источником для возникновения и развития других, более сложных явлений. Эту идею, как мы полагаем, казанский психолог развивает на основе работ Дж. Локка и И. Тетенса. Он пишет: «<...> жизнь духа несомненно начинается с ощущения и поддерживается постоянно их притоком; что ни одна идея, - пусть это будет самая возвышенная и удаленная от чувственности – идея личности, идея вселенной, мира духовного, божества и т.п., не может осуществиться и возникнуть в духе человеческом, пока не дана будет значительная сумма ощущений» (Снегирев, 2008, с. 194).

Такое положение предлагает особую формулировку задачи психологии – как из простого, примитивного, неразложимого ощущения, как из

неупорядоченного функционирования бесконечного множества ощущений развивается весь строй психики, формируется личность человека, его самые высшие и сложные проявления: «Вся задача научного исследования с этого момента состоит в том, чтобы проследить и выяснить постепенное возникновение из этого неопределенного и хаотического процесса ощущений и связанных с ними других элементарных состояний – определенных деятельностей: ума, чувства и воли, из коих слагается жизнь сформировавшегося духа человеческого» (Снегирев, 2008, с. 165).

7. Задачи эмпирической психологии

В истории психологии положения эмпирической психологии разрабатывали Хр. Вольф, Д. Юм, И. Кант. Ведущей задачей эмпирической психологии является изучение с помощью интроспекции отдельных душевных явлений и процессов, поиск их общей основы между собой и выделение более общих и сложных душевных явлений, состоящих из простых. В.А. Снегирев опирается на предшественников, однако уточняет задачу психологии: изучение именно тех общих психических явлений, которые присущи всем людям, и выделение на их основе конкретных и частных проявлений душевной жизни, поиск индивидуальных изменений души.

В.А. Снегирев в своих работах отмечает значимость изучения индивидуальных различий душевных явлений, значимость, в современной терминологии, дифференциальной психологии (Базылевич, 2015). В этом положении он использует идеи П.С. Авсенева (Авсенов, 2008), который выделял в составе психологии общую и частную; последней философ придавал значимую роль. Можно предположить, что В.А. Снегирев является последователем П.С. Авсенева (например, так анализирует его творчество И.В. Цвык (Цвык, 2014, с. 578)).

8. Место психологии в системе философских наук

К концу XIX в. в психологической науке присутствуют достаточно разрозненные позиции относительно взаимоотношения психологии и философии. Однако однозначно большая часть философов и богословов придерживается позиции, что психология играет важную роль в строе философских наук: оценки значимости психологии располагаются от обозначения ее в качестве вспомогательного знания и метода до постановки ее в центральную область философии (Н.Г. Дебольский, В.Н. Карпов, Ф.Ф. Сидонский, П.Д. Юркевич).

В.А. Снегирев также отмечает заслугу психологии относительно не только философии, но и всех гуманитарных наук (у него – «науки о человеке»). Ученый помещает психологию в центр всех знаний и исследований, связанных с человеком: основные сферы души (мышление, чувство, воля) выступают либо центральными, либо дополнительными (но необходимыми) аспектами во многих науках, изучающих человека; анализ душевных явлений, по его выражению «анатомия духовного организма» – это необходимая задача психологии для того, чтобы и другие науки могли использовать психологические знания для решения собственных задач. Психология – это основа и средоточие всех наук о человеке, каждому специалисту необходимо понимать душу в целом и функционирование ее частей (Снегирев, 1876, с. 88-89).

Говоря о психологии как именно философской дисциплины (т.к. она вышла из философии), В.А. Снегирев показывает, как психология может быть обязательным инструментом в философской мысли: т.к. философия – это наука обо всем мире, это знания о нем, получаемые через органы чувств, постигаемые чувствами, умом и опытом, то первоочередной задачей философа является постижение психологических закономерностей функционирования тех психических явлений и процессов, с помощью которых он и познает окружающую действительность: «Первая задача философа, пытающегося понять мир как целое – объяснить внутренние субъективные процессы,

произвести психологический анализ и показать, как и из чего сложено наше представление о мире» (Снегирев, 1876, с. 448).

9. Критика физиологизма в психологии

Казанский психолог критикует материалистически направленную психологию в том, что она преувеличивает значение физиологических процессов в душе, развивая тем самым физиологизм в психологии; психология становится придатком физиологии. Эта идея открыто звучит в работах и П.Д. Юркевича. Критика физиологизма заключается в выявлении ошибочного положения о связи души и тела, перерастающего в их отождествление: «Ошибка материалистического направления в том, что, вместо этого исследования, оно сделало поспешное и неверное обобщение. Именно, - из самого факта связи душевного с физическим, факта, требующего объяснения и толкования далее из ничтожного количества подробностей, освещающих несколько этот факт и заставляющих предполагать великий механизм мысли, связанный в своей деятельности с душевной деятельностью, заставляющий подозревать, что связь эта сложнее и глубже, чем это кажется на первый взгляд, - из этого факта материалистическая психология сделала чудовищно-нелогический вывод, - что этот механизм и есть душа, что в нем и через него материя становится чувствующею, сознающею и мыслящею» (Снегирев, 2008, с. 48).

Для того, чтобы психология сохранила свою самостоятельность как науки, необходимо не редуцировать предмет психологии к более простым явлениям, а подчеркивать сложность, специфичность души и разрабатывать собственные подходы и методы для ее изучения.

10. Немецкая или английская психология?

Еще одним отечественным автором, который, как нам кажется, повлиял на идеи В.А. Снегирева, является М.М. Троицкий. Это выражается в использовании положений английского ассоцианизма и критике немецкой

философии и психологии. В.А. Снегирев иногда резко отзывается о немецких мыслителях (называет их работы «совершенно бесполезными»). Английский ассоцианизм, наоборот, положительно выделяется среди всего спектра психологических подходов.

Согласно его ученику В.И. Несмелову, казанский профессор в начале своего творчества и преподавательской деятельности активно интересовался немецкой метафизикой. Однако видел он в них и недостатки: в частности, они больше сосредоточивались на абстрактном, общем, высшем, а не конкретном и индивидуальном. Последнее находило во взглядах В.А. Снегирева все большую опору, поэтому постепенно он отходил от немецких идей. В.И. Несмелов характеризует отношение своего учителя к «Критике чистого разума» как к подходу, «умерщвляющую живой человеческий дух. После непродолжительного периода увлечения немецкими мыслителями В.А. Снегирев разочаровался в их философских и психологических разработках.

После этого казанский ученый обращается к наследию английской философской и психологической мысли, в следствие чего у него формируется позиция, созвучная английским эмпиристам и ассоцианистам (Дж. Локк, Д. Юм, А. Бэна).

Подводя итог анализу истоков психологических взглядов В.А. Снегирева, необходимо отметить два аспекта: 1) ученый во всем своем творчестве представляет себя как самостоятельного мыслителя, предлагает оригинальные идеи, уникально решает актуальные для того времени проблемы в психологии; также В.А. Снегирев не указывает в своих работах на кого он опирается, хотя в разделе учебника «Литература по психологии» он отмечает многие выдающиеся имена в истории философии и психологии Нового времени, XVIII и XIX в.; 2) несомненно, согласно нашему анализу, за плечами ученого стоят обширные философско-психологические традиции: методология психологии и субстанциальность души, задачи и методы эмпирической психологии, ассоцианизм, обнаружение связи между душой и телом, значимость физиологических механизмов душевных явлений при сохранении самостоятельности психологии.

Сравнительный анализ методологического подхода в психологии

В.А. Снегирева и его европейских современников

Проследив некоторые истоки психологических идей В.А. Снегирева и показав их место в российском научном контексте конца XIX в., мы попробуем обозначить наследие казанского психолога как актуальное и соответствующее его европейским современникам. В данном разделе мы ставим задачу проведения сравнительного анализа психологического учения В.А. Снегирев с идеями немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (1833-1911). В. Дильтей занимался проблемами гуманитарных наук, разработал классификацию наук (науки о природе и науки о духе), решал теоретико-методологические проблемы психологии.

Творчество В. Дильтея было выбрано для сравнения по той причине, что, во-первых, он относится к тому же периоду развития научной психологии, а во-вторых, немецкий философ высказывает схожие идеи, что и В.А. Снегирев, при это оба мыслители никогда не знали о существовании друг друга и не были знакомы с работами. В качестве материала для анализа были выбраны следующие работы: В.А. Снегирев «Психология» (1893) и В. Дильтей «Описательная психология» (1894).

Взгляды В. Дильтея и В.А. Снегирева достаточно схожи на значимые методологические вопросы психологии. Прежде всего, необходимо начать с того, как они очерчивают границы психологии и ее взаимоотношения с другими науками. Оба ученых критикуют наличие естественнонаучных идей в психологии, т.к. это уводит психологию в сторону от изучения собственно души. В. Дильтей называет естественнонаучный подход в психологии «объяснительной психологией». Такая психология ставит задачу объяснить душу по подобию естественных наук – выделить ее составные части, разделить ее отдельные силы и процессы, сформулировать точные законы функционирования души, т.е. так, как это делают при изучении физического объекта или явления (Дильтей, 2001, с. 5). Главным недостатком

объяснительной психологии является стремление «навязать» душе причинно-следственный характер, что ограничивает душу как «живое», независимое явление. Вместе с этим, выдвижение гипотез относительно фактов психической жизни не будет подкрепляться их подтверждением, ведь душа не функционирует подобно материальному объекту (Дильтей, 2001, с. 9).

Чтобы преодолеть ограничение необходимо обозначить соответствующие науки как отличные от естественных. В. Дильтей вводит понятие наук о духе, которые занимаются изучением вопросов истории, права, философии, религии, а также психологии. Отделение наук о духе от наук о природе может произойти только путем опоры на свой особый метод – метод понимания (постижения). В отличие от физического мира, который ученые стараются объяснить (т.е. выявить причинно-следственные связи, определить составные части и т.п.), явления душевной жизни человека, взаимоотношений между людьми, продуктов человеческого мышления и культуры могут быть именно поняты, усвоены: «Науки о духе должны, исходя от наиболее общих понятий учения о методе и испытывая их на своих особых объектах, дойти до определенных приемов и принципов в своей области, совершенно так же, как это сделали в свое время науки естественные. Не тем мы окажемся истинными учениками великих естественнонаучных мыслителей, что перенесем найденные ими методы в нашу область, а тем, что наше познание применится к природе нашего предмета и что мы по отношению к нему будем поступать так, как они по отношению к своему. *Natura parendo vincitur...* Для наук о духе <...> вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» (Дильтей, 2001, с. 10). Согласно такому принципу, психология должна получить собственный подход – описательный: описательная психология ставить задачу изучения души через ее непосредственное содержание.

В свою очередь, В.А. Снегирев также критикует тенденцию свести психологию к естественнонаучному варианту. Отечественный психолог

критикует материалистически направленную психологию в том, что она преувеличивает значение физиологических процессов в душе, развивая тем самым физиологизм в психологии; психология становится придатком физиологии. Критика физиологизма заключается в выявлении ошибочного положения о связи души и тела, перерастающего в их отождествление.

В.А. Снегирев считает, что психология должна иметь самостоятельный характер, обладать собственными предметом и методом исследования. Психология изучает непосредственное содержание души с помощью самонаблюдения. При этом отечественный психолог не отрицает использование знаний о душе из других наук – физиологии и метафизики, но не возводя их в более высокий статус по сравнению с фактами психической жизни человека.

Другой общей позицией ученых является признание значимости психологии для других наук (прежде всего, гуманитарных и философских). В. Дильтей отмечает, что во всех гуманитарных науках получаемые знания опираются на познание человека, т.е. его на психические процессы. Он приводит примеры: анализ аспектов религии соприкасается с такими явлениями, как чувство и эмоции, волевые процессы, нравственные категории, мотивы, цели, ценности, образы божества и высших сущностей; в юриспруденции обсуждаются вопросы правового сознания, мотивов преступления, нормы, закона, состояния преступника или потерпевшего, оценка вменяемости; науки об обществе и государстве касаются проблем общения, управления, подчинения, зависимости, взаимоотношений; история и теория литературы рассматривает эстетические категории и явления, связанные с чувством прекрасного, возвышенного, смешного; в поэзии стоит проблема творчества и воображения и др. Все эти явления – психологические, а значит должны непосредственно рассматриваться именно с учетом психологических знаний и методов (Дильтей, 2001, с. 15-16).

С другой стороны, психологические знания и методы играют важную роль в философской теории познания. В первую очередь, мы должны

понимать, какие психологические механизмы и явления лежат в основе получения знания об окружающем мире, выведении законов существования и функционирования объектов физического мира, создания теорий, моделей, гипотез и др. Познание опирается на самосознание, а теория познания, по выражению В. Дильтей, является «психологией в движении». Психология – это «подпочва» гносеологических исследований и продуктов научной мысли. (Дильтей, 2001, с. 16-17).

В.А. Снегирев также отмечает заслугу психологии в гуманитарных науках. Ученый помещает психологию в центр всех знаний и исследований, связанных с человеком, т.к. все науки всегда строятся вокруг психологических явлений: мысль, чувство, воля, нравственность, переживание, мотивация, речь и др. (Снегирев, 1876, с. 88-89). Говоря о психологии как именно философской дисциплины (т.к. она вышла из философии), В.А. Снегирев показывает, как психология может быть обязательным инструментом в философской мысли: т.к. философия – это наука обо всем мире, это знания о нем, получаемые через органы чувств, постигаемые чувствами, умом и опытом, то первоочередной задачей философа является постижение психологических закономерностей функционирования тех психических явлений и процессов, с помощью которых он и познает окружающую действительность: «Первая задача философа, пытающегося понять мир как целое – объяснить внутренние субъективные процессы, произвести психологический анализ и показать, как и из чего сложено наше представление о мире» (Снегирев, 1876, с. 448).

Наконец, по нашему мнению, самым важным сходством психологических учений В.А. Снегирева и В. Дильтея является определение задач психологической науки. Создание «описательной психологии» было вызвано доминирующей в естественных науках позитивистской парадигмой, которая, согласно В. Дильтею, не подходит гуманитарным наукам. Ученый определяет «новую» психологию как науку, которая обнаруживает различные составные части души как единый процесс и явление, но это не выводится, не предлагается теоретически или гипотетически, а именно переживается (как

известно, В. Дильтей был одним из предшественников феноменологии и герменевтики). Описательная психология изучает душу как единую связь душевных явлений, которая разрабатывается не как теория, не искусственно, но которая дана человеку изначально; от него лишь требуется ее пережить и описать (понять) (Дильтей, 2001, с. 20-21).

Немецкий философ вводит положение о том, что психология, как гуманитарная наука, исследует душу не через отдельные ее части, а обнаруживает сущность души во всех ее проявлениях – от самых простых и низших, до самых сложных высших. Сравнивая проявления души с изучением жизни вообще, В. Дильтей считает, что для постижения всей жизни, всего существующего, необходимо рассматривать ее во всем ее многообразии, целиком, учитывая самые различные ее особенности. То же касается и исследования души: чтобы полностью ее понять, психолог должен изучать не только самые сложные, самые важные, на его взгляд, явления и процессы, но абсолютно все, ведь только в соотношении всего содержания души мы и можем понять (описать), как она функционирует, и разобраться, что из себя представляет человек. Таким образом, предмет психологии – вся жизнь человека, ее единство с жизнью души и связанные с жизнью переживания души (Дильтей, 2001, с. 44). Основной задачей психологии В. Дильтей определяет соединение всего содержания души в целостное единство, его описание через специально созданную терминологию и постижение души как единства.

Другим обязательным принципом психологического исследования выступает признание присутствия в душе «живой» связи между всеми явлениями и процессами. Это означает, что, во-первых, каждое душевное явление нужно рассматривать как имеющее отношение к жизни человека, а не как отдельное, находящееся в вакууме; во-вторых, понимание отдельного явления необходимо привязывать к всей душе и сознанию, через целое/общее постигается частное; в-третьих, понимая одно психическое явление, мы можем понять и другое, увидеть между ними связь. В этих положениях

раскрывается направленность психологии не на объективированный, абстрактный, неживой, неизменяющийся объект, а на «живого» человека с «живым», изменяющимся содержанием души: «...живую связь души мы приобрели не путем постепенного испытания. Связь эта есть жизнь, которая налицо – до всякого познания. Жизненность, историчность, свобода, развитие являются признаками ее» (Дильтей, 2001, с. 77).

У В.А. Снегирева мы находим созвучные немецкому философу идеи: психология занимается изучением всей души, всех ее явлений, которые могут быть обнаружены опытно как внутренне, так внешне (Снегирев, 1876b, с. 427). Это определение подчеркивает открытость человеку явлений душевной жизни через самонаблюдение, что выступает свойством именно гуманитарной науки (науки о духе), а не естественной науки, в рамках которой явление постигается с помощью объективного метода, избегающего влияния человека на результат. В качестве предмета психологии русский психолог предлагает принять душевные явления и процессы, обнаруживаемые нами опытным путем (через внутреннее, внешнее наблюдению) и имеющие собственные законы образования и функционирования, вытекающие из сущности души как субстанции (Снегирев, 1876b, с. 427).

В творчестве отечественного ученого мы находим взгляды на душу человека, которые можно охарактеризовать как персоналистические: с одной стороны, психология изучает те психические явления, которые свойственны всем людям (общие для всех, на их основе выводятся психологические знания и закономерности), с другой – в соотношении с этими общими явлениями души выделяются и частные, индивидуальные особенности душевной жизни отдельного человека, которые появляются по причине индивидуальных изменений человека на протяжении жизни (возраст, события, социальные отношения и др.).

В подтверждение этому В.И. Несмелов определял подход В.А. Снегирева как «психологию живой личности», которая изучает психические явления вне отрыва от самого человека, конкретного человека. В научных взглядах своего учителя он выделял две стороны: метафизическую –

подчеркивание самостоятельности душевного начала, его субстанциальности; эмпирическую – приверженность только эмпирическим фактам, получаемым с помощью самонаблюдения. И всегда в человеке с двух этих точек зрения он «видел одну и ту же действующую личность, вместе – мыслящую, чувствующую и волящую, словом – живую человеческую личность, как она действительно существует и непосредственно каждым сознается и познается» (Несмелов, 1889, с. 117). Живая человеческая личность являлась системообразующим элементом взглядов ученого: из него проистекали всего его идеи о целостной сущности души, и в него же возвращались все суждения об индивидуальности проявлений.

Наконец, для обоснования психологии как принадлежащей к группе наук о духе и противоположной наукам о природе (естественным наукам) В.А. Снегирев акцентирует свое внимание на субстанциальности души – ее самостоятельности и независимости от физического мира и материи. Это положение он признает не требующим доказательств: с одной стороны, это объясняется тем, что В.А. Снегирев имел религиозное образование и работал в духовной академии; с другой – эту идею отстаивали многие мыслители, выступающие за создание особого пути и собственной сферы исследования для психологии. Это воззрение необходимо, т.к. для конца XIX в. оно обозначало отход от естественнонаучной парадигмы (Снегирев, 2008, с. 70).

Подводя итог сравнительного анализа психологических учений В. Дильтея и В.А. Снегирева, можно констатировать, что эти мыслители работали в схожем направлении и касались одних и тех проблем. Зачастую мы становимся свидетелями того, что в одну и ту же историческую эпоху люди задумываются на одними и теми же вопросами и предлагают схожие концепции и теории. Это обуславливается политическими и социальными условиями, событиями, развитием философии, науки и техники и др. Для психологии конец XIX в. был временем поиска идентичности психологической науки, отхода от философского и богословского дискурса, смешение различных методологий, в обществе присутствовали революционные движения, отход от прежних традиций и норм, поэтому насущность новых идей была ярко выраженной.

В такое время В. Дильтей и В.А. Снегирев увидели необходимость создания новых подходов, которые бы учли недостатки прошлых и внесли перспективы для будущих поколений. Среди общих идей ученых мы находим: критика применения естественнонаучных взглядов и методов для изучения души; предложение в качестве предмета психологии душа в ее единстве и многообразии, живая связь всех душевных явлений и процессов; применение интроспективного и феноменологического методов для изучения души; признание психологии неотъемлемой частью всех гуманитарных наук, в которых рассматриваются субъективные, психические явления.

Несмотря на то, что оба ученых не знали друг о друге и не были знакомы с работами друг друга, несмотря на то, что они принадлежали к различным интеллектуальным традициям, испытывали различное влияние как научно, так и социально, вопросы и вызовы, на которые они старались отвечать, являются схожими. Таким образом, мы можем обозначить теоретико-методологические взгляды В.А. Снегирева актуальными и оригинальными не только для психологической науки в России, но и в Европе.

Выводы по главе 2

1. На основе анализа справочных материалов и архивов был описан жизненный путь В.А. Снегирева. Подробно рассмотрены периоды студенчества (обучение в Печерском духовном училище, Нижегородской духовной семинарии, Казанской духовной академии) и преподавательской деятельности (в Казанской духовной академии и Казанском университете), особенности педагогической деятельности.

Среди новых и уточненных фактов его биографии, обнаруженных с помощью архивных материалов, можно отметить следующие: уточнение даты рождения (17 (5) октября 1841 г.), успеваемость и достижения в Нижегородской духовной семинарии и Казанской духовной академии, преподаватели, обучающие В.А. Снегирева и повлиявшие на его мировоззрение и научные взгляды, уточнение дат работы в Казанской духовной академии и Казанском университете, даты получения орденов за заслуги в государственной службе. Обнаружены неопубликованные лекции В.А. Снегирева.

2. Проведен историографический анализ публикаций, посвященных рассмотрению научного наследия В.А. Снегирева. Исследователи обосновывают важность обращения к персоналии ученого и научному наследию, считая, что он сделал значимый вклад в развитие следующих вопросов: обобщение и систематизация достижений психологической науки к концу XIX в.; анализ представлений и понятий в познавательной деятельности человека; совмещение разных сторон души в качестве целостного предмета психологии; индивидуалистический подход в рассмотрении душевных явлений; отношение к личности как «живому», постоянно изменяющемуся существу; предшествующие экзистенциализму идеи в отношении самосознания личности; психологические основы нравственности и религии.

3. Осуществлен теоретический анализ истоков психологических идей В.А. Снегирева. Сформулированы положения о том, что ученый опирается на

многих крупных философов и психологов прошлого, разрабатывая такие вопросы, как субстанциальность души (Хр. Вольф, Р. Декарт, И. Кант), рассмотрение души как простой вещи, далее неделимой, в чем выражается ее отличие от материи и тела (Хр. Вольф, Г. Лейбниц), ассоциативные механизмы образования и функционирования простых душевных явлений (Дж. Локк, А. Бэн), признание значимости психофизиологических исследований душевных явлений (А. Бэн, Г. Льюис), метод интроспекции (Р. Декарт, Дж. Локк, Д. Юм, И. Тетенс), индивидуальные особенности протекания душевных процессов (П.С. Авсенов), ощущение как наиболее простое и фундаментальное душевное явление, которое лежит в основе других явлений (Дж. Локк, И. Тетенс), задачи эмпирической (интроспективной) психологии (Хр. Вольф, Д. Юм и И. Кант), место психологии в системе наук (Н.Г. Дебольский, В.Н. Карпов, Ф.Ф. Сидонский, П.Д. Юркевич), следование английским психологам в признании ведущими ассоциативные механизмы душевных процессов и опора на последователей Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра в развитии индивидуального, личного характера душевных переживаний, признании уникального содержания сознания.

4. На основе сравнительного анализа психологических идей В.А. Снегирева с его европейскими современниками (В. Дильтей) делается вывод об оригинальности психологического наследия ученого и направленного на разрешение актуальных методологических проблем психологии: преобладание физиологизма, сосредоточение на отдельных душевных явлений без признания объединяющей силы души, постановка психологического знания в подчинение естественнонаучного. Важной направленностью подлинно психологической науки, которая содержалась и у В. Дильтей, и у В.А. Снегирева, является описательный (феноменологический) подход к душевным явлениям, поиск объединяющей силы души, акцент на субъективном опыте.

Глава 3. Психологические концепции В.А. Снегирева

Психологическое наследие В.А. Снегирева насчитывает небольшое количество работ, однако его значимость заключается в соответствии актуальным для второй половины XIX в. проблемам психологической науки (Олейник, 2018), которые отмечаются и современными методологами и теоретиками психологии (Журавлев, Ушаков, 2011; Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015; Мазиллов, 2017). Среди всего психологического наследия мы обращаемся к наиболее оригинальным идеям В.А. Снегирева, в которых ученый предпринял попытку обобщить существующие взгляды или преобразовать их с целью ответа на значимые вопросы и проблемы отечественной психологии конца XIX в.: противопоставление разнонаправленных тенденций в изучении души (психики) и абсолютизация одностороннего взгляда на предмет психологии, разделение умственных процессов на рассудок и разум, сведение всех чувствований только к удовольствию и неудовольствию, разрозненное представление компонентов волевого процесса, представление об абстрактности и множественности человеческого «Я».

Рассмотрение идей, в которых не прослеживается оригинальность ученого или в которых обнаруживается следование более крупным психологам того времени, нами не будет проведено. К таковым относятся идеи В.А. Снегирева о ощущении, восприятии, представлении, ассоциативных механизмах душевных явлений, воображении, внимании и памяти. Мы изложим психологические взгляды ученого по следующим вопросам: место психологии в системе наук, предмет и метод психологии, состав психологии, свойства душевных явлений, познавательные процессы, концепция чувствований, сложные чувствования (эстетическое, нравственное, религиозное), особенности духовной сферы человека, система волевых процессов, психологические особенности сновидений, историко-психологический вклад.

3.1. В.А. Снегирев о месте психологии в системе наук

Одной из наиболее значимых дискуссий в психологии на протяжении многих веков является проблема ее места среди других наук. Существовая вплоть до XIX в. в рамках философии или богословия, психология была, скорее, вспомогательной наукой на службе более авторитетных областей знания. Однако, вступив в период обретения собственной самостоятельности, психология столкнулась с проблемой самоидентификации. Для решения этой проблемы предпринимались различные попытки: разрабатывались и обсуждались программы ее развития, уточнялись методологические аспекты (предмет и метод), определялись области применения психологических знаний.

В России в XIX в. психологию долгое время разрабатывали богословы и выходцы из духовных академий, поэтому именно между ними проводилась одна из главных дискуссий относительно места психологии в системе наук (в частности, философских). Этот уникальный феномен интеллектуальной культуры, связанной с русскими духовными академиями, отмечали многие исследователи истории русской мысли (Манчестер, 2015; Сухова, 2006; Цвык, 2002). Так, И.В. Цвык считает, что представители духовно-академической философии через свою преподавательскую, просвещенческую и исследовательскую деятельность способствовали как внедрению современных взглядов на человека и в целом науку, так и развитию русской философской мысли (Цвык, 2002, с. 5).

Взгляды представителей духовно-академической философии и психологии были самого широкого круга: от догматично религиозных и ортодоксальных до открыто научных и модернистских. Развитие их позиций и происходило по этому пути на протяжении всего XIX в.

Для начала века была характерна сугубо догматическая позиция, которая ярче всего выражается в постановлении императора Александра I относительно преподавания философии в духовных академиях: преподаватель

философии должен придерживаться христианского учения о Боге, человеке и мире (Архимандрит Гавриил, 1840, с. 21-22). Без опоры на религиозные принципы невозможно постичь высшие идеи. Истина, по мнению Александра I, заложена только в христианском евангельском учении, все остальные точки зрения – это заблуждения; опора на последние уведет человека от Бога и откровения. В качестве основного мыслителя, на чью философию стоит опираться при преподавании, необходимо избрать Платона. В его работах и работах его последователей изложено то философское учение, которые соответствует религиозным догматам. Отметим, что в историко-философском дискурсе приверженность изложенному учению обозначается схоластикой.

К концу же XIX в. отечественная философская мысль вывела из своего состава наиболее откровенные религиозно-догматические положения, усвоив достижения и естественных наук. Философия теперь является, скорее, научным познанием в самом широком смысле этого слова. Среди мыслителей, которые по-новому определяли философию, принадлежал и В.А. Снегирев. По его мнению, философия – это наука обо всем мире, те знания, которые мы можем получить путем мирозерцания (а конкретно, с помощью методов наблюдения и объективного изучения этого мира) (Снегирев, 1876b, с. 436). Особым достижением философии в конце XIX в. является ее дифференциации и приложение к различным другим научным областям (философия истории, искусства, права и др.). Философия преобразуется из всеобщей науки в набор теоретических воззрений и методов в различных областях человеческой деятельности. Наконец, происходит освобождение от религии, отказ от схоластики.

Одним из аспектов развития философии на протяжении XIX в. является изменение роли психологии в системе философских наук. В начале столетия основной философией являлось Священное писание. Соответственно, в таком варианте философии не требовалось никаких эмпирических методов исследования души; достаточно лишь опираться на догматы как религии, так и схоластического учения.

О значимости психологии в духовно-академической философии практически не упоминалось. Однако глубинно богословы, безусловно, использовали психологические методы, но их специально не отмечали. Но с середины XIX в. философы отмечают важную роль психологии в философском познании и для решения философских проблем (Архимандрит Гавриил, Ф.А. Голубинский, Н.Г. Дебольский, В.Н. Карпов, Ф.Ф. Сидонский).

В.А. Снегирев рассуждает шире и отмечает заслугу психологии во всех гуманитарных науках (у него – науке о человеке). Ученый помещает психологию в центр всех знаний и исследований, связанных с человеком, т.к. все науки всегда строятся вокруг психологических явлений: мысль, чувство, воля, нравственность, переживание, мотивация, речь и др. (Снегирев, 1876, с. 88-89). Говоря о психологии как именно философской дисциплины (т.к. она вышла из философии), В.А. Снегирев показывает, как психология может быть обязательным инструментом в философской мысли: т.к. философия – это наука обо всем мире, это знания о нем, получаемые через органы чувств, постигаемые чувствами, умом и опытом, то первоочередной задачей философа является постижение психологических закономерностей функционирования тех психических явлений и процессов, с помощью которых он и познает окружающую действительность (Снегирев, 1876, с. 448).

В истории философии изменялось то, с помощью чего постигалась истина: сначала в такой роли выступал Бог и откровение, затем достижение чистого сознания и разума, а начиная с XIX в., эту роль теперь выполняет эмпирический, чувственный опыт и проведение эксперимента (Снегирев, 1890, с. 354-355). В целом, эти способы являются общепризнанные источниками познания: божественное откровение, созерцание разумом и получение опыта, которые являются основными, соответственно, для теологии, философии и психологии. Но для философии важна и психология, т.к. философские категории обнаруживаются во внутреннем мире и переживаются изначально субъективно.

Во второй половине XIX в. философы и богословы достаточно активно обращаются к психологии. Вместе с тем, это интерес к психологии отличается неоднозначностью. Т.к. психология в это время еще только находится в процессе становления самостоятельной наукой, то и мыслители отводят ей разное место в философии. Одни просто включают психологию в круг философских дисциплин (т.к. психология и раньше сюда входила), другие применяют психологию для анализа отдельных философских проблем (мышление, логика, сознание, нравственность и др.), третьи придают максимальное значение психологии в составе философии: только с использованием ее знаний и методов философия и может существовать.

Обобщая сказанное, необходимо отметить, что на протяжении XIX в. наблюдается процесс постепенного увеличения признания роли психологии для философии: от отсутствия упоминаний психологии в качестве необходимых до некоторого рода отождествления философии и психологии. В.А. Снегирев имеет умеренное мнение по этому вопросу: психология безусловно играет важную роль при решении философских проблем, но это всего лишь ограниченный круг проблем. Опытный путь подходит только для субъективных категорий философии; если же ее применять для метафизических и религиозных вопросов, то будет происходить изредукция.

3.2. Взгляды В.А. Снегирева в отношении методологических основ психологической науки

Предмет психологии как науки

По мнению В.А. Снегирева, прежде чем формулировать различные концепции относительно психических феноменов, необходимо провести методологическую работу, а именно определить предмет, методы и задачи науки, ведь именно этого и будет зависеть, в каком направлении станет развиваться учение о душе (Ждан, 2006; Журавлев, 2007; Мазилев, 2017; Юревич, 2005).

Во второй половине XIX в. существовало несколько противостоящих друг другу подходов к изучению души, на основе которых формировались предмет и метод психологии. Основными подходами являлись спиритуализм, материализм (физиологизм) и эмпиризм (феноменализм).

Спиритуалистический подход в качестве предмета изучения души предлагал ее сущность, субстанциальность, духовную «материю». Методом изучения особого начала души является умозрение, откровение. Материалистическая точка зрения полагает, что душа – это функция организма (в частности, головного мозга), она зависит от физиологических процессов. Изучать душу таким образом можно с помощью объективного метода (измерения, эксперимента). Эмпиризм фокусируется на переживаемых феноменах душевной жизни, в основном, на актах сознания, которые исследуются с помощью самонаблюдения.

Согласно В.А. Снегирева, каждый подход односторонне изучает душу, концентрируется только на одном ее аспекте. Соответственно, это приводит к редукции души только к одной категории явлений, опуская другие, которые так же составляют неотъемлемые части души. Вместе с тем каждый из подходов справедливо обращает внимание на собственный предмет в изучении души. Но для полноценного исследования душевной жизни необходимо объединить все подходы, отразив, тем самым, многообразие душевных явлений. В.А. Снегирев предлагает целостный подход в психологии: предметом психологии должны стать все явления души – субстанция, внутренне переживаемые душевные феномены и соответствующие им физиологические процессы. Психология, в таком случае, определяется как «наука о душевных явлениях, в их взаимных соотношениях, в их отношении к физиологическим состояниям организма и в их основе или последней причине» (Снегирев, 2008, с.49).

Среди задачи психологической науки В.А. Снегирев перечисляет следующие: наблюдение и описание душевных явлений (феноменология), выявление основных душевных сфер, определение особенностей

взаимодействия и взаимосвязи душевных явлений, закономерности их образования и протекания. По нашему мнению, эти идеи не потеряли своей актуальности и созвучны современным психологическим концепциям (Шадриков, Мазиллов, 2015).

В.А. Снегирев последовательно исследует проблему предмета психологии, извлекая из существующих в то время взглядов самое существенное, и это характеризует его как настоящего ученого. И в качестве своей собственной точки зрения он устанавливает ориентацию на опытность в психологической науке, отвергая крайнюю метафизичность и радикальный физиологизм в психологии, однако, не умаляя важности этих сторон исследования души и душевных явлений.

Отрасли психологии и план ее развития

Проблема структуры психологии и состава входящих в нее наук является достаточно важной для конца XIX в. Сложность этой проблемы заключается в противоречивости мнений о психологических направлениях, их количества, специфики и иерархии. В.А. Снегирев считает, что психологи этого периода склонны к преувеличению значимости какого-либо отдельного направления, отвергая остальные. Казанский профессор предлагает не строить иерархии психологических наук, а объединить их в целостное психологическое учение, которое бы отражало все аспекты и проявления души. Хотя каждое направление изучает определенные стороны психики, задача методолога и теоретика психологии в том, что признать важность каждой области исследований и подчеркнуть специфику получаемых знаний.

В.А. Снегирев разделяет психологию на 3 области, которые можно назвать частными науками (Снегирев, 2008, с. 52): субъективная психология (душа, душевные явления, самонаблюдение); психофизиология, психофизика (изменения в организме, соответствующие душевным явлениям, объективный

метод); метафизическая психология (субстанциальность, сущность души, недоступно опытному изучению, опирается на умозрение).

Несмотря на высказанный выше тезис об отсутствии иерархии среди психологических наук, В.А. Снегирев все же ставит вопрос о доминирующем направлении психологии. Выбор доминирующего направления означает не полное сосредоточение только на нем и его содержании, но признание первичности и специфичности основного предмета психологии – души и душевных переживаний.

Для выбора такого направления необходимо придерживаться принципов проведения научного исследования. По мнению В.А. Снегирева, ведущим научным принципом является следующий: определять началом научного исследования любого объекта те его проявления, которые наиболее просто и легко обнаружить исследователю (Снегирев, 2008, с. 61). Часто ученые из других областей полагают, что в душе нужно изучать не те стороны, которые нам открыты и даны прямо, но те, где мы можем получить точные объективные результаты (с помощью внешнего наблюдения и измерения). Но т.к. специфика предмета психологии заключается в его субъективности, то стоит начинать психологическое исследование с внутреннего наблюдения тех душевных процессов и состояний, которые мы можем обнаружить в себе сами.

Таким образом, В.А. Снегирев определяет исходным пунктом исследования души субъективную психологию: именно в ней полнее всего и реализуются вышеуказанный принцип. Но в учении казанского профессора субъективная психология не обладает статусом главной и единственно верной: субъективная психология задает направление исследований, рассуждений, концепций, в конце концов, критерий «психологичности» полученных знаний о душе.

Душевные явления, их характер и формы

В.А. Снегирев перечисляет аспекты их функционирования душевных явлений как основной предмет психологического исследования: обладают собственными законами возникновения, образования, развития и прекращения, взаимодействуют друг с другом, образуя новые явления, влияют друг на друга, взаимосвязаны с физиологическими процессами. Специфика душевных явления определяет их свойства: идеальность; сверхчувствительность; субъективность; сознательность; неделимость; непространственность.

Для точной характеристики каждого свойство В.А. Снегирев сравнивает душевные явления с физическими.

1. Душевные явления идеальны, т.к. представляют собой образы, а не реальные объекты, которые можно обнаружить естественнонаучными методами.

2. Душевные явления сверхчувствительны, т.к., будучи идеальными, недоступны внешним органам чувств (равно как и внешним измерительным приборам), но доступны внутреннему наблюдению.

3. Душевные явления субъективны, т.к. открыты только тому, кто их переживает. Физические явления никто не переживает, а значит они не могут быть открыты внутренне, только внешне.

4. Душевные явления сознательны, т.к. осознаваемы человеком, который их переживает; в них человек осознает себя, отражает себя и убеждает в реальности себя и феноменов души. Физические явления не осознаваемы, не отражают того, кому или чему они принадлежат.

5. Душевные явления неделимы, т.к. идеальны и сверхчувственны, не содержат в себе никаких физических частей, которые могут делиться. Идеальное явление далее не разложимо, т.к. даже если человек и может отделить одно душевное явление от другого, то в каждом из них сохраняется целостность, принадлежность единому началу. Поэтому в отношении души разложение может быть лишь условным, умоглядным.

б. Душевные явления непространственны, т.к. не обладают никакими физическими измерениями, в том числе, и пространственным. Идеальное явление не мыслится «справа» или «слева», «вверху» или «внизу», т.к. оно всецело и одновременно представлено все сразу. Познается нами как неделимый, непереносимый целостный феномен.

Метод исследования душевных явлений

Утверждая, что душевные явления открываются только во внутреннем наблюдении, В.А. Снегирев считает, что основой исследования души является феноменология, а основным методом – самонаблюдение.

Отечественный психолог описывает основные правила построения научного исследования душевных явлений. Первое правило заключается в том, что исследователь должен начинать исследование души с наблюдения своих душевных явлений и состояний. Сопоставляя свои наблюдения с наблюдениями других исследователей, он должен иметь четкое представление о каждом своем состоянии и сформировать навык сосредоточивания на любом внутреннем процессе.

Но исследователь не может ограничиваться только наблюдением самого себя. Ему необходимо наблюдать других. Благодаря этому исследователь сможет изучить еще больше душевных явлений, даже тех, которые он не испытывал. Но тут могут возникать препятствия и ошибки, в первую очередь, субъективного характера. И из этого вытекает второе правило исследования, которое заключается в том, что исследователю необходимо быть «крайне объективным, не переносить своих собственных состояний на другие существа, без самой тщательной проверки их полного соответствия с тем, что совершается в душе других» (Снегирев, 2008, с.108). Чтобы избежать ошибок, у исследователя должен быть хорошо сформирован навык самонаблюдения, а также «природная способность воссоздавать в себе состояния других».

Следующая ошибка, по мнению В.А. Снегирева, заключается в том, что психология, подражая естественным наукам, начинает исследование души с самых простейших явлений. Однако специфика психологической науки состоит в том, что самое простейшее явление души является самым труднодоступным для изучения. Таким образом, в качестве третьего правила В.А. Снегирев постулирует необходимость «начинать исследования с высших форм душевных явлений и постепенно спускаться к низшим, т.к. высшие формы наиболее доступны нам, наиболее осознанны и, таким образом, наиболее понятны.

И, наконец, последнее, к чему исследователь приступает при изучении душевных явлениях, это установление того, какие телесные изменения происходят в связи с разными состояниями души.

3.3. Специфика взглядов В.А. Снегирев на познавательную деятельность и знание

Период XIX в. в истории российской психологии характеризуется осмыслением форм познавательной деятельности и отходом от схоластических, умозрительных позиций (сегодня данная проблематика приобрела вид исследований отдельных познавательных процессов и интеллекта (Поддьяков, 2010; Ушаков, 2004; Шадриков, 2014)) Так, большинство авторов до создания Московского психологического общества разделяют умственные процессы на рассудок и разум; некоторые авторы оставляют это разделение даже вплоть до рубежа XIX-XX в. Однако происходит переход к представлению о едином процессе мышления.

Продолжая рассуждение К.Д. Кавелина, В.А. Снегирев критикует разделение ума, мышления на рассудок и разум. Эта проблема нашла свое отражение и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Рассудок-разум (в тесном смысле) – два вида мыслительной деятельности человека <...>. Существенное различие двух рассматриваемых понятий видно уже из

того, что разумение бывает и без рассуждения; можно прямо воспринимать <...> смысл чего-нибудь, как это бывает, напр., с истинными поэтами, интуитивное разумение которых не только не предполагает, но и исключает рассуждение (в качестве основы их деятельности) <...>. С другой стороны, несомненно, что можно рассуждать без разумения» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1899, с. 195). В.А. Снегирев проводит следующее различие: разум – деятельность ума, несвязанная с опытом и развиваемая из самого себя, представляет собой интуитивное мышление, созерцание, приходит к умозаключению при помощи априорных форм и принципов. Рассудок – деятельность ума, обусловленная внутренним и внешним опытом; представляет собой дискурсивное мышление, рассуждение, приходит к умозаключению на основе процессов анализа, обобщения сравнения и др.

Однако В.А. Снегирев считает, что разделять мышление на эти две формы не представляется правомерным: особенно им критикуется явление разума, которое предполагает вынесение суждения без самого процесса рассуждения, без мыслительных процессов, чистое познание. Он считает, что невозможно говорить о мышлении как разуме, не наблюдая мыслительных явлений: «<...> нельзя себе представить и ум, как просто способность, независимо и прежде его обнаружения в явлениях, отвлеченным выражением которых он служит. Это значит почти то же, что представить ум существующим и несуществующим в одно и то же время» (Снегирев, 2008, с. 311).

Мышление необходимо понимать как единый процесс, «единая живая сила», которая объединяет в себе множество явлений, деятельностей, которые связаны между собой, обуславливают друг друга и проникают одна в другую. Это сложный процесс, имеющий особенную организацию, выполняющий определенную цель в строе душевной жизни, проявляющийся в главных чертах у всех людей одинаково. Целью познавательной деятельности является повторение, отражение и воспроизведение в душе предметов и явлений окружающей действительности и внутреннего мира. Под задачей

исследования ума-познания В.А. Снегирев видит выделение различных составных частей мыслительного процесса, анализ их сущности, организации и законов образования, взаимоотношений между собой и роли в общем строе души.

В.А. Снегирев описывает развитие познавательной деятельности. Ребенок в начале жизни переживает ощущения, исходящие от различных органов чувств, но не осознает их, не определяет, что эти ощущения относятся к внешним предметам. Далее постепенно ощущения соединяются с внешними предметами, например, фиксация взгляда, движение глаз за предметом и др. Таким образом, первый познавательный акт – это восприятие, перцепция.

Следующим этапом развития познания является возникновение акта узнавания объектов внешнего мира, что внешне выражается в мимике лица при восприятии знакомого объекта. Узнавание является отождествлением воспринимаемых признаков предмета с теми, которые уже воспринимались человеком. Здесь также проявляется процесс обобщения, т.к. ребенок может научиться узнавать свою мать, но путать ее с другими женщинами. Таким образом, в это время у ребенка развиваются первичные проявления памяти и мышления в виде узнавания и общего представления.

Общие представления у ребенка формируются в общие идеи или понятия, что соответствует развитию процесса различения. Постепенно различение объектов одного от другого трансформируется в акт анализа. Из сочетания нескольких понятий возникает суждение в мышлении или предложение в речи. Установление отношений между понятиями выражается в умозаключении различных видов: от частного к частному, индуктивное и др. Из него развивается явления причинного объяснения при попытке поиска истоков того или иного явления, единицей объяснения является теория. Высшей формой объяснения в умственной деятельности является мирозерцание, выражающееся в философии и науке.

Развитие познавательных форм, направленных на внешний мир, на этом этапе останавливается и обращается на внутренний мир. Познание

собственных актов состоит в их оценке и критике, установлении соответствия идей окружающей действительности.

Таким образом, умственная деятельность состоит из следующих явлений: восприятие, представление, отождествление и различие (понятие и суждение), умозаключение, сознание соответствия между внутренними идеями и внешними предметами, объяснение и оценка идей. Все эти формы функционируют одновременно: «Взглянувши на какой-нибудь известный предмет, т.е. такой, по отношению к которому все описанные операции ума уже совершились так или иначе в прежнее время, мы представляем его, имеем его образ, в то же время включаем его в какую-нибудь группу сходных с ним или образуем о нем понятие, в связи с названием нарицательным его именем; сознаем отдельно его свойства, отношение к нам и другим предметам, т.е. образуем о нем несколько суждений – судим; ожидаем за его восприятием других, по данным отношениям его – сознаем неданные, т.е. строим умозаключение, вывод; знаем его производителей и назначение или цель, т.е. определяем его причины и объясняем его бытие; сознаем, наконец, что весь этот ряд субъективных процессов, в целом и частях, соответствует действительному бытию, свойствам и отношениям предмета, т.е. признаем его истинным, верным или наоборот» (Снегирев, 2008, с. 324). Однако в разные моменты в умственной деятельности преобладают различные его аспекты, части: восприятие, представление, воспоминание, обобщение, анализ, умозаключение, оценка и др.

Одними из основных форм мышления у человека В.А. Снегирев видит объяснение и оценку-критику. Объяснение выражается в большом количестве гипотез и предположений, которые строит человек при познании окружающего мира и себя самого, а также направленность на изучение тех объектов и вопросов, которые не находятся в непосредственной близости к нему и не являются самыми простыми проблемами; он обозначает это как направленность от «неизвестного к известному»: мышление «идет обратным путем: начинает с неизвестного, недоступного, таинственного и от него

возвращается к известному и непосредственно данному, чтобы с новым запасом фактического знания приступить к неизвестному, не данному непосредственно, опять возвратиться к фактам и т.д. В целом своем ходе и в каждом отдельном случае познания предмета или явления знание состоит как бы их ряда эскизов, попыток сразу схватить объект со всех сторон и затем постоянных поправок и изменений в этих набросках, пока не получится живое, законченное целое, исчерпывающее объект со всех сторон» (Снегирев, 1890б, с. 442). В.А. Снегирев сравнивает умственный процесс с работой художника-скульптура и живописца, которые сначала дают произведению грубые, общие очертания и постепенно создают целостный, законченный образ. Мышление, таким образом, это творческий, живой процесс.

Процесс оценки-критики (а в современной терминологии – рефлексии) выражается в сравнении и мотивируется целью мышления – достижением истинного знания. Истина представляет собой согласие образа предмета в нашем мышлении и его собственно внешнего познаваемого предмета. Мышление стремится достичь максимального сходства между образом и предметом. Выявление не соответствия запускает остальные умственные операции заново (восприятие, различение, анализ, обобщение и др.) для корректировки или же совсем нового построения знания о предмете.

У разных людей преобладают различные процессы умственной деятельности, на основе чего можно разработать классификацию типов личности по ведущему аспекту мышления. Первый тип, который выделяет В.А. Снегирев, это восприимчивый ум с живой памятью. У таких людей преобладает восприятие и процесс представления, воспоминание предметов и явлений; они предрасположены к творчеству и обладают развитым воображением. Однако остаются слабо развитыми такие процессы, как группировка предметов, обобщение и отвлечение. Вторым типом называется отвлеченным умом, обладающий развитыми процессами обобщения, отвлечения, отождествления; такие люди успешны в математике и

метафизике. Однако у них не так сильно развиты восприятие, представление, память и воображение.

Третий тип – ум логический. У таких людей преобладает логическое мышление, умозаключения, сильное взаимодействие идей между собой. Четвертый тип – ум философский. У людей с таким типом ума преобладают процессы поиска причин и условий событий и объектов, объяснения бытия и др. Пятый тип ума – критический или скептический. У таких людей преобладают процессы оценки и критики знания, определения его истинности и ложности. Последние два типа ума – философский и критический – обозначаются В.А. Снегиревым высшими; они часто смешиваются, т.к. процессы объяснения и критики связаны между собой, встречаются вместе, обуславливают друг друга.

В.А. Снегирев отмечает, что выделенные им типы ума в чистом виде почти не встречаются; у людей они проявляются в различных степенях и с индивидуальными особенностями, могут проявиться в аномалиях. Возможность разработки подобной классификации, которая основывается на преобладании того или иного процесса в умственной деятельности, по мнению ученого, доказывает то положение, что ум, познание это единый сложный процесс, проявляющийся в упоминаемых нами ранее формах. «<...> факт преобладания различных умственных операций у различных людей, в общих чертах, не подлежит сомнению и служит, - вместе с фактом обособления их у каждого человека при известных условиях, также фактом постепенного их возникновения, - подтверждением взгляда на ум, как совокупность нескольких сложных операций, из коих каждая имеет свою особую организацию, дающую ей своего рода особность и самостоятельность, делающую по крайней мере вполне возможным и законным выделение каждой их них» (Снегирев, 2008, с. 326-327).

Наконец, необходимо изложить точку зрения В.А. Снегирева на сам продукт мышления – знание и его компоненты. С психологической точки зрения, знание представляет собой явления души, факты сознания, выражающиеся в ощущениях, идеях, представлениях, в которых отражается

внешний мир. Мы привыкли к такой коннотации в отношении знания, в которой на первый план выходит объективная сторона, отражающая окружающую действительность. Но В.А. Снегирев обращает внимание на вторую сторону знания – его субъективность, сотканность из субъективных явлений. «Дело в том, что знание есть не только отображение окружающей среды, но также отображение и восприятие познающим существом самых явлений знания и всех внутренних состояний, из коих слагается само существо познающее, или, точнее, мир существ познающих, - носителей и творцов знания» (Снегирев, 1890а, с. 342). Этим постулируется, что в знании участвует не только сознание (в виде мыслительных процессов), но и самосознание (о концепции самосознания В.А. Снегирева речь пойдет в следующем параграфе), благодаря чему изменяется характер знания, его значение и функция. Участие самосознания включает новое измерение в знании: теперь оно не просто набор фактов, но часть душевной структуры личности конкретного человека; знание встраивается в систему душевных процессов. Более того, участие самосознания в познавательном процессе вызывает эмоциональную сторону, возникает чувство удовлетворения от истинности знания или разочарование от его ложности. Задействуется и мотивационно-волевая сфера, выражающаяся в стремлении к знанию, любознательности, «любви к знанию».

Кроме объективной и субъективной стороны знания, В.А. Снегирев выделяет социальный аспект. По его мнению, способность к познанию и достижение знания – это достояние не одного человека, а целого общества, всего человечества. В организации, сохранении и распространении знания участвуют язык и традиции, что является социальными явлениями.

Таким образом, в знании мы должны выделить три аспекта: а) знание в собственном смысле может возникнуть только у существа, обладающего самосознанием и в условиях земной жизни, следовательно только у человека; б) мотивами его возникновения и дальнейшего развития служит не только необходимость его, как орудия в борьбе за существование, но также, и главным образом, любознательность и стремление, или любовь к истине; в) имея свою первоначальную основу в прирожденных способностях и

предположениях самосознающей личности, развиваясь и расширяясь усилиями отдельных личностей, человеческое знание в своем происхождении, строе и росте всецело зависит от кооперации личностей и без этой кооперации не возможно и немислимо, а потому есть принадлежность обществ человеческих, или, вообще, обществ в форме наций или народа, следовательно есть продукт социальный» (Снегирев, 1890а, с. 349).

3.4. Представления В.А. Снегирева о самосознании личности

Истоками психологии личности в области самосознания и Я-концепции, в основном, считаются концепции отечественных ученых начала XX в. (чаще всего, это советские психологи). Однако проблема самосознания, в несколько отличном смысле, рассматривалась широким кругом мыслителей XIX в., среди них: С.П. Автократов, Н. Алферов, А.И. Галич, Ф.А. Голубинский, Н.А. Зубовский, Н.Ф. Каптерев, О.М. Новицкий, М.М. Троицкий.

В настоящее время понятие «самосознание» понимается как «осознание человеком себя как индивидуальности. Сознание человека м. б. направлено либо на внешний мир, окружающий человека (внешняя направленность), либо на самого субъекта (это и есть С.) – тело, поведение, потребности, чувства, характер, в т. ч. само сознание (интроспекция, рефлексия)» (Большой психологический словарь, 2006, с. 486-487). Такое определение самосознания развивалось на основе теорий зарубежных и отечественных психологов относительно такого личностного свойства, как образ «Я» (Я-концепция); в основном, такие концепции разрабатывались субъектно-деятельностной, гештальтистской экзистенциально-гуманистической психологических школах и связывались с процессом становления и формирования личности.

Обращаясь к трактовке понятия самосознания в российской дореволюционной психологии XIX в., необходимо отметить, что оно чаще относилось к следующим проблемам: субстанциальность души, субъект деятельности души, связанность душевных явлений одного и того же

человека, тождество «Я» в различных состояниях и в различные периоды жизни человека. Существовало две группы теорий относительно самосознания: одни психологи считали, что идея «Я» является силой, априори данной, неделимой и объединяющей все духовное и душевное в человеке; другие полагали, что единство личности – это иллюзия, что самосознание является производной идеей, к которой нельзя свести весь корпус явлений души, более того, некоторые представители предлагали концепции множественности «Я», например, в болезненных состояниях или как возникновение отдельного сознания для каждого психического явления. Данные проблемы нашли свое отражение и в творчестве В.А. Снегирева.

В.А. Снегирев дает определение понятию «Я»: «всякая сознаваемая душевная и физическая деятельность, как и вся их совокупность, потому сознается, представляется и мыслится как нечто принадлежащее <...> “я”, как его проявление, состояние, деятельность; “я”, таким образом, является как бы владельцем всего состава душевного и телесного. Само оно кажется и остается простым и единым при всех самых сложных и разнообразных своих состояниях и деятельности, а также всегда одним и тем же, всегда себе равным или тождественным, при всех самых глубоких изменениях внутренней и телесной жизни, с самого начала и до конца ее» (Снегирев, 2008, с. 331). Согласно В.А. Снегиреву, и подход априорного тождества, и подход иллюзорной множественности «Я» человека являются односторонними и не представляют полноценно идею самосознания. Вместе с тем, он находит некоторые важные аспекты в каждом из подходов. и предлагает их объединить в рамках целостного взгляда на проблему «Я». Он пишет: «представление о себе, о своей личности, как о чем-то особом, отдельном от всего окружающего не дается человеку прямо и непосредственно и не есть простое, неразложимое состояние. Несмотря на свою кажущуюся простоту, оно состоит из многих элементарных духовных деятельностей и, как образование каждой сложной идеи, представляет собою длинный и сложный процесс, которые, вследствие постепенного повторения и слияния различных частей, получает возможность

возникать моментально» (Снегирев, 2008, с. 333). Новый взгляд заключается в следующем: с одной стороны, самосознание действительно выражается в признании нами принадлежности всех душевных явлений к нашей личности и тождественности их друг другу; с другой – как свойство личности, самосознание не появляется у человека с рождения, оно не априорно, а формируется на протяжении жизни человека и представляет собой сложную многоаспектную категорию. «Я» формируется у ребенка поэтапно под влиянием как социального опыта, так и развития познавательной деятельности (Поддьяков, 1985).

«Я» человека включает в себя несколько образов (у В.А. Снегирева – идей): образ (идея) тела, образ (идея) внутреннего состояния и образ (идея) души как субъекта собственной деятельности. У ребенка в первые годы жизни отсутствует самосознание: психика состоит из бесконечного потока слабо различимых и неидентифицируемых ощущений и состояний. Однако, прежде всего, наиболее отчетливо ребенок начинает осознавать и фиксировать ощущения и состояния тела. Так, образ (идея) тела постепенно формируется в процессе различения ребенком ощущений, исходящих из тела, от внешних явлений и эмоциональных состояний. Телесные ощущения могут быть постоянными (мышечные, связанные с дыханием, кровообращением, процессом питания и нервной деятельностью) и сменяющиеся, как правило, сопровождающие первые (ощущения, связанные с приятностью/неприятностью, здоровьем и болезнью, различными потребностями (сон, голод, жажда, активность, покой и др.)). Такие ощущения не изменяются в течение всей жизни, лежат в основе как образа тела, так и в целом тождества личности и «служат началом, связывающим наше прошлое с настоящим, один период нашей жизни с другим, служат опорой так называемого тождества нашего сознания» (Снегирев, 2008, с. 335). По мнению В.А. Снегирева, первый момент самосознания приходит именно по причине образования идеи тела, которая возникает из различных ощущений, связанных между собой ассоциативно по закону смежности в одно сознание

своего тела. И в дальнейшем этот вид самосознания остается с нами на всю жизнь и мыслится нами как постоянный субъект и исполнитель наших действий (Снегирев, 2008, с. 336).

Другим аспектом образа тела является развитие представлений о своей фигуре как совокупности ощущений, получаемых через зрительное и осязательное восприятие, а также путем сравнения своего тела с другими людьми. Идей собственной фигуры способствует формирования более сложной формы самосознания – осмысления себя как существа, выделенного из окружающего мира и представляющего нечто иное и самостоятельное. Особенностью возникновения самосознания у ребенка является его внезапность и ментальность (к нему нельзя подготовиться и предугадать, когда оно произойдет у ребенка): «Его можно сравнить с пробуждением взрослого человека от глубокого сна в совершенно незнакомом месте или с неожиданным освещением темного и мало известного пространства. Действительно, в этот момент вдруг и неожиданно все окружающее ребенка как бы освещается со всех сторон, и он в первый раз видит себя в центре этого окружающего резко и отчетливо ограниченным и отделенным от него, тоже как бы освещенным» (Снегирев, 2008, с. 337-338). Однако, несмотря на большую силу такого «пробуждения» и переживания себя как отдельного существа, единичное самосознание у ребенка не закрепляется и не становится личностным свойством: из-за не сформированности психических структур ребенок погружается опять в неосознанное состояние, но при дальнейших повторениях осознанности по закону повторного воспроизведения состояний оно приобретает все большую интенсивность (ученый сравнивает его с «блеском молнии», который прорезает «мрак» бессознательности ребенка и на несколько мгновений «освещает» его посреди окружающего мира, делает его самого и мир ясным (Снегирев, 2008, с. 338)) и преобразуется в нечто постоянное. Начиная с этого достаточно простого по своему составу состояния самосознания, постепенно зарождается идея «разумного свободного духа», осуществляется трансформация ребенка в полноценного человека. Согласно

В.А. Снегиреву, вероятно, именно этот момент для многих людей и является первым детским воспоминанием – момент осознания себя как отдельного существа, момент «самого таинственного и непостижимого из всех явлений бытия» (Снегирев, 2008, с. 338).

После укрепления образа своего тела у ребенка начинает постепенно формироваться идея внутреннего состояния. Если до этого наиболее ясными для ребенка были только телесные ощущения, то теперь начинаются становятся более отчетливыми внутренние состояния и явления: «Это перенесение совершается постепенно и начинается, по всей вероятности, сосредоточением внимания на различии между действительными восприятиями, опытами и событиями жизни, волнениями, желаниями и действиями – и их внутренними отображениями, воспоминаниями и представлениями» (Снегирев, 2008, с. 340). Ребенок начинает различать непосредственное актуальное ощущение и след от него в памяти, представление о нем. Постепенно, осознавая все большее количество внутренних представлений и образов, которые образует некоторое однородное целое, ребенок открывает для себя «внутреннее бытие», не связанное с телом. Формирование этого вида самосознания обусловлено еще и тем, что теперь ребенок использует этот «новый внутренний мир» психических представлений и состояний в различных ситуациях и для решения новых задач, применяя процессы воображения, памяти, мышления, чувствования и волевые акты и др.

Ребенок, оперируя идеей тела и внутреннего состояний, обладает уже достаточно богатой психической жизнью, но это еще не высшая точка развития самосознания. Из аспектов образа тела и внутреннего мира, которые выражаются в переживании себя как существа, обладающего внутренним содержанием и являющегося источником собственной деятельности, образуется идея души. Она состоит в осознании внутри себя некоторой особой сущности, которая не совпадает с телом и внутренними состояниями, а управляет ими. «Идея “я” превращается в идею души, в образ ее, в котором

концентрируется и объединяется все содержание внутренней жизни, так и в форме возможностей и способностей к разного рода внутренним деятельности» (Снегирев, 2008, с. 341). В итоге, после формирования всех аспектов самосознания, возникает наивысшая степень осознанности – образование идеи чистого «Я», которое уже не связывается с внутренними состояниями и эмпирическим содержанием души, а существует самостоятельно, оно неизменно, самодостаточно и самоидентично.

Важной особенностью самосознания является то, что в процессе его формирования (от низших форм к высшим) предыдущие формы не исчезают и не замещаются более высшими; все они всегда существуют вместе. После достижения высшей точки самосознания (идеи чистого «Я») все аспекты постоянно проявляются, но степень их ясности и отчетливости попеременно сменяется. Связанные вместе, они составляют представление о себе как тождественной личности, проходящей различные этапы формирования самосознания: у одной и той же личности сначала формировалась идея тела, затем внутреннего состояния, наконец, души. «В зависимости от различных условий и обстоятельств жизни личности, в самосознании является преобладающей то одна, то другая, то третья форма “я”, и при господстве одной две остальные отступают на задний план и едва сознаются. В одном случае человек сознает себя преимущественно как живой организм – тело, с его чисто физическими свойствами, силами и изменениями, как постоянными, так и существующими в данный момент; в другом – преобладает сознание внутренних сил: ума, воли, чувства, их качеств, также качеств нравственных; в третьем – внимание сосредоточивается на душе, как особом существе, основе и последней причине жизни личности» (Снегирев, 2008, с. 343).

В.А. Снегирев рассматривает факторы, под влиянием которых самосознания личности может изменяться уже в индивидуальном порядке. Имея характер текучести/изменчивости, самосознание может изменяться: в связи со сменой места жизни и окружающих объектов (здесь присутствует влияние идеи «внешнего» на самосознание внутреннего мира), в зависимости

от особенностей взаимоотношений с людьми, под влиянием профессии и социального статуса, возрастных особенностей и др. Эти факторы обуславливают не только временные изменения в состоянии и сознании, но и способствуют переменам в личности и характере. В.А. Снегирев предлагает классификацию видов самосознания в зависимости от возраста: детское самосознание (нахождение в полной зависимости от родителей, переживание состояния беззаботности, отсутствие нравственных категорий в сознании и незнание зла, состояния увлеченности и поглощенности детскими интересами и приключениями), юношеское самосознание, зрелое самосознание (осознание себя как человека, обладающего высшей степенью развития тела и духа), самосознание периода упадка сил (осмысление прошлого, переживание гордости или разочарования собственной жизнью) и старческое самосознание (отсутствие активной деятельности, состояние созерцания окружающего мира, осмысление смерти) (Снегирев, 2008, с. 345).

Несмотря на индивидуальную организацию самосознания человека, преобладания того или иного его аспекта, высокой или низкой структурированности, все же все формы самосознания личности принадлежат высшей идее «Я». Самосознание личности представляет собой множество формаций, отражающих разные аспекты личности и различные сферы ее деятельности, отличающихся друг от друга полнотой, ясностью, развитостью, влиянием на весь строй души, непосредственно связанных между собой, обуславливающих друг друга, порождая все новые формы «Я»: «Каждая из них стоит в связи и соотношении с общим составом этой идеи и со всеми частными формами. Но каждая в то же время есть определенное, в себе замкнутое и более или менее прочно организованное и сплоченное целое» (Снегирев, 2008, с. 346-347).

Существуют также и патологические формы самосознания, которые возникают в связи отклонениями при развитии определенного его компонента. В.А. Снегирев выделяет три группы болезненных форм в соответствии с тем, какую часть самосознания затронула патология: патология образа тела и

телесных и организменных ощущений (изменение объекта, интенсивности, длительности, окрашенности ощущений, ощущение разделения тела и души и др.), патология образа внутреннего мира (изменений мыслей, эмоций, идентификации, осознание себя другой личностью, каким-то существом, высшей сущностью и др.), патология образа души (утрата переживания собственного «Я», утрата разумности суждений и решений, осознание себя не человеком, а машиной или животным). Однако все эти изменения самосознания развиваются из опыта: зная переживания и представления других людей, у человека может происходить отождествления себя с ними, заимствование их мыслей и чувств.

Наконец, В.А. Снегирев рассматривает проблему единства проявлений самосознания, тождества личности. Несмотря на то, что в «Я» присутствует большое количество и многообразие проявлений, происходят изменения как самих проявлений, так и структура самого «Я» под влиянием различных причин, в основе всех форм «Я» лежит общая идея, единое начало, вокруг которого и организуются все формации самосознания; общее начало соединяет все формации логически и обуславливает наше ощущение того, что во всем это есть что-то единое, и что переживаем это именно мы в различные периоды жизни и после различных изменений нашего «Я».

Анализируя концепцию самосознания В.А. Снегирева, мы должны отметить, что в ней, как и во многих других концепциях, присутствуют два методологических элемента: интроспективный и умозрительный. Психолог очень подробно описывает трансформации образа «Я» в различные возрастные периоды и в связи с различными факторами, выделяет компоненты ощущений и представлений, т.е. интроспективно выводит все положения своей теории. Но ведущим элементом самосознания он определяет чистую идею «Я», субстанцию, отличающуюся от физического тела и управляющую им. Однако данное совмещение методологических посылок не мешает нам применять те эмпирические положения, которые он формулирует на основе интроспективного метода.

Характеризуя концепцию самосознания В.А. Снегирева, мы должны сказать, что она является достаточно разработанной и оригинальной для конца XIX в.: в ней присутствуют генезис и классификации форм, анализ факторов, системность и структурированность.

3.5. Психологическая концепция чувствований в трудах В.А. Снегирева

Разработкой концепций эмоций и чувств занимались многие ученые в конце XIX в., среди них М.И. Владиславлев, С.С. Гогоцкий, Н.Я. Грот, Л.Е. Оболенский, М.М. Троицкий, П.Д. Юркевич и др. В теорию чувствований входило обоснование этого процесса (как самостоятельного или же зависящего от других), классификация и свойства каждого отдельного явления, механизмы функционирования. По этим положениям многие исследователи не сходились, хотя в их подходах можно было найти и нечто общее: разделение чувствований на вызывающие удовольствие и неудовольствие у одних авторов носили глобальный характер, они подразделяли абсолютно все эмоции и чувства по этому основанию, от простых до сложных; у других этот компонент, конечно, присутствовал, но относился только к одному классу чувствований, а именно простых, первичных.

В основу подхода В.А. Снегирева заложена идея самостоятельности такого явления, как чувство, его особенность по сравнению с другими душевными процессами. Выделение чувствований из всего строя душевной жизни происходит достаточно просто: вместе с воспринимаемым предметом в виде образа нам дано и эмоциональное отношение к нему (например, любовь, страх, гнев и др.). В.А. Снегирев обозначает это как непосредственную данность чувствования в процессе самонаблюдения; чувство обнаруживается проще и очевиднее, чем некоторые другие явления, такие как ощущение, идея, волевой аспект. Другим аргументом в пользу выделения

чувствования в особый класс психических процессов является идея о том, что все процессы в душе связаны между собой, обуславливают друг друга, создают новые сочетания явлений (так, В.А. Снегирев выделяет различного рода чувствования по преобладающему в них компоненту: интеллектуальные, нравственные, эстетические и др.). Концепция души В.А. Снегирева как живого процесса, в котором различные явления не отделены друг от друга, а функционируют в непосредственной близости, часто пересекаются, смешиваются, создавая новые явления: Каждое душевное явление производится другими и без этого существовать не может. «<...> жизнь души не состоит из каких-то клеток с помещенными в них различными ее частями, а есть живой, непрерывный процесс, в каждом мелком и крупном моменте которого принимает участие так или иначе все содержание души. Каждое отдельное явление производится другими или при помощи других, так что душа во всех своих мельчайших изменениях создает сама себе свое содержание, составляет сферу, замкнутую со всех сторон, получающую только толчок и возбуждение из внешнего мира и организма в ощущениях, которые опять-таки <...> зависят друг от друга и от остального содержания души, суть произведения ее самой» (Снегирев, 2008, с. 406). Чувство присутствует во всех других душевных процессах – уме и воле. «Так, ни один акт мыслительный не обходится без примеси чувства, иногда едва заметной, иногда значительной, и чувство здесь является не простым спутником умственных состояний, а деятелем, одною из движущих сил» (Снегирев, 2008, с. 406). Чувство присутствует в мыслительной деятельности в следующих случаях: удовольствие от мыслительного процесса, удовольствие истины и страдание от ошибки, чувство интереса к неизвестному, «чувство преследования цели», чувство успеха и неуспеха. В волевом процессе чувство участвует в виде сознания удовлетворения потребностей, а также как стимулирование или задерживание душевной деятельности (при положительных чувствах душа развивает свои процессы, при отрицательных – сокращает или же совсем прекращает какие-либо процессы).

Основой процесса чувствования В.А. Снегирев считает ощущение, но не отождествляет два данных явления. По его мнению, ощущение – это чувство внешнее, а чувствование – чувство внутреннее. Ощущение для чувствования является первоначальной точкой, стимулом для образования нового «возбуждения» в душе, которое выражается в возвратном процессе на изначальное ощущение. Чувствование, по выражению В.А. Снегирева, есть «ощущение ощущения», «чувство чувства»; оно – впечатление от других состояний сознания. Каждое новое изменение сознания (или же просто появлением этого состояния, или же каким-либо его аспектом) приводит в движение и возбуждение все другие его состояния, простые и сложные, вызывает новые состояния или смешивается с уже актуальными. И эти изменения, по мнению В.А. Снегирева, должны быть сознаваемы нами и сознаются. И именно чувствование выполняет такую задачу – сознания изменения душевных процессов. Опираясь на концепцию представлений И. Гербарта, В.А. Снегирев определяет деятельность чувствований: «Чувствование и есть не что иное, как особая форма непосредственного сознания этого основного и постоянного события в жизни души, этой реальнейшей стороны ее жизни и существа, сознание того, что каждое состояние ее есть движение и вся она постоянно движется» (Снегирев, 2008, с. 436). Через осмысление чувствований, В.А. Снегирев приходит к концепции постоянного движения состояний сознания: «Жизнь души, как постоянная смена состояний, есть, таким образом, постоянное движение, постоянное изменение; каждое отдельное состояние есть часть этого движения общего, само есть движение и неизбежно влияет на общее движение души самыми многочисленными способами» (Снегирев, 2008, с. 435). Для сравнения приведем 4 свойства сознания по У. Джеймсу: «1) каждое “состояние сознания” стремится быть частью личного сознания; 2) в границах личного сознания его состояния изменчивы; 3) всякое личное сознание представляет непрерывную последовательность ощущений; 4) одни объекты оно

воспринимает охотно, другие отвергает, вообще все время делает между ними выбор» (Джеймс, 1911, с. 113).

При описании физиологических характеристик чувствований В.А. Снегирев опирается на концепцию А. Бэна. Физиологический аспект чувствований выражается в возбуждении нервной системы, которое вызывает изменения в других системах организма, благодаря чему мы можем наблюдать чувствование извне: изменение кровообращения (расширение/сужение сосудов, краснота/бледность кожи, пульс и др.); изменение дыхания (ускорение/задержка, голосовые изменения); изменения в выделениях (пот, слезы); изменение в движениях.

В различных работах в качестве функций чувствований В.А. Снегирев считает следующие: 1) стимулирование других душевных процессов, повышение их энергии, «двигатель всей душевной жизни»; 2) ослабление душевных процессов, понижение их энергии. Отсутствие чувства по отношению к какому-либо процессу означает потерю интереса и ценности к нему (Также возможны болезненные изменения чувствования, о которых мы скажем ниже) (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 102); 3) осознание ценности жизни: «им [чувством. – А.К.] устанавливается та внутренняя живая связь личности с миром внешним и собою, которая заставляет человека любить жизнь, поддерживать ее всеми силами, даже если она полна страдания и бедствий» (Снегирев, 2008, с. 416); 4) оценка степени удовлетворения и неудовлетворения в связи с действия, предметами, людьми и др. (Снегирев, 2008, с. 447); 5) критическая оценка душой своего собственного состояния, состояния тела и внешних предметов, вызывающих это состояние (Снегирев, 2008, с. 429). «Значение жизни сердечной состоит, главным образом, в том, что чувство является чувствований оценкою всех человеческих действий» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 102 об.).

К свойствам чувствований В.А. Снегирев относит: 1) субъективность, принадлежность чувствований внутреннему миру личности, ученый употребляет даже термин «интимность»; 2) относительность как подвижность

и изменчивость. Эти два свойства вместе составляют ту характеристику чувствований, при которой разные объекты внешнего мира вызывают различные чувства/эмоций, чувства к одному и тому же объекту могут изменяться с течением времени, в связи с изменениями в самом объекте или же в субъекте, воспринимающем и взаимодействующем с этим объектом, а также у разных людей один и тот же объект может вызывать различные чувства. На этой идее ученый останавливается более подробно: возникновение того или иного чувства зависит не от самого предмета, а от строя и характера внутренней жизни, духовной среды, способности чувствований к изменениям. В мире нет абсолютно страшных или абсолютно прекрасных вещей, а чувство страха и прекрасного производится только благодаря тому, какой опыт у человека, в какие соотношения встают воспринимаемые впечатления к тем, которые сейчас преобладают в его душе, а также какие ассоциации уже образовались в течение его жизни.

Другими свойствами чувствований являются также и механизмы их функционирования: ассоциативные законы организации сложных чувствований и закон симпатии (сопереживания и определения чувств другого человека). Обе данные группы законов составляют личностный и социальный аспект чувствований: с одной стороны, развитие чувствований происходит по индивидуальному пути, составляют нечто особенное, уникальное в системе личности каждого человека, с другой – существуют некоторые общие черты чувствований и предметов их вызывающих, нечто одинаковое в душевном строе. И здесь В.А. Снегирев только намечает, но без дальнейшего развития, две линии изучения чувств: индивидуальность и типичность. Благодаря последнему только и существует психология чувствований как исследование их типичных, общих характеристик для всех людей.

Законы организации сложных чувствований представляют собой следующие. Т.к. В.А. Снегирев при описании всех душевных процессов применяет ассоциативную концепцию (в основном по А. Бэну), то и в отношении чувствований он также применяет ассоциативные законы. По его

мнению, все чувствования могут связываться друг с другом, создавая новые формы. «Они обуславливают существование друг друга, что уже очевидно из того, что одни чувства целиком входят в состав других; но они и косвенно зависят друг от друга, переходят одно в другое, влияют на степени силы, глубины и прочности друг друга и т.п.» (Снегирев, 2008, с. 404). Взаимодействуя, чувствования составляют некоторого рода организацию, при которой в различных чувствованиях присутствует одни и те же составные части, что обуславливает разнообразие эмоциональной сферы личности. Объединение чувствований может быть одномоментным, а может сохраняться на протяжении достаточно долго времени.

Среди механизмов организации сложных чувствований В.А. Снегирев выделяет: 1) ассоциации по смежности. Встречаясь в одном моменте, следуя друг за другом при какой-либо ситуации, чувствования объединяются, сливаются в одно («рабский страх», «грустная радость»). Более того, связываются не только эмоции, но и предметы их вызвавшие. По этому закону происходит локализация чувствований и возникновение устойчивого отношения к различным предметам; 2) ассоциации сродства. Похожие и тождественные чувствования сливаются в одно. Связывание по сродству происходит и в отношении предметов, вызывающих похожие чувства; 3) ассоциации по контрасту. Противоположные чувства легко вызывают друг друга в сознании. Тем же законом объясняется переход чувствование в противоположное при ослабевании первого: «<...> сильное чувство редко потухает без следа, а обыкновенно переходит в противоположное – любовь в ненависть и отвращение, дружба во вражду и наоборот» (Снегирев, 2008, с. 451). Сюда же В.А. Снегирев относит и чувство смешного; 4) творческая ассоциация. Этот механизм проявляется в способности человека создавать и вызывать в сознании различные чувствования, а также в способности понимать чувства другого, вызывая их в себе. Здесь процесс чувствований взаимодействует с мышлением и воображением; 5) закон воспроизведения. Раз образовавшись, чувствование может возникать вновь. Благодаря

повторению условий, предметов и чувствований по отношению к ним, их возникновение облегчается и происходит быстрее. По В.А. Снегиреву, чувствования обладают собственной памятью, которая обладает теми же свойствами, что и память как отдельный познавательный процесс, а именно: прочность сохранения, продолжительность запоминания, степень прочности слияния чувствований, степень подвижности явлений в сознании, повторение как механизм удержания чувствования в памяти. Интересны представления В.А. Снегирева о механизмах ослабления образа чувствования в памяти и его проявления. Он считает, что при чрезмерном повторении, чувство ослабевает, происходит привыкание к нему, утомление от него. Ослабление чувства происходит по причине ослабления стимула, который его возбуждает. Отсутствие соответствующего чувства на привычный стимул будет уже новым чувством, и повторение не будет достигать своей цели: каждый раз мы будем получать что-то иное. «Если же от повторения чувство слабеет, то это означает, что слабеет стимул, возбуждающий его, и рядом с ним возникают антагонисты. Повторение чувства при ослабленном стимуле будет не повторение, а новый случай, являющийся совсем в других условиях, другое событие, а не то же, другое чувствование» (Снегирев, 2008, с. 457).

Вторым свойством-законом чувствований является закон симпатии (сочувствия). В.А. Снегирев определяет симпатию/сочувствие как способность вызывать в себе чувствования, которые переживает другой человек. Сочувствие понимается им как аналог передачи мыслей и идей через речь: с помощью этого процесса мы передаем другому информацию о наших чувствах, и наоборот, другой человек узнает о наших переживаниях через их демонстрацию в нашем поведении, мимике и физиологических реакциях; происходит «обмен чувствованиями». Одной из функций такого обмена является связь поколений, приобщение к общечеловеческой культуре.

Симпатия в широком смысле обозначает приобщение одного человека к чувствованиям другого; в узком – положительное отношение одного человека к другому. Последнее осуществляется по механизму первого: в нас возникают

и переживаются чувствованиях тех людей, которые нам близки; и наоборот, чувствования тех людей, которые нам чужды, в нас возникают редко.

Процесс симпатии/сочувствия происходит при помощи выражения чувствования в поведении, мимике и физиологических реакциях другого человека. В.А. Снегирев обозначает его как воплощение чувствований. Среди форм выражения он выделяет: изменение кровообращения (расширение/сужение сосудов, краснота/бледность кожи, пульс и др.); изменение дыхания (ускорение/задержка, голосовые изменения); изменения в выделениях (пот, слезы); изменение в движениях. Данные формы обозначаются «лексиконом языка чувств». «Все эти разнообразные изменения тела, организующиеся во множестве форм внешних не только для каждого волнения, но и для каждого оттенка, представляют своего рода лексикон “языка чувств”, даже более – собрание, совокупность выразительных фраз и т.п. Ими и производится передача чувствований от одного человека другому и целому собранию – так называемое симпатическое возбуждение волнений или явлений симпатии» (Снегирев, 2008, с. 463). При наблюдении внешних выражений чувствования человек находит знакомые ему проявления, которые свойственны и его чувствованиям и состояниям. Будучи связанными, ассоциированными, наблюдаемые чувствования и внешние проявления способствуют воспроизведению данного чувства. Степень силы чувствования при узнавании у другого человека зависит от чувствительности (способность отзываться эмоцией вообще на внешние и внутренние события, восприимчивость), природное предрасположение, в частности, усиленное развитием и воспитанием, и внешние обстоятельства и ситуация.

Обращаясь к проблеме деления чувствований на виды, В.А. Снегирев предлагает собственную классификацию, основанную на принципе возрастающей сложности явлений. Таким образом, он различает простые и сложные чувствования; внутри этих классов также есть свои степени сложности. Данный принцип является обоснованным, т.к. он применяется и при анализе других душевных процессов – ума и воли. В неопубликованных

лекциях ученого мы можем найти такое описание принципа классификации чувствований: «удобнее и научнее распределить чувствования на группы в систематическом порядке, поставив на первом месте чувствования самые простые по своему составу и условиям своего происхождения; на второе – простые по составу, но более сложные по условиям своего происхождения, и, наконец, на третье – сложные как по составу, так и по условия своего происхождения и, во всяком случае, представляющие высшую степень сложности в том и другом отношении» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 8об-9). Также В.А. Снегирев отмечал, что сводить все чувствования только к удовольствию и неудовольствию/страданию является ошибочным, т.к. на более сложных уровнях чувств эта дихотомия приобретает и новые черты: «<...> к удовольствию и страданию сводится множество других чувствований. Но чувствования с особенным характером <...> могут быть выделены из чувствований, основу которых составляет удовольствие или страдания и которые состоят из слитных волнений (в эстетическом и нравственном волнении слито множество волнений, а в религиозном волнении в его развитой форме сливаются положительно все роды волнений)» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 4).

Опираясь на данный принцип, В.А. Снегирев выделяет следующие группы чувствований: 1) удовольствия и неудовольствия, проявляющиеся в различных процессах (ощущение, мышление, воля и в собственно чувствованиях); 2) формальные, сопутствующие деятельности (упражнения и скуки, силы и бессилия, свободы и стеснения); 3) интеллектуальные (сходства и несходства с различными видоизменениями); 4) аффекты (любовь и отвращение, страх и гнев, радость и горе); 5) моральные или высшие (эстетическое, нравственное, религиозное). Данная классификация представляет собой все виды чувствований, расположенных от простых к сложным, высшей формой объединения которых является религиозное чувство, как наиболее сложное. Развитие каждого из чувствований также подчиняется принципу возрастающей сложности: «каждое из них

[чувствований. – А.К.] сначала возникает в простейшей форме, в связи с ощущениями или более простыми актами умственными и волевыми и затем, под влиянием опыта и осложнения внутренней деятельности и жизненных отношений, разветвляется и усложняется» (Снегирев, 2008, с. 478). Например, чувство страха сначала возникает в области ощущений при интенсивных стимулах, далее оно проявляется при виде определенных предметов, затем в мыслительной деятельности (мысли о смерти, о враге и т.п.).

Наиболее оригинальные идеи В.А. Снегирев представил относительно сложных моральных чувствований – эстетические, нравственные и религиозные – как тех, которые имеют более сложный механизм функционирования, составляют подлинно человеческие явления, достижение которых происходит на высших ступенях развития личности (Базылевич, 2013).

В.А. Снегирев об эстетическом чувстве

Эстетическое чувство обозначается ученым как особый класс чувствований, обладающих характером удовольствия, приятности и возбуждающихся созерцанием красоты, прекрасного в природе, в жизни человека и искусстве. Разделяя точку зрения, что идея прекрасного является субъективным представлением, В.А. Снегирев отмечает наиболее яркую характеристику эстетического волнения – его безусловная абсолютная приятность, высшая степень удовольствия.

Ученый выделяет две составляющие эстетического чувства – свойства внешних предметов и особенности внутренних состояний человека. К свойствам предметов, обуславливающих появление эстетического чувства, можно отнести: 1) непосредственное возбуждение удовольствия, без учета полезности предмета. Так, необходимо разделять приятность предмета по причине его полезности и по причине его прекрасности, эстетичности. Более того, предмет эстетический может быть мало полезен, даже бесполезен;

2) отсутствие в предмете признаков, вызывающих неприятные состояния;

3) предметами, вызывающие эстетическое чувство, могут наслаждаться неограниченное количество людей. Эти предметы доступны каждому для переживания эстетического удовольствия, они не уменьшаются, не сокращаются, не исчезают, за него не нужно бороться. Данное свойство эстетических предметов обозначается как «цивилизующая, гуманизирующая сила изящного искусства», благодаря которой происходит овладение человеческой культурой, приобщение к социальному. «В области эстетического чувства нет никакого места враждебности, нет никакого повода к ней. Люди здесь не мешают друг другу. Напротив, чем больше людей вместе предаются эстетическому наслаждению, тем оно сильнее у каждого из участников – в силу симпатии» (Снегирев, 2008, с. 574).

Другим компонентом эстетического чувства является наше переживание его, наши состояния, возбуждающиеся эстетическими предметами. Предметы воздействуют на органы чувств (сфера ощущений) и на ум (духовная сфера). Исходя из того, что в этом чувстве участвуют несколько сфер психики, можно говорить о двух видах эстетического волнения: переживание «физической красоты» и переживание «духовной красоты» (оно, в свою очередь, распадается на переживание сложных душевных состояний в связи восприятием физических свойств предметов и олицетворение, одухотворением предметов в виде образования сложных идей о гармонии природного и духовного).

В ощущениях эстетическое выражается в виде переживания удовольствия от гармонии в сочетании звуков, цветов, зрительных форм и движений, для последних двух гармония обозначается как симметрия. Под гармонией-симметрией понимается такое сочетание звуков, зрительных форм и движений в одно целое явление, в котором части представляют собой сходные, порой тождественные, элементы. Примеры гармонии: в звуках и мелодии – консонанс звуков, ритм; в человеческой речи – сочетание и чередование слогов, стихи, «музыкальная речь»; в цвете – сочетания

отдельных цветов; в формах – соответствие и соразмерность фигур, «золотое сечение»; человеческая фигура – пропорции и симметрия ее частей. Согласно В.А. Снегиреву, все эти формы и виды физической красоты также зависят от привычки к различным сочетаниям.

Из феномена привычки следует представление о том, что у различных групп и сообществ существует неодинаковое отношение к сочетаниям и понятие о красоте. Здесь В.А. Снегирев касается этнопсихологической проблематики; он отмечает, что у разных народов, рас и даже классов общества существуют свои привычки в красоте и что красивым является наиболее яркое выражение привычного, обыденного для культуры: «<...> самыми красивыми признаются в каждой расе индивидуумы, в которых характеристические особенности расы, народа, класса общества, во всей фигуре или в лице, особенности, постоянно воспринимаемые и ставшие привычными, - повышаются, не нарушая общих законов симметрии» (Снегирев, 2008, с. 578).

Обратной стороной ощущений, связанных с чувством красоты, является физиологическая основа, выражающаяся в «легкости нервной и душевной деятельности» при восприятии гармонического предмета или сочетаний объектов. «Направление и характер траты нервной силы остаются при восприятии гармонического и симметрического в целом одними и теми же, и каждая последующая форма деятельности подготавливается предыдущую, предопределяется ею и как бы ожидается; но с тем вместе в каждый момент форма траты силы разнится, приводятся в деятельность новые нервные элементы, а не те, которые работали в предыдущей форме. Этим устраняется всякое утомление нервов: они попеременно работают и отдыхают» (Снегирев, 2008, с. 579). Другим фактором легкости является та же привычка: восприятие осуществляется без усилий.

Следующими формами эстетического чувства по сложности являются переживания, «осложненные» внутренним содержанием, происходит их дополнение духовными состояниями. Здесь эстетические чувства

представляют собой «гармонию формы с содержанием», что означает, что восприятие гармонических объектов вызывает не просто приятное ощущение, а сложное чувство. Например, тихие замирающие звуки, плавные движения и др. вызывают нежность; звуки сильные, фигура атлета – чувство силы и мощи; звуки протяжные, вид красивой развалины – чувство грусти; смех, журчание воды, танец – веселое настроение; полет птиц, движение облаков – чувство свободы. Механизм такого чувства состоит в переносе внутренних состояний на внешние предметы, их ассоциация.

Еще более сложными формами эстетического чувства выражаются в переживаниях, к которым по ассоциации присоединяются личные, общественные, национальные и общечеловеческие идеи. Среди таких волнений: приятные воспоминания о собственной жизни, об истории своего народа или всего человечества; желания и стремления, вызываемые восприятием прекрасного; творческие образы и мечтания; возбуждение мысли и др.

Наконец, высшим эстетическим чувством является переживание «единения духа и с внешним миром», когда человек «олицетворяет» природу (термин В.А. Снегирева; возможно, синоним – одухотворяет, одушевляет) и создает гармоническое отношение к ней. Такое чувство наблюдается у творческих людей, поэтов, писателей, художников, музыкантов, которые помогают остальным людям войти с природой «в живое общение и гармоническое отношение» (Снегирев, 2008, с. 585). Также к этому виду относятся интеллектуальные построения идей о совершенстве человеческой личности, единстве высших сил духа.

В.А. Снегирев о нравственном чувстве

Анализируя истоки нравственности человека и сущность нравственного чувства, В.А. Снегирев отмечает, что нравственное чувство выполняет функцию оценки своих действий и других людей на предмет

правильности/неправильности, соответствия/несоответствия каким-либо принципам, ведущим к благоприятного исходу или нет. Наиболее общим переживанием для всех нравственных чувствований является чувство долга. По его мнению, широко распространенная среди его современников теория врожденности нравственности, идей добра и зла в человеке, является неверной. Он придерживается подхода, который определяет в качестве истоков нравственных идей и чувств опыт, развитие мышления и самосознания.

В.А. Снегирев отмечает, что присутствует смешение нравственно-добрых и нравственно-злых чувств с собственными нравственными (нравственно-оценочными) чувствованиями. К первым относятся добродетельные (любовь, смирение) или греховные (гнев, негодование) чувства, которые сами по себе нами считаются как нравственный поступок. Ко вторым относятся те чувства, которые как раз оцениваются любовь, смирение, гнев, негодование и любые другие поступки как нравственные. Т.е. нравственные чувства всегда оценочные (например, долг, одобрение, порицание и др.). Он пишет: «в собственном и строгом смысле под нравственными волнениями нужно разуметь только те, которые вызываются представлением доброго и злого, а не те, которые сами вызывают волнения добра и зла» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 83).

Критикуя также и подход, по которому нравственность сводится к соответствию добра-удовольствия и зла-неудовольствия при совершении поступка и получения его результата, В.А. Снегирев считает, что редукция нравственности к оценке добра как удовольствия и зла как неудовольствия в жизни является лишь начальным этапом развития нравственности в обществе.

В процессе формирования нравственного сознания ученым выделяются два направления: 1) «индуктивный процесс совести»: человек наблюдает за собственными действиями и действиями других людей, с точки зрения их значения и влияния на жизнь и благосостояние, и обобщает в закономерности и правила; 2) «дедуктивный процесс совести»: человек, имеющий некоторую

систему нравственных постулатов, несомненных истин, применяет их к конкретным ситуациям и действиям. Данные направления рассматриваются В.А. Снегиревым как единый процесс. Однако, имея пока мало данных для формулировки точных теорий развития нравственного чувства, ученый демонстрирует каждый аспект отдельно: индуктивная нравственность накладывается на этапы развития морали в человеческом обществе, дедуктивная – на формирование личной нравственности отдельного человека.

В истории человечества нравственность развивалась по следующим этапам: 1) добро и зло как приятность/полезность и неприятность/вредность: добро то, что в данный момент приятно и полезно, зло то, что неприятно и вредно. Но такая точка зрения еще не является собственно нравственной, в ней еще не морального элемента. Здесь человек руководствуется принципами самосохранения, биологическими инстинктами, т.е., проще говоря, потребностями, а последние не могут быть приравнены к нравственным элементам из-за своей естественности, не включающей в себя понятие долга; 2) обычай как обобщение группового опыта индивидуальной и совместной жизни, который становится обязательным для членов группы. Здесь уже присутствует нравственный элемент, «низшая форма чувства долга» в виде чувства внешнего принуждения. Обычаи регламентируют правила совместного общежития, определяют, что хорошо и плохо для своей группы; 3) религиозные заповеди конкретного общества/народа: обычаи, становясь абсолютными и приобретая религиозный характер, связываются с божественной волей. Вводятся новые добродетели и пороки, которые имеют религиозно-обрядовую направленность. Невыполнение воли божества обременяется наказаниями со стороны общества и преследуется угрозами наказаний в загробной жизни, и наоборот, за выполнение – поощрения общественные и религиозные. Особенностью данного этапа является локальность данных религиозных обычаев: они используются только для конкретного сообщества, у каждого общества они свои; 4) универсальный нравственный закон в виде мировой религии (в работе В.А. Снегирева – это

христианство), в которой сосредоточиваются наиболее важные и общие обычаи и правила, свойственные для все народов и религий. Ведущим нравственным принципом, принципом разделения действий человеческих на добрые и злые является «“симпатия” и движение к личности и правам другого, общее благо и общая польза. Все это выражается в законе любви, только симпатия здесь не ограничивается лишь тесным кругом близких людей, а должно обнимать всех людей, даже врагов, и основанием для этой симпатии и уважения являются не случайные связи и выгоды, а общие свойства человеческой природы, одинаковость и равноправность всех людей» (Снегирев, 2008, с. 615).

В развитии нравственного сознания отдельного человека, согласно дедуктивной модели, присутствует следующие этапы: 1) принуждение со стороны внешнего авторитета. Данный этап разделяется на фазы: а) первоначально у ребенка источником о добре и зле являются указания родителей и воспитателей в форме приказаний, как он должен и не должен поступать. За исполнение указаний ребенка хвалят или наказывают. Образуется ассоциация определенного действия с похвалой или наказанием, удовольствием и неудовольствием, что в дальнейшем формирует поведение ребенка; б) наблюдение за родителями и другими взрослыми, как они поступают, и повторение за ними; в) возникновение желания радовать родителей и не огорчать их, что приводит к воспроизведению поступков, за которые хвалят, и отстранение от таковых, за которые наказывают. Как видно, данный этап трактуется В.А. Снегиревым в духе бихевиоризма XX в., используя ассоцианистское объяснение. 2) осознание зависимости от самого себя. Происходит перенос авторитета извне вовнутрь личности. «Самые правила, усваиваемые в детстве и авторитет их, подвергаются критике и т.п. Вместо них появляются, естественно, другие, более разумные, а затем к этим последним устанавливается привычное отношение, т.е. на них переносится уважением, получаемое первоначально из внешнего авторитета» (Снегирев,

2008, с. 617-618). Из этого формируется внутренняя отвлеченная идея долга, не связанная с внешним принуждением и авторитетом.

Перечисленные этапы развития нравственного чувства и сознания предстают собой, скорее, факторы, условия со стороны общества, семьи. В.А. Снегирев предлагает и другой подход к выведению нравственного чувства, базирующийся на изначальном формировании внутренней идеи в рамках самосознания. Согласно В.А. Снегиреву, нравственность, в первую очередь, заключает в себе не идею пользы и блага, но идею возвышения, силы, превосходства. Приложив идею совершенства к себе, к своей личности, к своим поступкам, человек приходит к идее самосовершенствования. «Идея совершенства личности, таким образом, необходимо по законам ума превращается в идеал, является в форме идеала, - идеальной личности. В этом идеале, когда он развит полно и всесторонне, необходимо будет заключаться и представление полного счастья или всеблаженства и абсолютно разумной и полезной деятельности» (Снегирев, 2008, с. 620). Идеал создается личности путем наблюдения за самим собой и определением горизонта развития себя, представляет собой неотъемлемую часть.

Возникновение и развитие феномена идеала происходит следующим образом. Осознавая в природе наличие организующей силы, которая включает в себя «план», перспективу развития от простого к сложному, от низшего к высшему (идеи эволюционизма как раз стали активно распространяться в последнем четверти XIX в.), человек приходит к идее, что такая же организующая сила присутствует в духе и человеческой личности. Обладая самосознанием, понимая эту линию развития себя и человеческой сущности вообще и, в то же время, осмысляя свои возможности, каждый из нас видит ту конечную цель, конечное состояние, к которому он может прийти. «Сознавая и воспроизводя в себе все, так сказать, свои составные части, их сочетание в целое, сознавая свои стремления, дух человеческий необходимо должен сознавать и тот творческий план, который лежит в его основе и в котором дана будущая судьба личности, конечный пункт развития, к которому способна его

природа, ту высшую, совершеннейшую форму бытия, к которой он стремится, которую должен осуществить или к которой он должен приближаться» (Снегирев, 2008, с. 624). Таким образом, идеал возникает как необходимая часть самосознания, самопознания и рефлексии человеком себя, свои душевных явлений, своих возможностей.

Такое представление о себе как о потенциально высокоразвитой личности, о том, что сейчас человек не является таковым, обуславливает процесс сравнения себя настоящего с собой идеальным, совершенным. Ставя перед собой задачу развития и совершенствования, человек различает события и поступки с точки зрения приближения или отдаления себя от того конечного идеального пункта. И в таком случае добром является то, что приближает нас к идеалу, к совершенству, а злом – то, что отдаляет нас от него.

Факторами, обуславливающими, трудность, тяжесть выполнения нравственного долга и совершения нравственного поступка, являются: 1) общественные правила и принуждения часто не согласуются с идеалами человека или логически из них невыводимы; 2) постоянное самопознания, самонаблюдение, рефлексия, критика и оценка своих действий и поступков; 3) недостижимость идеала, осознание себя несовершенным, «мизерным».

Наконец, В.А. Снегирев предлагает классификацию нравственных чувствований. Он выделяет чувство долга, чувство совести, чувство свободы и чувство справедливости. 1) Чувство долга выражается в сознании необходимости совершения нравственного, идеального и избегания противоположного; 2) Чувство совести состоит из нескольких элементов: оценка действий; чувство одобрения/спокойствия и неодобрения/мучения в связи с оценкой; чувство силы, превосходства в связи с исполнением долга; чувство одобрения себя со стороны других людей; чувство безопасности, т.к. нравственное действие не влечет за собой вредных последствий; 3) Чувство свободы включает в себя осознание себя в качестве источника собственных действий, понимания, что существует в выбор при совершении действий. Элементами чувства свободы являются чувство силы (возможность изменять

ход действий и противостоять «дурным» влияниям и желаниям» и чувство ответственности за свои поступки; 4) Чувство справедливости, выражающееся в определении последствий за «добрые» и «злые» поступки.

В.А. Снегирев о религиозном чувстве

Религиозное чувство является субъективной стороной религии, источником идеи о всемогущей, всеобъемлющей и всесовершенной Личности, также обозначается В.А. Снегиревым как чувство Божества. Сама природа религии коренится в сознании человеком того, что в мире присутствует всемогущая личная сила, существо, с которым человек может вступить в непосредственную связь. Для всех религий это общее место: в первобытных религиях всемогущая сила помещается в идол, некоторый предмет, затем в политеистических системах могущество отдается нескольким существам и в монотеистических религиях идея Божественного соединяется в одном существе. «Причина тождества и единства религиозного чувства у всех людей и во всех религиях – то, что идея Единого всегда необходимо связана с личностью человека, его самосознанием и является неизменно идеей человеческого “я”» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а, Л. 97).

Согласно подходу В.А. Снегирева, религиозное чувство можно считать в некотором смысле врожденным, но не в смысле априорных форм мышления или чувства. Религиозное чувство и сознание развивается из самосознания человека и становится его частью. В процессе возникновения и усложнения самосознания возникает представление о себе как о конечном и ограниченном существе, которое способствует появлению противоположной идеи – о существе бесконечном и всеильном. «<...> полагая себя в самосознании, как определенное, ограниченное и единое существо мыслящее, действующее произвольно, или – как личность конечную сверхчувственно-духовную, – человек тем самым, по основному закону своей мысли, вызывает в себе идею Личности безграничной и бесконечно, а потому всеильной или всемогущей и

противопоставляет себе содержание этой идее, как реально и вне его суще» (Снегирев, 2008, с. 651). Таким образом, В.А. Снегирев полагает, что религиозное чувство и сознание является присущим любому человеку, т.к. развивается из самосознания и составляет естественную часть его, возникает как некоторая необходимая идея при осмыслении себя как существа конечного.

Развивается религиозное сознание в несколько этапов и зависит от нескольких условий. При возникновении самосознания, оно является смутным и неустойчивым, что относится и религиозной идее, она также смутна. Далее, когда самосознание усложняется до духовного аспекта, и человек не только ассоциирует себя с телом и душевными явлениями, религиозное сознание также отделяется от чувственного мира и трансформируется в идею об особой духовной сущности. Эта сущность хотя и является антропоморфной, но не имеет ничего общего с олицетворением природы и других объектов. Антропоморфность достигается тем, что сама идея Божества выходит из человеческого самосознания. Наиболее ярко чувство Божества проявляется в возрасте 12-15 лет, когда человек достигает полного развития самосознания и способен осмыслить понятие Божества. В.А. Снегирев отмечает, что у людей, склонных к самоанализу, к наблюдению за самим собой, самосознание и, следовательно, религиозная идея развиваются интенсивнее и полнее, и наоборот. Также на формирование религиозного чувства влияет жизненный опыт: несчастья, страдания, печали, стимулирующие самосознание, воздействуют и на чувство Божества.

Наконец, собственно религиозное чувство является сложным чувством, состоящим из нескольких и несводимым ни к одному из них: «то, что должен чувствовать человек при представлении и живом восприятии божественной всеобъемлющей личности, - он не может чувствовать ни при каком другом представлении, даже – представлении целой вселенной» (Снегирев, 2008, с. 659). В религиозном чувствовании В.А. Снегирев выделяет: 1) чувство обожания (обожествления) в связи с идеей всесовершенства; 2) чувство

таинственного, вызывающее стремление и влечение к этому предмету, нежелание расставаться с ним; 3) чувство страха. С одной стороны, страх вызывает идея о неизвестном, с другой – в боязни Божества, которое может осуществить наказание; 4) чувство высокого, связанного с сознанием бесконечности силы всемогущей Личности; 5) чувство презрения к конечному и чувственному, выражается в аскетизме; 6) При соединении чувства высокого с чувством презрения возникает чувство благоговения к божественному и чувство смирения, покорности, виновности при сознании невыполнения обязанностей к божеству; 7) чувство радости и счастья от полноты жизни и чувство любви к Источнику добра и красоты, к божеству.

В.А. Снегирев описывает внешнее выражение религиозного чувства. Как и само чувство, его выражение является сложным, в том числе, и для анализа: молитва и жертвоприношение. Эти формы включают в себя психологический аспект: молитва создает чувство близости и наслаждения от близости с божеством, а жертвоприношение создает чувство причастности к божеству и удовольствия от того, что он делит вещь с ним.

3.6. Психология духовности в научном наследии В.А. Снегирева

Особое внимание стоит уделить взглядам В.А. Снегирева на психологические аспекты духовности человека. На протяжении XIX в. данная проблематика была важной из-за присутствия религиозности в философии и науке, а также доминанты религиозных представлений в российском дореволюционном обществе. В настоящее время данная область психологии и философии вновь обретают свою актуальность (М.И. Воловикова, А.А. Гостев, Ю.М. Зенько, Г.В. Ожиганова, Л.Ф. Шеховцова и др.): духовная сфера человека переосмысливается, и возникает потребность современного общества по-новому взглянуть на высшие сферы человеческой личности.

В творчестве В.А. Снегирева присутствуют различные аспекты духовности, обобщенную систему которых мы попытаемся реконструировать,

анализируя идеи относительно субстанциальности души, самосознания личности, психологии нравственности и религии (в виде учения о нравственном и религиозном чувстве).

Прежде всего, в отношении духовности человека необходимо обосновать независимое от материи существование духа (души) как самостоятельной субстанции. В.А. Снегирев доказывает существование души как независимого духа двумя путями: непосредственной данностью в нашем переживании и философским дискурсом относительно взаимодействия субстанций материи и духа. В самом себе каждый человек обнаруживает внутренние переживания и некоторую силу, которая их объединяет. Это обозначается казанским психологом «непосредственным сознанием каждым человеком присутствия в себе силы мыслящей, волнующейся, желающей, приводящей в движение тело, а чрез него и внешние предметы, сознанием себя неделимым центром этой силы. Это простое, непосредственное самооткрытие души самой себя» (Снегирев, 2008, с. 71). Мы сами понимаем внутри себя, что именно изнутри нашей души/духа исходит наше внешнее поведение, наши поступки и решения. Другим направлением доказательства самостоятельного бытия души/духа является рассуждение относительно гносеологии: несмотря на достаточную популярность материалистических и физиологических идей в психологии, тем не менее, мы должны признать, что все наши ощущения, образы, идеи, представления – это субъективные переживания. Привлекательная и объективная логика материализма при объяснении психики всегда будет противостоять идеализму в его крайних проявлениях (солипсизм). Таким образом, по мнению, В.А. Снегирева для более плодотворного философско-психологического дискурса необходимо признание равноценного существования двух субстанций – материи и духа, а также их постоянного взаимодействия.

Личностный аспект духовности заключается в развитии самосознания или образа «Я», т.е., в современной терминологии, обосновать субъектность внутреннего мира и внешней деятельности человека. В.А. Снегирев полагает,

что необходимо признать за идеей «Я» человека ту силу, которая и управляет нашим духовным строем. «Я» включает в себя всю систему телесных и духовных качеств человека в их многообразии, различные сферы деятельности, в конечном итоге, всего человека. Но вместе с тем, «Я» не является собственно заменяющим явлением всего вышеперечисленного. Скорее, «Я» это основа и носитель человеческой жизни, ее источник, та субстанция, которая совершает действия и обуславливает изменения человека. Мы мыслим внешние и внутренние наши характеристики как принадлежащие «Я», через него мы переживаем все события, осуществляем действия и поступки. В конечном итоге, наше «Я» – это, по выражению В.А. Снегирева, «владелец» физического и душевного содержания человека (Снегирев, 2008, с. 330-331). В «Я» нами помещается и нравственная свобода личности, возможность достижения высших целей и реализации благородных намерений. Отнесение этой роли именно «Я» человека отражает направленность на обоснование субъектности человека, более того, данный подход сохраняет логичность и понятность объяснения человеческой духовности и жизнедеятельности; если же мы припишем роль организующего начала и субъектности, например, телу, то тогда, как пишет В.А. Снегирев, «все в этом явлении становится темным, непостижимым и необъяснимым» (Снегирев, 2008, с. 354).

Важным аспектом самосознания казанский психолог обозначает тождество личности и единство «Я». Многими мыслителями XIX в. высказывались предположения о том, что различными явлениями души и духа управляют разные внутренние (а может и внешние, высшие) сущности, или различные «Я». В этом случае человек и его внутреннее единое «Я» лишается самоидентичности и самоотнесенности, и тогда сложно признать за человеческим «Я» субъектность, самостоятельность, а значит не он сам совершает поступки и осуществляет регуляцию собственного поведения. Однако наличие именно одной объединяющей все проявления души и духа

силы доказывається тем, що людина завжди їх приписує собі, пам'ятає про них, зв'язує воедино.

Подлинные самосознание личности не дается человеку с рождения, а приобретается им постепенно из опыта. Начинаясь с телесных самоощущений, оно достигает высшей точки своего развития – образа своей души как субстанции. Самосознание человека подразумевает обладание уникальными индивидуальными свойствами и способностями, формирование образа души и внутреннего мира, что выражается в осознании наличия особого начала и субстанции, отличающейся от физического организма и реализующей себя независимо от окружающего мира.

Из самосознания человека развиваются высшие духовные составляющие личности – нравственность и религиозность. Нравственное сознание человека развивается по двум направлениям: индуктивно (наблюдение за действиями своими и других людей и оценка влияния их на общество) и дедуктивно (приобретая нравственные и духовные постулаты, под которые человек подстраивает свое поведение). Идея нравственного добра развивается у человека через идею возвышения, силы, превосходства и представления о совершенной духовной личности. Последнее представление выражается в понятии идеала, которое каждый человек создает путем интуиции о высшем и совершенном образе человека и человечества: «<...> ти совершенства состоят из всестороннего и притом бесконечного развития всех сил духовных личности идеальной» (Снегирев, 2008, с. 620). Соответственно, подлинно нравственная позиция человека развивается из идеала, который, в свою очередь, связан с формированием самосознания. Наблюдая за окружающим миром, осмысляя его совершенство, человек выводит из этого идею и человеческого совершенства, к которому он и хочет стремиться. «В этом смысле – необходимого возникновения, притом возникновения органического, из самого строя и природы духа, – идеал изначально прирожден человеку, а с тем вместе прирожден, очевидно, источник его нравственного развития» (Снегирев, 2008, с. 621-622). Нравственность человека обусловлено

тем, какими идеалами обладает человек, и его нравственное поведение соответствует его идеалам, его представлениям о совершенной, идеальной, духовной личности.

Обращаясь к психологическим аспектам религиозности личности, В.А. Снегирев так же выводит ее из самосознания. Любая религия связана с идеей о всемогущей Личности, которая влияет на мир и на самого человека. Обоснование наличия религиозности у человека через страх перед божеством является недостаточным для казанского психолога. Он предполагает, что идея о всемогущей, бесконечной, непостижимой Личности (Бога, Абсолюта) возникает у человека не врожденно, а путем анализа самого себя и окружающего мира. В процессе возникновения и усложнения самосознания возникает представление о себе как о конечном и ограниченном существе, которое способствует появлению противоположной идеи – о существе бесконечном и всемогущем. В.А. Снегирев полагает, что религиозное чувство и сознание является присущим любому человеку, т.к. развивается из самосознания и составляет естественную часть его, возникает как некоторая необходимая идея при осмыслении себя как существа конечного. Поэтому, религиозность это не страх перед чем-то превосходящим человека, а чувства обожествления, таинственного, высокого, презрения к конечному, благоговения, радости и счастья от полноты жизни и чувство любви к Источнику добра и красоты, к божеству, существу Бесконечному и Совершенному.

Таким образом, духовность человека, согласно идеям В.А. Снегирева, это связь нескольких личностных характеристик: начиная с развития самосознания, рефлексии, человек усложняет свое мировоззрение, свое представление о мире, признает наличие чего-то высшего и совершенного по отношению к нему, и стремится следовать идеалам и ценностям, которые он приобретает, и благоговеть перед Бесконечным и Абсолютным существом, что, вероятно, свойственно каждому человеку.

3.7. Научные взгляды В.А. Снегирева о психологии волевых процессов

Воля и волевые процессы на протяжении XIX в. понималась очень разнообразно (встречаются обозначения «воля», «желательная способность», «произвольная деятельность», «практическая сторона духа» и др.), состав и классификация волевых процессов так же отличались от автора к автору (движение, действие, потребность, инстинкт, рациональная воля, желание, хотение, мотив, свобода воли и др.). Этим демонстрировалась сложность исследования и анализа данной стороны психики.

В.А. Снегирев предпринимает попытку составить новый взгляд на человеческую волю, предлагая собственную выстроенную концепцию. Ставя проблему взаимодействия человеческой души и духа с окружающим миром, их взаимозависимости с последним, он противопоставляет волю пассивным явлениям души и относит ее к активным, которые доказывают, что человеческий дух способен производить действия, быть источником изменений в окружающей действительности: во внешнем мире, в других людях, наконец, в самом себе. «При посредстве движений пассивный процесс ощущения и восприятия превращается в активный, потому что началом его служит его собственная деятельность духа, который заставляет еперь внешнюю силу действовать на себя, входить в себя, а не отдается ей пассивно, при случайной встрече с нею» (Снегирев, 2008, с. 670). Критикуя схоластический (воля как способность души совершать действия) и абстрактный (воля как осуществление и воплощение идей-представлений) подходы, В.А. Снегирев снова предлагает сосредоточиваться на том, что любая сторона психики – это, прежде всего, процесс, постоянно текущий и изменяющийся, а, следовательно, «живой», а также состоящий из определенных составных частей, которые только и могут быть объектами психологического исследования. Воля, таким образом, есть «живая, определенная, конкретная деятельность или сила, слагающаяся из ряда

специальных внутренних деятельностей, приспособленных к осуществлению во внешнем и внутреннем мире идей-планов и намерений» (Снегирев, 2008, с. 674). Как составной процесс, воля представляет собой следующую схему: потребность, желание, мотивы и их оценка, усилие и движение (шире – действие, как внешнее, так и внутреннее). «Этот организованный по законам духа ряд простых и сложных явлений, сливающихся нередко в неразложимое непосредственно и прямо целое, состоящий из потребности, желания, мотивов их оценки, выбора, решения, усилия, - это организованный ряд указанных явлений и есть – воля» (Снегирев, 2008, с. 682). Несмотря на необходимость выделения определенных элементов в волевом акте, они всегда выступают единым процессом: «Они составляют обыкновенно один процесс, совершающийся иногда с необыкновенною быстротой и кажущийся одним неделимым актом сознания, одною силою» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 994а, Л. 15).

Источником волевых явлений В.А. Снегирев считает чувствования, а именно чувствования удовольствия и неудовольствия. Это им подтверждается тем, что именно удовольствие или неудовольствие могут поддерживать или прекращать какое-либо действие, в том числе, и внутреннее. Чувствования и рефлексивные движения в раннем возрасте становятся предшественниками произвольных действий. Ребенок, начиная овладевать физическими движениями через ощущение приятного и неприятного постепенно переносит этот механизм на внутренние явления. В процессе взросления примат чувствований заменяется на рациональный, умственный аспект: взрослый человек способен осуществлять какое-либо действие, руководствуясь интеллектуальным рассуждением.

В составе волевого явления В.А. Снегирев начинает анализ с элемента потребности. Потребность понимается как особое состояние сознания, которое рождается некоторым недостатком для организма и души чего-то, что необходимо для нормального существования, а также избытком, вторжением чего-либо чуждого, препятствующего и враждебного. Это состояние следует разделить на чувство удовольствия и неудовольствия (собственно

потребность), и двигательные импульсы и мускульное ощущение (стремление).

В.А. Снегирев предлагает классификацию потребностей: 1) группа потребностей поддержания деятельности на определенном уровне силы и напряжении (или потребности в деятельности ради самой деятельности), определяющие человека как «живой механизм, нуждающийся в безостановочной деятельности» в физической и духовной сфере. В физиологическом плане это выражается в непрерывном функционировании систем организма (дыхание, кровообращение и др.), и их прекращение приведет к смерти. В психической сфере прекращение деятельности сознания и других процессов ведет к упадку душевной деятельности, влечет за собой расстройства, которые выражаются в скуке и апатии. Данная потребность имеет две формы: «потребность деятельности напряженной, соединенной с победением препятствий или потребность труда и потребность деятельности, наполняющей периоды отдыха от напряжения, легкой и не утомляющей или потребность развлечения, игры и т.п.» (Снегирев, 2008, с. 707); 2) группа потребностей поддержания собственного существования как индивидуума, определяющая человека как индивидуума, нуждающегося в развитии полноты своего бытия и устранении всего враждебного. Включает в себя: а) потребность пищи, питья и воздуха; б) потребность «защиты от враждебных сил» (в одежде, жилище, орудиях защиты и др.), в) потребность знать окружающий мир и себя, г) потребность в удовольствии; 3) группа потребностей, связанных с воспроизведением, сохранением и усовершенствованием рода, определяющая человека как части рода. Включает в себя: а) половая потребность, б) потребность в обладании собственностью, в) потребность в заботе и уходе за детьми, воспитании и обучении их; 4) Группа общественных потребностей, определяющая человека как члена организованного общества, нации, государства или конкретной группы/сообщества, члена, имеющего определенные права и обязанности, исполняющего определенные функции. Включает в себя: а) потребность в

отношениях с другими людьми, б) «потребность симпатических действий» (имеется в виду сопереживание другому), в) потребность во взаимной помощи, г) потребность в одобрении, д) потребность в участии в общественной деятельности и мероприятиях; 5) группа потребность «бесконечного усовершенствования и счастья», определяющей человека как члена всего человечества, имеющего предназначение непрерывного совершенствования. Включается в себя: а) потребность в вечном продолжении личности, б) нравственная потребность (в совершении добра), в) религиозная потребность (в общении с высшим миром и высшими силами). «Все эти потребности основные, прирожденные или в строгом смысле, - естественные, потому что выражают собою основные стороны, ступени и моменты самого бытия человека: неудовлетворение одних из этих потребностей сопровождается или прямо уничтожением, прекращением бытия, или глубокими повреждениями и искажениями физической и духовной жизни; неудовлетворение других сопровождается – или уничтожением и низведением до степени животности человеческой личности, или тоже повреждением, расстройством и искажением ее» (Снегирев, 2008, с. 708-709).

Вторым элементом волевого процесса является желание. Оно определяется как сочетание потребности с представлением объекта, который способен ее удовлетворить. Отличием от потребности является то, что потребность сосредоточивается на чувстве недостатка чего-либо, а образ удовлетворяющего смутен и неполон, а желание обладает намного более ярким образом объекта потребности. «<...> степень силы желания измеряется всегда и может быть измеряема не силою потребности, которая тоже необходимо входит в его состав, а силою представления, его яркостью и напряженностью» (Снегирев, 2008, с. 711). Тем не менее, желание слабо связано с именно с действием; оно, скорее, представляет собой созерцательное явление, в котором преобладает воображением. Желания порождают новые потребности и стремления, базирующиеся на 5 основных группах, перечисленных выше. Но они уже являются не первичными и естественными,

а вторичным и искусственным потребностями. Количество вторичных потребностей зависит от жизненного опыта человека, его личностного развития. Т.к. потребности могут быть двух направлений – приобретение/усвоение и устранение чего-либо, - то желания могут быть двух видов: желание и нежелание. Объекты желания как общего волевого процесса подразделяются на 3 группы: 1) конкретные предметы и явления и их соотношения (желание и нежелание предметов); 2) пассивные духовные и физические состояния самого человека (желание и нежелание состояний); 3) активные духовные и физические состояния и действия самого человека (желание и нежелание действий).

С точки зрения возможной реализации желаний, их можно подразделить на 3 группы: 1) желания возможного (реальные желания); 2) желания невозможного, но реального, действительно существующего или существовавшего в прошлом (бесплодные, нереальные желания); 3) желания, как возможного, так и невозможного, но несуществующего в действительности и воображаемого (творческие/фантастические желания). В.А. Снегирев описывает преобладание тех или иных желаний в различные возрастные периоды: в детстве часто встречаются фантастические желания, в юности – желания бесплодные, в зрелом возрасте – творческие желания, в старости – реальные желания.

Далее в волевом процессе можно выделить мотив. В отличие от желания, мотив непосредственно связан с действием и собственно производит его. Для осуществления желания, содержащего потребность, его должен поддерживать мотив. Мотивы направляются потребностями и стремлениями человека, но под влиянием жизненного опыта и развития личности приобретают различные формы. В самом общем виде все мотивы В.А. Снегирев подразделяет на 3 группы: 1) мотивы удовольствия (показатель начала, продолжения и окончания удовлетворения потребности) и неудовольствия (показатель субъективной силы потребности и знак ее присутствия), с преобладанием элемента чувствования, что характеризует низшую ступень развития воли

человека; 2) мотивы пользы (ожидание удовольствий, которые наступят после действий, которые могут быть и неприятными) и вреда (ожидание удовольствий, которые наступят после действий, которые могут быть и приятными), с преобладаем умственного элемента (процессы сравнения, обобщения, отвлечения, вывода и оценки последствий действий); 3) нравственный мотив или мотив долга (действия, сообразные с идеалом, конечной целью жизни, «верховным благом»; человек сознает себя обязанным, чувствует внутренне принуждение совершать одни действия и воздерживать от других, потому что одни он считает добрыми, а другие – злыми). Последний мотив является сложным, по мнению В.А. Снегирева, и связан с такими явлениями, как совесть, чувство долга, чувство свободы, осознание себя источником своих действий и последствий, удовольствие от одобрения поступка и боязнь от порицания.

При существовании нескольких желаний в сознании человека, каждое из которых поддерживает соответствующий мотив, возникает ситуация столкновения и борьбы мотивов. При столкновении двух желаний, поддерживаемых мотивами удовольствия, они суммируются, образуя большую степень удовольствия и сильнейший мотив. При столкновении двух желаний, поддерживаемых мотивами неудовольствия, они суммируются, образуя большую степень неудовольствия и сильнейший мотив. При столкновении двух желаний, одно из которых поддерживается мотивом удовольствия, а другой – мотивом неудовольствия, они нейтрализуются, если обладают примерно одинаковой степенью силы, или одно из них становится преобладающим при разности этих степеней. Борьба мотивов происходит следующим образом: «здесь всегда происходит независимое или весьма мало зависимое от личности, бессознательное взаимное измерение чувствований по своей силе, и действие направляется в сторону сильнейшего. Колебание в выборе действия всегда почти зависит от затруднительности выбора, и просто оттого, что не получает некоторое время перевеса одно из борющихся чувствований» (Снегирев, 2008, с. 735).

В.А. Снегирев предлагает три вида борьбы мотивов: 1) борьба реального (присутствующего в наличности) и идеального (возможного в будущем) желания; 2) борьба специальных сложных чувствований, которые отличаются

от простого удовольствия и неудовольствия (борьба страха и любопытства, страха и любви, гнева и симпатии, любви и отвращения и др.); 3) борьба желания, поддерживаемого чувственным мотивом (удовольствие/неудовольствие), с желанием, поддерживаемого умственным мотивом (польза/вред); 4) борьба желания, поддерживаемого мотивом удовольствия/неудовольствия или пользы/вреда, с желанием, поддерживаемым нравственным мотивом. В жизненном опыте человека часто происходящиеся ситуации с борьбой мотивов в последствии обретают характер привычности: в дальнейшем борьба мотивов отсутствует, а действия происходят автоматически. Другими случаями отсутствия борьбы мотивов являются участие убеждений человека при принятии решений.

После этих основных компонентов волевого процесса наступают этапы готовности действия, решимости (утверждение желания в сознании) и усилия (признание себя источником осуществления желания и напряжение силы для действия).

Все эти компоненты волевого процесса относятся к осуществлению произвольного действия, без них действие является непроизвольным. К последнему относятся: рефлексы (механические, «психомоторные» движения, в которых психика не участвует), инстинктивные движения (рефлективные движения, которые запускаются ощущением или потребностью, т.е. в них участвует психика, но только как запускающий механизм, не реализующий его), подражательные движения (рефлексы, в которых участвуют зрительные восприятия и представления формы движения).

Воля представляет собой единый процесс, «организованная совокупность потребностей-стремлений, желаний, мотивов, выбора, решения и усилия, предшествующих всякому сознательно целесообразному движению – внешнему или внутреннему» (Снегирев, 2008, с. 682), для исследования которого необходимо разложить его на описанные элементы.

3.8. Отношение В.А. Снегирева к психологии сна и сновидений

Для различных исследователей и мыслителей XIX в. область изучения сна и сновидения была достаточно особой: с одной стороны, эта сфера всегда присутствовала как в бытовой жизни, так и в философских трактатах; с другой – только в XIX в. на основе физиологических знаний удалось более детально понять механизм функционирования сна и приблизиться к объяснению сновидений. Повышенный интерес к явлениям сна и сновидений объясняется тем, что, несмотря на простору и обыденность их опытного переживания, остается загадочным само возникновение сна, по каким механизмам протекает этот процесс и как порождаются внутренние образы.

В истории исследований сна и сновидений общепризнанно внесли вклад такие исследователи, как Н. Клейтман, С. Корен, И.П. Палова, Я. Пуркинье, З. Фрейд, К. Харви, К. Эспи, К. Юнг и др. Как видно, данный список состоит из западных ученых, отражая контекст развития преимущественно европейского и американского вариантов психологии сна. Как складывалась ситуация развития исследований сна и сновидений в России? Отечественных философов, психологов и богословов XIX в. также интересовали проблемы сна и сновидений, о чем свидетельствует достаточно большое количество публикаций. Среди имен можно отметить А.К. Гиляревского, Н.Я. Грота, К. Думитрашкова, М.М. Манасеину, О.В. Мильчевского, Б.А. Окса, И.Г. Оршанского, М.И. Поварнина, Д.Е. Рихтера, В.А. Снегирева, П.Я. Светлова и др.

Сложность формирования однозначного образа психологии сна в отечественной науке конца XIX - начала XX вв. заключается в том, что исследованиями в данной области занимались представители разных традиций – собственно психологической и религиозно-философской. Ученые этих направлений вели заочный диалог друг с другом. Многоголосие психологической науки в целом создавало трудность оценки научности выносимых исследователями суждений.

По данной проблеме В.А. Снегирев имеет 4 работы: «Вера в сны и снотолкование (1874), «Сон и сновидения» (1875-1876), «Физиологическое учение о сне и сновидениях» (1882, 1884), «Учение о сне и сновидениях. Историко-критический очерк» (1886) (это расширенная монография, включающая в себя работы «Сон и сновидения» и «Физиологическое учение о сне и сновидениях»).

Ученый рассматривает несколько проблем, связанных со сном и сновидениями. Давая определение этому феномену, он считает, что сон – особая форма жизни и деятельности души, представляющая «много разновидностей, начиная с внутренних явлений моментального сна, продолжающегося иногда несколько секунд и представляющих собою отдельное, более или менее сложное, сновидение, начиная с гипнагогических отрывочных образов и кончая рядами разнообразных, постоянно меняющихся, деятельностей внутренних в здоровом крепком сне» (Снегирев, 1886, с. 318). В.А. Снегирев отмечает ошибочность представления о том, что сновидение является явлением противоположным бодрственной жизни в психологическом аспекте. Сновидение является разновидностью душевной жизни, продолжающей бодрствование: «Сонная жизнь души <...> особая форма жизни душевной, отличающаяся значительными различиями в общих условиях своего бытия, в общем строе и развитии, от бодрственной, но в сущности тождественная с последнею» (Снегирев, 1886, с. 328). Поэтому исследование сновидений должно быть направлено не на поиск различий по сравнению с явлениями души в бодрствовании, а на установление сходств и описание особенностей условий протекания обеих разновидностей психической деятельности. Такой подход имеет своей целью преодоление позиции, представляющей сновидения и психические явления в процессе сна чем-то необычным, сверхестественным, не относящимся к сознанию. Явления сна протекают по тем же механизмам, что и остальные душевные процессы, только в другой форме.

Особое внимание В.А. Снегирев уделяет проблеме объяснения сновидений через бессознательные процессы. Ученый отрицает идею наличия бессознательной части в душе и представление сновидений как бессознательных явлений. Здесь В.А. Снегирев критикует представление о психике/душе как категории, имеющей пространственное выражение. Ранее мы указывали его подход к пониманию психических процессов, среди характеристик которых он выделяет неделимость и непространственность. Мы, вслед за В.А. Снегиревым, так же подтверждаем сложность разработки и понимания понятия сознания и бессознательного, т.к. у разных авторов встречаются различные трактовки. И, руководствуясь этим соображением, предпримем попытку корректного анализа позиции В.А. Снегирева по проблеме бессознательного.

В разных работах ученый предлагает две трактовки бессознательных процессов в душе: бессознательное как отсутствие переживания и знания о происходящем процессе и бессознательное как сфера вне сознания (сознание как душа в целом). Первый ряд процессов он признает, давая им определение в связи с сознанием: «Состояние живое, действующее в душе, действительное называется “сознательным”, “сознаваемым”, обладающим особенною чертою или свойство – “сознательностью”. То же самое состояние, скрываясь, делаясь потенциальным, называется “бессознательным”, “неосознаваемым”, лишенным этого свойства – сознательности. Наконец, у человека многие действующие живые состояния сопровождаются более или менее отчетливым знанием, что они его состояния им испытываются, что они или его прошлые состояния или состояния, возбуждаемые внешними предметами, действующими в данный момент, внушенные другими людьми, созданные им самим из прошлых и наличных и т.п., т.е. разного рода деятельные и живые состояния, которые сочетаются в душе в связи с так называемой идеею личности или “я”; другие состояния существуют, как живые и действующие, не сопровождаясь этим знанием. Первые тоже называются “сознаваемыми”, вторые – “неосознаваемыми”, “бессознательными”» (Снегирев, 2008, с. 220).

Таким образом, бессознательные процессы как отсутствие переживания и знания о них стоит обозначать неосознаваемыми, т.е. теми, которые происходят в теле и душе, но мы их не сознаем. Среди таковых процессов можно отметить физиологические процессы, некоторые слабой интенсивности воздействия на органы чувств, остающиеся незамеченными. Т.е. здесь сознательное/бессознательное состояния характеризуется актуализацией или отсутствием актуализации способности психики к обнаружению и различению состояния.

Концепцию о бессознательных процессах как находящихся вне сознания В.А. Снегирев критикует. Он считает, что такая концепция возникла из представления о сознании как пространстве, при попадании в которое состоянии становится «осознаваемым», «подсвеченным». «Сила эта <...> превратилась в представлении в какую-то область души пространственную, вступая в которую скрытое явление становится открытым, видимым, живым и, выходя из которой, оно темнее и скрывается. <...> Раз образовавшись, олицетворение пошло далее. Сознание, как сила, приравнено было к солнцу, свету; как особая область, оно получило название “светлой, дневной области или сферы” души; называется также светлым полем, просто “полем сознания”. С тем вместе состояния скрытые, лишившиеся сознания, стали мыслиться погруженными во мрак, в темную, недоступную свету сознания, сферу души, в ночную сферу души; сфера эта тоже была олицетворена, как сила живая, деятельная, потемняющая душевные состояния; затем явилась в виде тоже пространства, как бы части души и т.п. Оставалось сделать еще один шаг, и душа представлена была резервуаром с небольшою верхнею частью, которая постоянно освещена, и обширную меньшую частью, которая постоянно погружена в непроницаемый мрак, где продолжают жить, действовать и развиваться состояния, побывавшие в сознании: одни ближн, другие дальше от светлой области; одни, следовательно, выше, другие ниже и глубже» (Снегирев, 2008, с. 223). Как это похоже на психоаналитическую концепцию психику с бессознательной областью! Но парадигмальный контекст, в котором

работал В.А. Снегирев, еще не позволял строить функциональные и структуралистские концепции психики. В.А. Снегирев обосновывает следующее: психика/душа – это непрерывный поток состояний, которые мы либо осознаем, либо нет. Однако сознаваемость и неосознаваемость состояний – это два аспекта одного и того же процесса – сознания. Сознание в концепции В.А. Снегирева это не конструкт, а способность переживать состояния. Такой подход упрощает процесс объяснения психики. Справедливости ради, необходимо отметить, что и в настоящее время нет общепринятого понятия сознания, что всегда требует различных условий и оговорок при его введении в объяснительный дискурс.

Более того, В.А. Снегирев критикует бессознательное как отдельную сферу психики еще и потому, что многие концепции, существовавшие до него, включающие в себя концепт бессознательного, используют бессознательное в качестве того элемента, которым возможно объяснить любой «непонятный» процесс. К таковым процессам он относит сновидение: по его мнению, стремление ввести бессознательную сферу как инструмент понимания процесса сновидения, свидетельствует о нежелании проведения исследования подлинных механизмов его функционирования. По В.А. Снегиреву, сновидение – это сознательный процесс, протекающий по общим механизмам сознания, психики, но имеющим свои особенности (например, сниженную интенсивность функционирования воли, мышления, эмоций и т.д.). Т.е. к анализу сновидений мы должны подходить так же, как и к любым другим психическим процессам. (Данная логика, в целом, сохраняется и при анализе психоаналитического подхода к бессознательному: т.к. в нем бессознательное отличается от сознания, то к нему применяются специальные методы, и оно имеет иные механизмы).

Наконец, В.А. Снегирев отрицает положение представителей, разделяющих идею бессознательного как самостоятельного феномена, при котором явления, исчезнувшие из сознания, возвращаются в него в том же виде, не изменяясь. В.А. Снегирев защищает способность души каждый раз

создавать явления заново, т.н. «новотворение». «В период времени между явлением идеи данной и явлением или воссозданием в сознании по тому же типу подобной ей, - первая нигде не находится как определенное, живое, конкретное целое, ее просто нет, как нет нигде сгоревшей свечи: остаются и хранятся, пожалуй, употребляя привычное выражение, условия более или менее благоприятные, более или менее организованные и приспособленные к ее явлению, - в душе и ее физическом органе – мозге, и только. Для нее таким образом не нужно никакого места, никакой особенной области темной – бессознательной, где бы она могла лежать и дожидаться возможности пройтись по белому свету сознания, расправиться и освежиться, как наивно полагают бессознательники» (Снегирев, 1884, с. 292).

Обсуждая проблемы исследования сновидений, В.А. Снегирев так описывает состояние науки о сновидениях в конце XIX в.: «<...> не смотря на ясное понимание научных задач по отношению к внутренним явлениям сна, доселе нет научной теории их, заслуживающей названия, и, если не объясняющей их все, то всесторонне и полно их освещающей, отделяющей несомненное от проблематического. Даже если сделать подробный свод всего лучшего и действительно научного в перечисленных выше произведениях, по всем главным вопросам, на которые должна отвечать психологическая теория сонной деятельности души, то и в этом случае не получится ничего сколько-нибудь цельного и законченного, даже формально, не говоря уже о радикальном разногласии и противоречиях между исследователями по некоторым из важнейших вопросов» [14, с. 330].

К задачам психологии сна, по мнению В.А. Снегирева, относится: опытное исследование сна и сновидений, сбор эмпирического материала, обобщение и классификация различных явлений и особенностей сна и сновидений, организация систематических исследований (на основе самонаблюдения) в сообществах и разработка собственного теоретического и методического аппарата (параллельно с отказом от схоластики, умозрений и толкования сновидений). Более того, психология сна и сновидений может

сыграть важную при изучении и объяснении других феноменов: явлений первобытной культуры, религиозных состояний, суеверий и предрассудков, сущности и механизмов творчества, природы духа и особенностей его основных деятельностей, психологического содержания различных физиологических состояний.

Из этого представления развития теорий сна на протяжении истории, предложенного В.А. Снегиревым, можно видеть, что большую часть истории в ней преобладали идеи пророчества и толкования. Более того, данная тенденция сохранялась и в XIX в., сохраняется и до сих пор. В.А. Снегирев объясняет причины распространения толкования сновидений среди большого количества людей. Еще в древности человек относился снам как к временному отделению души от тела, «временной смерти», и в данном процессе человек мог видеть чудесные события, которые не происходили в бодрственной жизни. С другой стороны, сновидения предоставляют свободу действия и идей в нем. «Она [душа. – А.К.] погружается в свой собственный, ею самую и свободно создаваемый мир, где ей не препятствует и не заставляет действовать ее по-своему ничто внешнее, где для нее не существуют и необязательны никакие законы внешней природы и потому нет для нее ничего невозможного и странного. Здесь мертвые воскресают, давно умершие являются как живые, небо и ад являются, как весьма близкие и доступные человеку области, существа неразумной и даже мертвой природы являются живыми и разумными; здесь бедняк, в силу неотразимых условий жизни не имеющий никакой надежды на благосостояние, видит себя иногда богачем, проводящий жизнь в унижении и рабстве видим себя господином, владыкою, церм и т.п.; здесь наконец исчезает пространство и время» (Снегирев, 1874, с. 3-4).

Эти предпосылки обусловили образование философских, религиозных, мистических систем анализа сновидений, что составляло часть как обыденного, так и культурного бытия различных народов. «Вследствие этого люди старались и стараются разгадать смысл своих снов с тем, чтобы их указаниями руководствоваться в бодрственной, сознательной жизни и

деятельности, и из этого образовалось особое искусство снотолкования, постороенное в древности и в средние века в целую систему, слабым отражением и воспроизведением которой служат ныне существующие “Сонники” и “Снотолкователи” и т.п.» (Снегирев, 1874, с. 5).

Поэтому к содержанию сновидений и их толкованию мы должны относиться не только с точки зрения строгой науки, но и с точки зрения культурологии, истории, философии, религии, самопознания человека. «Сновидения т.о. имеют не только практическое, но и культурно историческое значение: они составляют основу и содержание мирозерцания многих людей» (Снегирев, 1874, с. 5).

В.А. Снегирев считает, что мы должны освободиться от повсеместного распространения снотолкования путем понимания следующих положений. Идея о том, что сон является более высшим состоянием, нежели бодрствование, опровергается тем, что большинство психических процессов во сне функционируют слабее и со множеством искажений: «<...> все эти деятельности представляют из себя карикатуру соответствующих бодрственных» (Снегирев, 1874, с. 5). Отличия себя от внешнего мира становится более призрачным; образ «Я» изменяется; внешние предметы кажутся не похожими на действительные; ощущения искажаются и оцениваются не так, как при бодрствовании; ассоциативные процессы нарушаются; внимание становится неконтролируемым; мышление перестает быть критическим и не вырабатывает стойких понятий; привычные чувства вызываются не привычными стимулами, становятся преувеличенными или преуменьшенными; волевые процессы затормаживаются; воображение и фантазия полностью захватывает процесс сновидения. «Таким образом и аллегоризм сновидений, который для многих, как мы видели, служит признаком высшей мудрости и совершенства души во сне, является признаком ее слабости и бессилия, как и в бодрственной жизни преобладание фантазии над отвлечением, обилие образов, фишур и аллегорий в мышлении и речи служит обыкновенно и у целых народов и у отдельных личностей признаком

неразвитости или слабости умственных сил» (Снегирев, 1874, с. 39). В.А. Снегирев считает «неправильным» логическим заключением, что сновидение как «высшая душевная деятельность» обладает низшими способностями и функционирует хаотично.

Мысль о том, что во сне содержится предсказание, некоторый вещий, пророческий смысл должна быть объяснена вообще общей способностью мышления человека к предсказаниям. Человек в бодрственной жизни делает множество «предсказаний», предположений развития событий путем мыслительной деятельности. Во сне это кажется нам чем-то необычным, т.к. в большинстве случаев сны не несут нам чего-то объективного, логического, осмысленного; мы делаем вывод о значимости пророчества из-за случайного совпадения событий, вещей, идей во сне. «Человек так привыкает к этому явлению своей жизни, что не сознает и часто не подозревает его. Что же особенного и необыкновенного в том, что и во сне иногда является предсказание, – такая обычная для духа человеческого деятельность? Эти предсказания нам кажутся чем-то необыкновенным потому, что мы их сравниваем с другими сонными деятельностями, отличающимися в большинстве бессмысленностью» (Снегирев, 1874, с. 41).

Явления чудес и откровений, которые также поддерживают существования традиции толкования сновидений, как считает В.А. Снегирев, должны быть выведены из области исследований сновидений и отнесены к категории чудесного, которая изучается богословием. В.А. Снегирев признает наличие чудес вообще и в сновидениях, в частности, однако не признает их предметом психологического изучения. «Отвергать сны этого рода, – сны-чудеса нет никакой возможности. Для этого нужно, как справедливо заметил Григорий Нисский, отвергнуть все чудеса и все откровение. Но рассмотрение этих фактов никак не может входить в учение о сне и сновидениях естественных. Этот разумный и вполне согласный с фактами взгляд, обязательный даже для верующих, был забыт в средние века, как мы видели, а отчасти забывается и ныне» (Снегирев, 1874, с. 40).

Таким образом, проблема пристального внимания обывателей и ученых к толкованию сноведний, пророчествам и предсказаниям исходит из некорректного понимания природы данных сновидений. Разделяя сны на естественные и неестественные (божественного происхождения), В.А. Снегирев обозначает два направления их исследования: психологическое и культурно-историческое.

3.9. Вклад В.А. Снегирева в историю психологии: первый русский перевод трактата Аристотеля «О душе»

Значимость научного творчества В.А. Снегирева может быть обозначена не только в отношении разработки собственных психологических взглядов, решением актуальных для XIX в. проблем психологической науки, но и в виде историко-психологической деятельности: им осуществлен первый русский перевод трактата Аристотеля «О душе». Здесь мы раскроем проблему переводов данного произведения Аристотеля, обозначим характеристику основных переводов трактата «О душе» и проведем сравнительный анализ переводов как социокультурном, так и внутринаучном (терминологическом) аспекте.

Философские и научные произведения Аристотеля представляют собой не только классические работы из истории прошлого, свидетельствующие о развитии древнегреческой науки и культуры, но и являются основной для создания философских и научных концепций мыслителями последующих исторических периодов. Творческое наследие Аристотеля до сих пор представляет высокий интерес и актуальность, что подтверждается наличием большого количества работ, посвященных анализу и интерпретации идей древнегреческого философа (Агальцев, 2007; Асадуллаева, 2010; Мутсолудос, 2016; Солопова, 2012; Фохт, Солопова, 1999), изданием ранее неопубликованных работ мыслителя (Евдемова этика, 2005; О памяти и

припоминании, 2005; О предсказаниях во сне, 2010; Об ощущении и ощущаемом, 2015).

Среди исследователей творчества Аристотеля присутствует самая высокая оценка его значимости, доходящая и до «таинственной» трактовки его происхождения. Так, признанные специалисты в области аристотелеведения А.Ф. Лосев и А.А. Тахо-Годи, отмечая очень широкий перечень тем и вопросов, которым посвящены работы Аристотеля, высокую детальность описания и понимания исследуемых проблем, выражают свое впечатление о фигуре философа как «целой академии», которая скрывается за его именем (Лосев, Тахо-Годи, 2005, с. 177). И действительно, широта его творчества вызывает мысль, что вся его жизни была посвящена науке и философии, «словно всю жизнь ничем другим не занимался» (Лосев, Тахо-Годи, 2005, с. 177).

В истории философской и теологической мысли оценка и использование идей Аристотеля периодически менялись. Спектр отношения к его творчеству располагается от абсолютизации, аксиоматичности до критики и полного отказа от него. Это безусловно влияло на то, как трактовались его философские концепции, каким образом они представлялись современникам и в каком виде передавались последующим поколениям. Философ В.П. Зубов справедливо акцентирует на этой проблеме своей внимание и отмечает, что в различные эпохи представление об Аристотеле и его философии как искаженным, замещенным, смешанным с другими, так и точным и отчетливым (Зубов, 2000, с. 6). Образ Аристотеля иногда изменялся до неузнаваемости. И эти процессы происходили на протяжении двух с половиной тысяч лет: его последователи и противники вносили много своего, чуждого Аристотелю, что от его собственных оригинальных идей ничего и не оставалось. Важнейшая задача для исследования наследия Аристотеля – выявить и понять, каким образом изменялись взгляды на его идеи и какая трансформация проходила под влиянием интерпретаций и комментариев мыслителей Средних веков и Нового времени. Одним из аспектов данной задачи является анализ переводов

работ Аристотеля (в нашем случае русских переводов). В.П. Зубов отмечает сложность понимания и перевода аристотелевской терминологии (там же, с. 7). И трудность эта заключается не в тех новообразованиях, которые использует Аристотель в своих работах (например, «энтелехия и др.), но в понимании значений, которые философ закладывал и в специальные, и бытовые слова. Передача этих специфических значений древнегреческого мировоззрения и идей с помощью обычных русских выражений, по мнению В.П. Зубова, создает лишь видимость нашего понимания тех связей между древнегреческими понятиями, которые пропадают при переводе.

В отечественной философской мысли особенное внимание к творчеству Аристотеля появляется с середины XIX в., что выражается как распространении его учений и осуществлением переводов его работ. Мы обратимся к главному психологическому произведению мыслителя – трактату «О душе». К этому произведению также наблюдается повышенный интерес в последней трети XIX в. Представим полный список русских переводов трактата Аристотеля «О душе»:

- Психологические сочинения Аристотеля. Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1874. №6. С. 976-1011.
- Психологические сочинения Аристотеля. Пер. с греч. В. Снегирева // Известия и Ученые записки Императорского Казанского Университета. 1875. №5. С. 794-825.
- Психологические сочинения Аристотеля. Вып. 1. Исследование о душе / Пер. В. Снегирева. Казань, 1885. 98 с.
- Казанский А.П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891. (перевод 51-го отрывка).
- Аристотель. О душе. / Пер., примеч. П. С. Попова. Предисл. В.К. Сережникова. М., 1937. 180 с.
- Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 369-448.

Можно сделать вывод о том, что в истории науки осуществлено два полных перевода: под авторством В.А. Снегирева () и П.С. Попова. Первый полный перевод опубликован в 1885 г., второй – в 1937 г. Таким образом, и в XIX и XX вв. осуществлялись переводы «О душе».

Попов Павел Сергеевич (1892-1964) – философ, логик, историк логики и философии, ученик Л.М. Лопатина и Г.И. Челпанова, действительный член ГАХН, профессор философии Нижегородского университета (Стоюхина, 2013, с. 73-79), заведующий кафедрой логики МГУ, переводчик работ Аристотеля, Гегеля, Шеллинга, Дидро, первый биограф М.А. Булгакова (Семенова, 2009, 2014; Щедрина, 2008). Именно его перевод сейчас является основным, его переиздают и им пользуются в образовательной и исследовательской деятельности.

Здесь мы проведем сравнительный анализ текстов перевод В.А. Снегирева и П.С. Попова, решая две задачи: 1) показать особенности перевода В.А. Снегирева и его вклад в историю психологии; 2) определить наличие различий в переводах под влиянием научно-философского дискурса, терминологии и социокультурного контекста.

Перевод В.А. Снегирева сначала был опубликован в «Известиях и Ученых записках Императорского Казанского Университета» за 1874 и 1875 гг., здесь были опубликованы 2 книги трактата; затем перевод был переиздан с 3-ей книгой в 1885 г. в Казани в типографии Казанского университета (но необходимо уточнить, что в переводе В.А. Снегирева пропущена половина страницы в 12-й главе 3-й книги, возможно, по ошибке). Перевод В.А. Снегирев осуществлял по: *Aristotelis Opera omnia. Volumen tertium. Parisis. Editore Ambrosio Firmin Didot, 1854.*

Достаточно важным является вопрос, почему В.А. Снегирев решил сделать перевод этой работы, ведь до него никто этого не делал? К сожалению, ни в книге с переводом, ни в других работах казанский профессор не дает ответа на этот вопрос. Однако можно предположить следующее: мы считаем, что в кругу его знакомых и коллег был философ и историк философии Федор

Александрович Зеленогорский (1839-1908), с которым он учился в духовных образовательных учреждениях Нижнего Новгорода и Казани (только на разных курсах) (Абашник, Стоюхина, 2016). Возможно, именно Ф.А. Зеленогорский повлиял на него, т.к. он занимался изучением творческого наследия Аристотеля и защитил магистерскую диссертацию «Учение Аристотеля «О душе» в связи с учением о ней Сократа и Платона» в 1871 г., но документально это неизвестно и не подтверждено (отсутствует переписка и материалы, свидетельствующие об их личных контактах).

Но об актуальности обращения к этому произведению и осуществлению перевода В.А. Снегирев пишет подробно. Ученый называет трактат «О душе» «памятником научного творчества» древнегреческой эпохи и считает, что он заслуживает безусловного внимания и изучения для понимания истории науки, формирования философских и психологических концепций как со стороны специалистов, так и широко интересующейся аудитории (Психологические сочинения Аристотеля, 1885, с. 3). Необходимо признать его первой специальной работой, посвященной непосредственно и только проблеме души и душевных явлений. Трактат основывается на опытном материале – наблюдении фактов душевной жизни, на основе которого строится первая наиболее разработанная теория души. Классическое произведение закладывает фундамент для постепенного формирования самостоятельной опытной науки о душе и для дальнейших исследований и теоретических разработок в отношении души и душевных феноменов.

Вместе с тем казанский профессор говорит и о проблемах изучения наследия Аристотеля, в частности, его психологического учения, указывая на те же аспекты, о которых говорил В.П. Зубов: на протяжении веков аристотелевское учение подвергалось различным изменениям, его идеи заимствовались другими мыслителями, переосмысливались, затем вновь представлялись как разработки древнегреческого философа, воспроизводились с различными ошибками, на основе комментариев и интерпретаций его последователей и противников. Так, аристотелизм

смешивается с платонизмом, душа по Аристотелю сливается с метафизикой души Платона; христианские мыслители (например, Григорий Нисский и Немезий) вводят в аристотелевское учение христианскую антропологию; арабские средневековые философы, комментируя и «творчески» преобразуя различные догматы, внесли в него исламскую метафизику (там же, 1885, с. 4). Ученый показывает, что эти факторы негативно повлияли на понимание, воспроизведении и передаче психологического учения Аристотеля. Результатом средневековых искажений и переписываний идей философа образовалась схоластическая философия и психология, под которой впоследствии понимали аристотелевскую, порой отождествляя их. В.А. Снегирев считает, что схоластическая психология – это искусственно созданное учение, «мертвая» система понятий и идей, существующая в отрыве от действительного содержания души, отдаляющая нас от понимания ее сущности. Тем не менее, схоластика просуществовала вплоть до XX в., воспроизводя свои достаточно «законсервированные» положения о психике и тормозя укрепление новых идей, в частности, в российской науке и философии. Подобно естественным наукам, психологии требуется ревизия ее средневекового наследия, избавление от схоластических идей, критическая оценка тех концепций, которого остаются неизменными на протяжении многих веков и подкрепляются только авторитетом религиозно-философской мысли.

По мнению В.А. Снегирева, психологическое учение Аристотеля является целостным и отвечает требованиям построения психологической науки в ее «идеальном» варианте. Это выражается в том, что Аристотель полагал психологию как науку, которая строится на основе знаний и методов как интроспективных, так и естественнонаучных (физиологических). С другой стороны, в учении Аристотеля казанский профессор видит и недостатки: древнегреческий философ лишь декларирует, что психология должна быть опытной наукой о душе, но сам недостаточно опирается на опытные методы и факты. В учении Аристотеля о душе большое количество умозрительный

концепций. Тем не менее, трактат «О душе» представляет собой не только научный и литературный памятник прошлого, свидетельство влияния и значимости фигуры Аристотеля, но и совокупность идей, реализация которых будет способствовать развитию психологии. В.А. Снегирев называет психологическое учение философа вдохновляющей идеей, проникшись которой мы воспитаем в себе научное мировоззрение. В этом и заключается актуальность обращения к этому произведению и осуществление его перевода.

Заключая свое мнение, В.А. Снегирев подтверждает свое намерение и воплощение русского перевода работы тем, что трактат представляет собой не устаревшую и застывшую очередную теорию из прошлого, но «живую» силу, «живое» знание, способное и в конце XIX в. показать нам путь истинного постижения души человека. Поэтому, русскому читателю, наконец, открывается возможность ознакомиться с древнегреческим произведением.

Действительно, актуальность перевода трактата «О душе» еще и обуславливалась достаточно противоречивым и дискуссионным временем для психологии в конце XIX в. Противостоящие друг другу метафизические, физиологические и эмпирические концепции души требовали какого-то разрешения. Сам В.А. Снегирев предлагал целостный взгляд на душевные явления: признавая субстанциальность и независимость души от материи и физиологии, описывая взаимосвязи между психическими состояниями и физиологическими процессами, он придерживался принципа субъективного обнаружения, переживания и познания собственных состояний через интроспекцию (Снегирев, 2008, с. 34-49). Пытаясь выстроить баланс между материалистическим и идеалистическим взглядами, ученый отдает главенствующее положение психологическому опытному исследованию души, которое и находится на стыке двух исторически сложившихся вышеуказанных направлений. Это позволяет наиболее полно и целостно представлять состав души, ее механизмы функционирования.

В.А. Снегирев считает, что психология должна иметь самостоятельный характер, обладать собственными предметом и методом исследования. И в этом отечественный психолог схож во взглядах с Аристотелем (опираясь на его идеи в трактате «О душе»). И обращение к наследию древнегреческого мыслителя, в том числе, повлияло на него, что он хотел передать и его современникам, осуществив перевод, опереться на «могучие плечи» наших предшественников.

Перевод П.С. Попова был издан в 1937 г. в Москве. П.С. Попов много занимался историей философии, в том числе, и античной. Перевод трактата «О душе» осуществлялся в рамках подготовки к написанию будущей кандидатской диссертации «Этюды по гносеологии и психологии Аристотеля в их значении для современной философской мысли» в 1943 г. Соответственно, работа с подлинником произведения и последующий перевод его легли в основу диссертационного исследования.

Перевод П.С. Попова выполнен по: *Aristotelis de anima libri III. Recognovit Guilelmus Biehl. Lips., in aedibus Teubneri, 1884.*

Советский ученый, подобно В.А. Снегиреву, признает трактат первой психологической работой, полностью сосредоточенной на аспектах психики, т.к. до нее психологические идеи высказывались мыслителями в других произведениях, где они занимали второстепенное место и не играли системообразующую роль, являлись частью общефилософской или теологической концепции (Аристотель, 1937, с. 115). Особенно, П.С. Попов отмечает значимость данного психологического произведения в отношении гносеологических вопросов: Аристотель для советской психологии и философии, по мнению ученого, интересна его теорией познания, которая предлагает оригинальные идеи даже для XX в.

Другой важной для советской науки составляющей учения Аристотеля о душе является использование древнегреческим философом некоторых физиологических данных при объяснении функционирования психических процессов (Аристотель, 1937, с. 116). Критикуя непостоянство Аристотеля в

определении души (душа как субстанция, душа как энтелехия тела, душа как опытное переживание), П.С. Попов наиболее высокую оценку отдает его естественнонаучной направленности, биологическим позициям, которые отличаются оригинальностью (тем более для той эпохи). И благодаря наличию в трактате таких естественнонаучных гипотез, П.С. Попов обозначает Аристотеля ученым-натуралистом, а порой и «откровенным материалистом». Вместе с этим, советский философ сожалеет о том, что последующие поколения мыслителей, в основном, развивали аристотелевские идеалистические положения (зачастую в целях собственной выгоды) и совсем забывали его материалистические установки. Это приводило к искажению учения Аристотеля. Одним из таких примеров является понятие общего чувства у древнегреческого философа, которое изначально наполнялось естественнонаучным содержанием, но средневековые ученые его отождествляли с сознанием. Это привело к тому, что аристотелевское учение сравнивают с концепциям сознания немецких идеалистов, что, по мнению П.С. Попова, совершенно неправильно.

Наконец, П.С. Попов указывает на то, что трактат «О душе» высоко отмечался другими материалистическими мыслителями и учеными, которых считает авторитетами советская наука и философия. Более того, о ней положительно отзывались и создатели диалектического материализма, основатели марксизма, в конечном итоге, сам К. Маркс (и в этом видится некоторая составляющая идеологии при обосновании важности этого психологического произведения): «<...> поучителен отзыв молодого Маркса. В 1840 г., делая систематические выписки и переводы их «De anima» Аристотеля (из третьей и первых двух глав первой книги, Карл Маркс по поводу четвертой главы третьей книги по вопросу о реальности понятий пометил: “Глубокомыслие Аристотеля самым удивительным образом вскрывает наиболее тонкие умозрительные проблемы. Он своего рода искатель кладов. Как бы где ни пробивался под кустарником в ущелье живой источник, всюду на него безошибочно направлен волшебный жезл

Аристотеля” (K. Marx, Werke und Schriften bis Anfang 1844. Berlin, 1929, S. 107)» (Аристотель, 1937, с. 115-116).

Необходимо отметить различие в оценках трактата двумя переводчиками. В.А. Снегирев подчеркивает эмпирическую составляющую психологического учения Аристотеля, его целостный взгляд на душу, обоснование ее субстанциальности, при этом критикует большое количество умозрений по различным аспектам душевной жизни. П.С. Попов отмечает гносеологические идеи Аристотеля, его возможный вклад в разработку теории познания, сосредоточивается на естественнонаучных аспектах учения о душе. Вероятно, эти оценки переводчиков обусловлены, в том числе, и научно-философской эпохой, в которой они жили и работали – XIX в. и ориентация на религиозно-философское осмысление человека (В.А. Снегирев), XX в. и диалектический материализм, направленность на объективность и эксперимент (П.С. Попов).

Другим различием переводов является собственно тексты и терминология, с помощью которой ученые передавали психологические понятия Аристотеля. Проведем сравнительный анализ текстов и терминов.

Но перед этим укажем, что говорил о переводе своего предшественника П.С. Попов. Он отмечает важность это труда, но считает, что из-за присутствия некоторых ошибок в переводе нужно осуществить новый перевод: «Трактат “О душе” был переведен на русский язык проф. В. Снегиревым: “Психологические сочинения Аристотеля. Выпуск I. Исследование о душе” – Казань, 1885. <...> Для своего времени это был солидный труд. Снегирев предполагал также издать на русском языке мелкие психологические трактаты Аристотеля, но ограничился первым выпуском. Язык перевода не устарел, но в переводе встречается ряд оплошностей и ошибок, благодаря чему им пользоваться не рекомендуется» (Аристотель, 1937, с. 121).

Скорее всего, с П.С. Поповым можно согласиться относительно особенностей перевода В.А. Снегирева и неактуальности для XX в., но не потому, что в нем присутствуют ошибки (если даже они и есть, то П.С. Попов

на них не указывает, а значит такая аргументация звучит не очень убедительно), а по причине изменения научного и философского дискурса и изменения психологической терминологии.

Выделим сходства и различия переводов трактата (см. табл. 4).

Таблица 4

**Сравнение используемых терминов в русских переводах трактата
Аристотеля «О душе»**

Перевод В.А. Снегирева (1885)	Перевод П.С. Попова (1937)
стихии (С. 23)	элементы (С. 13)
стремление (С. 30)	пожелательная способность (С. 21)
душевные способности: растительная, ощущение, мышление, движение (С. 43)	душевные способности: питательная (растительная), ощущающая, разумная, движение (С. 40)
ум, мыслительная способность (С. 44)	разум, теоретическая способность (С. 40)
удовольствие, неудовольствие С. 44	радость, печаль (С. 40)
«для зрения - цвет, для слуха – звук, для органа вкуса – вкус» (С. 54)	видение цвета, слышание звука, ощущение вкусового качества (С. 54)
даровиты (С. 62)	талантливы (С. 64)
душа (С. 69)	психическая сторона (С. 74)
способности достижения истины: ощущение, представление, знание, ум (С. 79)	способности достижения истины: ощущение, мнение, знание, разум (С. 90)
отсутствует понятие субъекта (С. 82-83)	субъект (С. 95)
отвлеченный предмет (С. 88)	абстракция (С. 102)
различение (С. 89)	суждение (С. 103)
разумная и неразумная части души (С. 90)	рациональное и нерациональное начала (С. 104)

Задача перед переводчиками стояла достаточно сложная: отразить идеи древнегреческого философа, сохранить специфику древнегреческого мировоззрения и языка и передать ее понятным языком для читателя. К общим для обоих переводов относятся термины, обозначающие наиболее устоявшиеся понятия междисциплинарного характера (душа, познание), психологические процессы (ощущение, представление, мышление,

воображение), эмоциональные и нравственные явления (страх, убеждение, вера), общенаучные термины (число, величина, фигура, движение, покой).

Различия касались тех терминов, которые были обусловлены доминирующей философией и наукой, а также языком и лексикой, которые были разными до и после революции 1917 г. К таковым относятся: душа – психическая сторона (религиозно-философский дискурс сменяется научным и объективным), разумный, неразумный – рациональный, нерациональный (та же причина), удовольствие, неудовольствие – печаль, радость (общепринятым становится обозначать эмоциональные явления через конкретный их вид, а не преобладающий аспект), отсутствие понятия «субъект» – использование понятия «субъект» (в отечественной философии и психологии субъекта стали выделять только в XX в., до этого – сила, субстанция, личность, разум и др.).

Вклад обоих ученых в сохранении и распространении наследия древнегреческого философа, а также признании трактата «О душе» классическим является выдающимся. В.А. Снегирев осуществил первый перевод данного психологического произведения, тем самым заложив основы исторических исследований и переводческой деятельности в области психологии.

3.10. Влияние психологических идей В.А. Снегирева на мыслителей конца XIX-начала XX вв.

По нашему мнению, В.А. Снегирев является одним из тех представителей религиозно-философской (или умозрительной и интроспективной) психологии в России XIX в., которые в своих трудах смогли обобщить многие достижения и проблемы психологической науки того времени перед переходом к эпохе экспериментальной психологии. Можно сказать, что именно благодаря тому «психологическому багажу», который смогли разработать такие ученые, как В.А. Снегирев, отечественная психология и смогла продвинуться дальше в своем развитии. Его идеи, по

нашему мнению, были сформулированы до 1885 г. (судя по архивным данным и неопубликованным лекциям), что означает принадлежность его не к периоду возникновения новой научной психологии в России, а завершению предыдущего периода умозрительной и интроспективной психологии.

Психологические концепции В.А. Снегирева были ответом и решением следующих сложных психологических проблем в отечественной науке: разделение умственных процессов на рассудок и разум – представление мышления как единого процесса, сведение всех чувствований только к удовольствию и неудовольствию – разработка оснований сложных (эстетических, нравственных, религиозных) чувствований, разрозненное представление компонентов волевого процесса – создание концепции составного волевого процесса, представление об абстрактности и множественности человеческого «Я» – представление о едином «Я» человека, которое связывает душевные явления и придает им субъектность.

В данном разделе мы постараемся определить, в работах каких мыслителей прослеживаются психологические идеи В.А. Снегирева. Необходимо сразу отметить, что прямые ссылки на работы и идеи В.А. Снегирева очень редко встречаются, в основном в специальных статьях, посвященных его работам (каковых также было достаточно мало). Поэтому дополнительно мы обозначим тех авторов, у которых встречаются похожие идеи.

Прежде всего, укажем, что непосредственный ученик В.А. Снегирева Виктор Иванович Несмелова (1863-1937) использует работы своего учителя в фундаментальном труде «Науке о человеке» (2000). Анализируя проблему человеческого сознания и душевных явлений, он считает, что характеристика непрерывности сознания была предложена и обоснована В.А. Снегиревым: «Психологи-спиритуалисты не просто лишь могут, а непременно должны признавать непрерывность сознания, – иначе они окажутся в явном противоречии с собою самими. Это положение очень ясно понял и, с своей точки зрения, вполне определенно аргументировал В.А. Снегирев» (Несмелов,

2000, с. 15). Также В.И. Несмелов подчеркивает важность идей В.А. Снегирева в отношении самосознания: «<...> факты сознания и самознания, по своему положению в психической действительности, принадлежат к совершенно различным порядкам. Одно есть первичный факт психической жизни, другое – продукт психического развития. <...> В учении о вторичности самосознания сходятся между собою мыслители самых различных направлений, как, напр., Тэн – Об уме и познании, т. 1, стр. 207-221, и архиеп. Никанор – Позитивная философия, т. III, стр. 80, Милль – Обзор философии Гамильтона, гл. XII, и проф. Снегирев – Психология, стр. 289, 314» (Несмелов, 2000, с. 20). Более того, казанский мыслитель выдвигает обоснованную идею тождества личности и всех личных душевных явлений, несмотря постоянные изменения (Несмелов, 2000, с. 169, 172). В.И. Несмелов видит заслугу В.А. Снегирева и в понимании сущности религии и религиозного чувства, которые опираются на самосознание человека и его представление о Божестве как о безграничной Личности (Несмелов, 2000, с. 237). В процессе возникновения и усложнения самосознания возникает представление о себе как о конечном и ограниченном существе, которое способствует появлению противоположной идеи – о существе бесконечном и всемогущем. В.А. Снегирев полагает, что религиозное чувство и сознание является присущим любому человеку, т.к. развивается из самосознания и составляет естественную часть его, возникает как некоторая необходимая идея при осмыслении себя как существа конечного. Поэтому, религиозность это не страх перед чем-то превосходящим человека, а чувства обожествления, таинственного, высокого, презрения к конечному, благоговения, радости и счастья от полноты жизни и чувство любви к Источнику добра и красоты, к божеству, существу Бесконечному и Совершенному.

Также прямое использование идей В.А. Снегирева находим в работе «Педагогическая психология» (1910) педагога и писателя Петра Андреевича Соколова (1876-?). Прежде всего, он указывает работы В.А. Снегирева в рекомендуемой литературе: его перевод трактата Аристотеля «О душе»

(Исследование о душе, 1885). Далее, как и В.И. Несмелов, он опирается на концепцию В.А. Снегирева о непрерывности сознания и бесконечном потоке явлений в сознании при анализе метода самонаблюдения: «Если быстрота смены душевных состояний (наприм., внутренних образов, или идей) измеряется долями секунды, а при некоторых условиях (напр., в страхе) в секунду, даже в четверть секунды, могут смениться в сознании сотни идей (Снегирев В.), то понятно, что наблюдать собственные состояния, при таком темпе, довольно трудно» (Соколов, 1910, с. 9). П.А. Соколов использует положение казанского психолога о неразрывной связи душевного явления с физиологическим (Соколов, 1910, с. 24). Рассматривая характеристики чувствований, автор говорит о связи различных видов чувств между собой, что было показано В.А. Снегиревым (Соколов, 1910, с. 178); особенно, в разделе чувствований полезны данные об эстетических чувствованиях, которые способствуют взаимодействию между людьми и усилению переживаний (в силу симпатии) (Соколов, 1910, с. 208).

Богослов, профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов (1867-1938) опирается на идею В.А. Снегирева о форме эстетических и нравственных чувствований, содержащих в себе «осложненные» духовные состояния: эстетические чувства представляют собой «гармонию формы с содержанием», что означает, что восприятие гармонических объектов вызывает не просто приятное ощущение, а сложное чувство (например, тихие замирающие звуки, плавные движения и др. вызывают нежность; звуки сильные, фигура атлета – чувство силы и мощи; звуки протяжные, вид красивой развалины – чувство грусти; смех, журчание воды, танец – веселое настроение; полет птиц, движение облаков – чувство свободы) (Попов, 1897, с. 477).

Особенным фактом признания идей В.А. Снегирева можно считать подготовку и чтение целого ряда докладов (14 из 20) в 1900-1902 гг. в Студенческом психологическом обществе при Санкт-Петербургской духовной академии, которые были посвящены психологическим воззрениям

казанского психолога (Алексеевский, 1903, с. 813-814). Среди них были следующие: «Основные элементарные душевные состояния по Снегиреву» (П.А. Чистяков), «Явления познавательной деятельности по Снегиреву» (А.И. Сырцов), «Основные душевные процессы по Снегиреву» (М.Г. Осипов), «Воспроизведение, ассоциирование и творчество по Снегиреву», «Явления сердечной деятельности, или чувствования по Снегиреву» (Е.П. Дьяконов), «Аффекты по воззрениям Снегирева», «Эстетическое чувство по Снегиреву» (Л.И. Софийский), «Религиозное чувство по Снегиреву» (М.В. Сперанский) и др. Этим студенческим психологическим обществом руководил философ, психолог, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Виталий Степанович Серебренников (1862-1942), который, сделал самый обширный обзор учебника «Психология» В.А. Снегирева, выделяя как достоинства, так и недостатки, но обозначив значимость труда в стройности психологической системы и широте используемых идей (объединение метафизической, эмпирической и физиологической психологии): «Психология проф. Снегирева, – будь она издана самим автором, – составляла бы серьезное, живо и с знанием психологической литературы написанное произведение. С выводами этого сочинения можно было бы не соглашаться, но нельзя было бы оставлять его без внимания русским психологам» (Серебренников, 1896, с. 209).

Теперь укажем некоторых крупных мыслителей, которые, вероятно, в некоторой степени, опирались на идеи В.А. Снегирева или развивали похожие мысли. Мы находим ссылки на работы В.А. Снегирева у А.И. Введенского (1856-1925): он указывает его работы в качестве рекомендуемой литературы при изучении психологии в «Лекциях психологии» (1908): в разделе «Общие сочинения по психологии и ее истории» – учебник «Психология» (1893), в разделе «Сочинения, представляющие исторический интерес» – его перевод трактата Аристотеля «О душе» (Исследование о душе, 1885), в разделе «Ощущения и восприятия» – работу «Физиологическое учение о сне и сновидениях» (1886). В отношении идей ученого А.И. Введенский, вероятно,

продолжает дискурс, развиваемый в том числе и В.А. Снегиревым, касательно роли и состава психологии как науки на данном этапе ее развития (начало XX в.), а именно сочетать в себе как экспериментальный, так и метафизический и эмпирический подходы. А.И. Введенский применяет термин «психология с душой» и «психология без души» в отношении этой проблемы: «Если же психология решила воздерживаться от всякого решения (точнее предрешения) вопроса о душе, а заниматься лишь изучением того, что должно быть признано существующим при всякой метафизике, то этим, конечно, еще не упраздняется для психологии право употреблять при изучении душевных явлений, как материализм, т.е. отрицание существования души, так и спиритуализм, т.е. допущение души, в виде рабочих гипотез, причем при одном состоянии науки может оказаться более удобным вспомогательным средством одна из этих гипотез, а при другом – другая» (Введенский, 1908, с. 22). Но психология должна проводить исследования таким образом, чтобы полученные данные могли быть применимы как для метафизиков (тех, кто верит в существовании души), так и для материалистов и физиологов (тех, кто не верит в существование души). Она должна быть психологией, как «без допущения души», так и «без отрицания души» даже в виде рабочей гипотезы (Введенский, 1908, с. 22-23).

Г.И. Челпанов (1862-1936) в «Учебнике психологии» (1915) указывает в рекомендуемой литературе работу В.А. Снегирева «Учение о снах и сновидениях» (1886). Среди схожих идей мы видим положения о свойствах душевных явлений, которые их отличают от физических/материальных явлений: у В.А. Снегирева это сознательность, идеальность, сверхчувствительность, субъективность, неделимость, непространственность; Г.И. Челпанов отмечает схожие свойства: «психические явления не могут быть воспринимаемы и познаваемы через посредство внешних органов чувств» (Челпанов, 1915, с. 3) (у В.А. Снегирева – субъективность и сверхчувствительность), «психические явления непосредственно доступны наблюдению только того лица, которое их переживает» (Челпанов, 1915, с. 4)

(у В.А. Снегирева – субъективность), «психическим явлениям свойства протяженности приписаны быть не могут» (Челпанов, 1915, с. 4) (у В.А. Снегирева – непространственность). Единое представление о тождестве личности или «Я» у человека можно встретить у обоих ученых (необходимо отметить, что данный раздел не часто встречается в работах по психологии): у В.А. Снегирева – несмотря на то, что в «Я» присутствует большое количество и многообразие проявлений, происходят изменения как самих проявлений, так и структура самого «Я» под влиянием различных причин, в основе всех форм «Я» лежит общая идея, единое начало, которое соединяет все формации логически и обуславливает наше ощущение того, что во всем это есть что-то единое, и что переживаем это именно мы в различные периоды жизни и после различных изменений нашего «Я»; у Г.И. Челпанова – «<...> хотя действительно на протяжении многих лет “я” очень изменяется, однако на протяжении немногих лет изменение бывает незначительно, и поэтому одно “я”, делающееся через некоторое время другим “я”, только частью изменяется, частью же сохраняет свое тождество, оно частью отличается, частью сходно» (Челпанов, 1915, с. 200). И в «Избранных главах из психологии» (1899) он пишет: «Что мы в действительности признаем непрерывность и тождество нашего “я” в различные моменты нашей жизни, это между прочим можно доказать существованием в нас т.н. “чувства ответственности”. Если бы я не чувствовал тождества моего сегодняшнего “я” с моим “я” месяц назад, то я не считал бы себя ответственным за свои поступки, совершенные месяц тому назад: но так как я считаю себя ответственным, то это значит, что я признаю свое тождество в различные моменты моей жизни» (Челпанов, 1899, с. 205).

У Л.М. Лопатина (1855-1920) также обнаруживаем сходный подход к свойствам душевных процессов: непротяженность (у В.А. Снегирева – непространственность), качественное разнообразие душевных явлений (В.А. Снегирев формулирует эти положения как идеальность и неделимость душевных явлений как нематериальных, и соответственно, не состоящих и из

«атомов»), неспособных к делению как материальные объекты, но способных изменяться в «идеальном» плане, т.е. своеобразно, соответственно своему качеству), творческий характер психической причинности (у В.А. Снегирева отсутствует подобное), направленное воздействие субъективной оценки на течение психических процессов (у В.А. Снегирева – сознательность), телеологичность или целесообразность психических актов (у В.А. Снегирева – сознательность) (Лопатин, 1903, с. 59, 61-64).

Говоря о месте психологии в составе философских и гуманитарных наук, Л.М. Лопатин придерживается идеи о большой значимости психологии. По его мнению, все наше знание получается и осмысливается нами с помощью субъективного духа. Любой материальный или идеальный объект представляется нам в душевных явлениях: ощущениях, образах, мыслях, чувствованиях и др. Знание об объекте нам дается не напрямую (мы мыслим не объект), а косвенно, через психические феномены (Л.М. Лопатин называет их «символами» или «значками») (Лопатин, 1903, с. 5).

В.А. Снегирев считает, что психология необходима для философского познания, т.к. философские идеи суть субъективные явления мышления;

Наконец, чтобы проследить некоторую актуальность идей В.А. Снегирева для советской психологии, обратим внимание на характеристику С.Л. Рубинштейна: в «Основах общей психологии» (2003) он определяет В.А. Снегирева как приверженца английской эмпирической психологии, но вполне эклектичного, который хочет примирить многие актуальные и ценные направления в психологии конца XIX в. (Рубинштейн, 2003, с. 81).

Можно следующие выводы относительно востребованности психологического наследия В.А. Снегирева следующими поколениями ученых: 1) работы В.А. Снегирева были достаточно мало известны, скорее, только богословам и представителям философской и эмпирической психологии; по нашему мнению, это произошло, в том числе, и потому что фундаментальный труд ученого «Психология» был опубликован только после

его смерти, и когда мыслители ознакомились с его идеями, то отсутствовала возможность полемики с автором, что способствовало забвению его концепций; 2) тем не менее, некоторое количество ученых использовали или развивали схожие с В.А. Снегиревым идеи: интегральный подход в психологии (объединяющий как метафизические, так и материалистические идеи), место психологии в системе философских и гуманитарных наук, свойства душевных явлений, идею о непрерывности сознания, концепцию чувствований, особенности эстетических, нравственных и религиозных чувствований, теорию самосознания личности.

3.11. Значимость психологических взглядов В.А. Снегирева для современной психологии

Ряд психологических концепций В.А. Снегирева может быть актуальным и значимым для современного этапа развития психологического знания. Среди них необходимо отметить методологические идеи в отношении предмета психологии, психологические аспекты нравственности и духовности, психологическая сущность религиозного чувства в трудах казанского ученого.

Сегодня многими авторами отмечаются проблемы методологического характера (Журавлев, Ушаков, 2011; Журавлев, Ушаков, Юревич, 2015; Мазилев, 2017): узость предметного поля психологии, отсутствие единой парадигмы и объяснительной модели, эклектичность и др. По нашему мнению, подход В.А. Снегирева и других представителей философской психологии (С.Л. Франк, С.Н. Трубецкой) может стать основой для разработки нового взгляда на существующие проблемы психологической науки. Среди перспективных идей необходимо обозначить комплексное изучение человеческой психики: не сосредоточение на каком-то одном аспекте (сознание, бессознательное, поведение, познание и др.), а включение всех сторон психики в единое поле психологии, т.к. психика не может быть

сведена/редуцирована к какому-то одному ряду проявлений, а представляет собой широкое многообразие феноменов и процессов. При этом основой для построения теории и практики необходимо опираться, прежде всего, на внутренний мир человека и его переживания. Это предельно выражено в положениях В.А. Снегирева.

Во второй половине XIX в. данная проблема отсутствия единого подхода к душе выражалась в противостоянии спиритуалистической (метафизической), физиологической (материалистической) и эмпирической (феноменалистической) психологии. В.А. Снегирев разрабатывал целостный взгляд на душу человека, согласно которому необходимо объединять все направления исследований, вносящий даже самый скромный вклад в понимании души и душевных явлений. Если придерживаться только какого-то одного взгляда, то происходит редукция к какому-то одному аспекту, оставляя за пределами внимания и изучения важные особенности души. В.А. Снегирев предлагает объединить спиритуалистическую, физиологическую и эмпирическую психологию под общим понятием «Психология», т.к. каждое из этих направлений производит отдельные «крупницы» знания о душе: спиритуализм раскрывает субстанциальность души, физиологизм обнаруживает неразрывную связь души и тела, а эмпиризм с помощью самонаблюдения выявляет конкретные душевные явления. Согласно В.А. Снегирева, именно такова структура психологии: самостоятельное душевное начало (субстанция), конкретные душевные явления и физиологические процессы, которые соответствуют процессам душевным.

Однако В.А. Снегирев по-разному оценивает вклад каждого направления: ведущим он обозначает эмпирическое (опытное), т.к. это направление всего ближе к психологической проблематике – душевным явлениям как опытному содержанию. Не умаляя значимости спиритуализма и физиологизма, он показывает, что, если психология пойдет по пути метафизичности, то из нее получится умозрительная психология (в виде идей

Ф.А. Голубинского, В.П. Кудрявцева-Платонова), а если пути физиологии, то психология будет придатком физиологии (например, «Физиология душевной жизни» Г. Льюиса). Ориентация на опытность в изучении души подкрепляется идеей В.А. Снегирева о том, что любая наука должна начинать изучение своего объекта с самого простого и доступного (как это есть в естественных науках), а уже потом переходить к более сложным явлениям. Таковым простым объектом психологии является содержание души каждого конкретного человека (в частности, самого психолога): первое, где мы находим что-либо психологическое, - это наша души. Поэтому, возможно, научный критерий объективности по-другому выражается в психологии: если мы начинаем изучение души с чего-то объективного (мозг, физиологические процессы), то мы теряем собственно психологические явления. Возможно, это некоторый вариант «субъективной объективности», ведь сама психология – это сугубо субъективная наука. В.А. Снегирев заключает, что в изучении души первично «знание о ней, основанное на внутреннем восприятии и наблюдении» (Снегирев, 2008, с. 68). Эту линию может развивать только эмпирическая психология, которая опирается на метод самонаблюдения.

Также в последние годы актуальной и активно обсуждаемой проблемой является психологическая основа нравственности (М.И. Воловикова, 2005, 2018; В.В. Знаков, 2016, 2018) и роль идеалов личности в ее становлении (К.А. Абульханова, 1999; С.Л. Рубинштейн, 2000). В научном наследии В.А. Снегирева мы можем найти значимые идеи в отношении указанных вопросов. Ученый отмечает, что нравственность и нравственные чувства в человеке не даны ему с рождения, они развиваются в процессе его жизни и приобретения опыта. Важно обозначать нравственные чувства в отношении событий и поступков не как добрые или злые по отношению ко человеку (что было бы редукцией высших нравственных принципов в пользу (удовольствию) и вреду (неудовольствию)), а как соответствующие идеалу, к которому стремится сам человек. Нравственное сознание человека развивается по двум направлениям: индуктивно (наблюдение за действиями

своими и других людей и оценка влияния их на общество) и дедуктивно (приобретая нравственные и духовные постулаты, под которые человек подстраивает свое поведение). Соответственно, подлинно нравственная позиция человека развивается из идеала, который, в свою очередь, связан с формированием самосознания. Наблюдая за окружающим миром, осмысляя его совершенство, человек выводит из этого идею и человеческого совершенства, к которому он и хочет стремиться. Для того чтобы провести психологический анализ нравственности и сформировать принципы ее формирования у человека, необходимо сосредоточивать внимание на развитии самосознания личности, рефлексии, Я-концепции, что будет способствовать возникновению абсолютных идеалов и высших ценностей в противовес прагматизму.

Наряду с нравственными аспектами личности в поле зрения научно-психологического и философского анализа находятся и проблемы духовности и религиозности (А.А. Гостев, 2007; Ю.М. Зенько, 2007, 2018; Г.В. Ожиганова, 2010, 2016; Л.Ф. Шеховцова, 2015). В.А. Снегирев разрабатывает концепцию религиозности, основанной на познании личности самой себя и самоидентичности. В процессе возникновения и усложнения самосознания возникает представление о себе как о конечном и ограниченном существе, которое способствует появлению противоположной идеи – о существе бесконечном и всемогущем. В.А. Снегирев полагает, что религиозное чувство и сознание является присущим любому человеку, т.к. развивается из самосознания и составляет естественную часть его, возникает как некоторая необходимая идея при осмыслении себя как существа конечного. Для формирования религиозного сознания, как и в случае нравственного, необходимо направлять воспитание и обучение в русло самоосознания, Я-концепции, самоидентичности и рефлексивных способностей.

Таким образом, можно сделать вывод, что для современной психологии могут быть перспективными для приложения идеи В.А. Снегирева о методологии психологии, психологических аспектов нравственности и религиозности, развития самосознания личности.

Выводы по главе 3

1. Проведен источниковедческий анализ опубликованных и неопубликованных работ В.А. Снегирева с целью определения значимости произведений для психологии. Наибольшую ценность представляют учебник «Психология» (1893), монография «Учение о сне и сновидениях. Историко-критический очерк» (1886), отдельные статьи «Психология и логика, как философские науки» (1876), «Науки о человеке» (1876), «Метафизика и философия» (1890), перевод «Исследование о душе» (перевод трактата Аристотеля) (1885), неопубликованные лекции (недатированные) ученого, посвященные рассмотрению чувствований и волевых процессов.

2. Осуществлен теоретический анализ психологических концепций В.А. Снегирева. Определены наиболее значимые идеи ученого:

- центральное место психологии в системе наук (именно психология изучает процессы познания человеком окружающего мира и выявляет механизмы постижения истины и разработки научных и философских концепций);

- объединение разнонаправленных тенденций в психологии и разработка комплексного предмета психологии, совмещающего в себе и метафизический, и физиологический, и собственно субъективный компонент (при этом ведущим направлением должна стать субъективная (эмпирическая) психология, которая и является критерием подлинного психологического знания, доступного только внутреннему наблюдению);

- представление познавательных явлений как единого процесса, преодоление разделения ума на рассудок и разума, классификация типов мышления по основанию преобладающей мыслительной функции;

- разработка учения о тождестве и единстве человеческого «Я», описание этапов и факторов развития самосознания личности, выявление индивидуального состава образа «Я»;

- обоснование чувствования как самостоятельного процесса и несведение сложных чувств (нравственного, религиозного) только к удовольствию и неудовольствию, нравственное чувство берет свои истоки из явления идеала, религиозное чувство возникает из самосознания личности;

- представление системы волевых процессов (потребность, желание, мотивы и их оценка, усилие и движение), классификация потребностей, желаний и мотивов;

- разработка программы исследования сна и сновидений (сновидение не является сверхчувственным явлением, а относится к обычному содержанию сознания, отличающемуся лишь слабостью функционирования познавательных, чувственных и волевых процессов) и признание культурно-исторического значения сновидений (важность анализа сновидений для понимания культуры и мировоззрения народов);

- первый в истории российской психологии и философии перевод трактата Аристотеля «О душе» и обозначение древнегреческого философа как автора первого психологического труда.

3. Влияние воззрений В.А. Снегирева на психологическую науку обнаруживается в ссылках на его работы у некоторых ученых в 1890-1910-е гг., а также проявляется в развитии схожих взглядов: интегральный подход в психологии (объединяющий как метафизические, так и материалистические идеи) (А.И. Введенский, Л.М. Лопатин, С.Л. Рубинштейн, В.С. Серебренников, Г.И. Челпанов), место психологии в системе философских и гуманитарных наук (Л.М. Лопатин), свойства душевных явлений (А.И. Введенский, Л.М. Лопатин, П.А. Соколов, Г.И. Челпанов), идею о непрерывности сознания (В.И. Несмелов, П.А. Соколов, Г.И. Челпанов), концепцию чувствований, особенности эстетических, нравственных и религиозных чувствований (В.И. Несмелов, И.В. Попов, П.А. Соколов), теорию самосознания личности (В.И. Несмелов, Г.И. Челпанов).

4. Среди идей, актуальных и перспективных для современности, необходимо обозначить следующие:

- комплексное изучение человеческой психики: не сосредоточение на каком-то одном аспекте (сознание, бессознательное, поведение, познание и др.), а включение всех сторон психики в единое поле психологии, т.к. психика не может быть сведена/редуцирована к какому-то одному ряду проявлений, а представляет собой широкое многообразие феноменов и процессов. При этом основой для построения теории и практики необходимо опираться, прежде всего, на внутренний мир человека и его переживания;

- понимание нравственного чувства как основанного на самосознании человека и возникновении идеалов в течение жизни: нравственность у человека появляется путем выведения ее из совершенства окружающего мира и возникновения идеи совершенства человека, к которому ему необходимо стремиться. На этом пути самосовершенствования и развития человек испытывает чувства долга, совести, справедливости;

- рассмотрение религиозного чувства как развиваемого из осознания человеком себя как конечного существа и создания идеи о существовании Бесконечного и Совершенного, перед которым человек испытывает чувства обожествления, таинственного, высокого, презрения к конечному, благоговения, радости и счастья от полноты жизни и чувство любви к Источнику добра и красоты, к божеству.

Заключение

В данном историко-психологическом исследовании рассматривалась фигура Вениамина Алексеевича Снегирева, казанского психолога, философа и богослова, его биография и психологические взгляды. С использованием архивных материалов, справочной и библиографической информации, научных трудов нами обозначен историко-научный контекст психологии в России в конце XIX в. и определено место В.А. Снегирева в структуре отечественной науки в данный период, описаны основные этапы жизненного и творческого пути ученого, выявлены психологические взгляды, оценен вклад его идей в отечественную психологию конца XIX-начала XX вв. и обозначена значимость его концепция для современного этапа развития психологической науки.

По результатам диссертационного исследования поставленная гипотеза подтвердилась: психологические идеи В.А. Снегирева в области методологии психологии, психологии нравственного и религиозного чувства и духовности являются актуальными на современном этапе развития отечественной психологии.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) психологическое творчество В.А. Снегирева относится к умозрительной и интроспективной психологии в России конца XIX в. Ученый развивает умозрительные (субстанциальность души) и интроспективные (представление познавательных явлений как единого процесса, обоснование чувствования как самостоятельного процесса, представление системы волевых процессов; разработка учения о тождестве и единстве человеческого «Я») психологические идеи. В.А. Снегирев разрабатывает целостный подход к изучению души человека, объединяя метафизические взгляды (субстанциальность и независимость души), физиологические механизмы душевных процессов (строение мозга, органов чувств, особенности

протекания процессов в нервной системе) и эмпирические, внутренне наблюдаемые факты душевной жизни;

2) основные направления психологических исследований В.А. Снегирева: методология психологии, психология познавательных, эмоциональных и волевых процессов, психология личности, психология сновидений, история психологии. Такая широкая научная деятельность ученого показывает комплексность анализа психологической науки;

3) анализ психологических воззрений В.А. Снегирева позволил выявить его наиболее значимые научные идеи: методологическая модель психологических исследований, концепция единства и взаимодействия психических явлений, динамическая теория самосознания личности, теория сложности эмоций, концепция единства и однородности мыслительных процессов;

4) оригинальность и обоснованность идей В.А. Снегирева относительно методологии психологии и рассмотрения психических процессов в качестве «живого», постоянно изменяющегося процесса доказывается сравнением с подобными концепциями в европейской психологической науке (В. Дильтей) и обоснованием значимости его идей актуальным для конца XIX в. проблемам психологии. Среди этих идей: критика применения естественнонаучных взглядов и методов для изучения души; предложение в качестве предмета психологии душа в ее единстве и многообразии, живая связь всех душевных явлений и процессов; применение интроспективного и феноменологического методов для изучения души; признание психологии неотъемлемой частью всех гуманитарных наук, в которых рассматриваются субъективные, психические явления;

5) описание сущности и процесса развития самосознания личности в работах В.А. Снегирева закладывает теоретико-методологический фундамент для дальнейшего развития исследований в области Я-концепции. В.А. Снегирев выделяет три составляющие образа «Я» человека (идея тела, идея внутреннего состояния, идея души и личности) и показывает, как в

онтогенезе из простейших представлений о себе развивается образа разумной личности, стремящейся к реализации своих высших целей и воплощению принципа свободы воли;

6) теория единства и однородности мыслительных процессов В.А. Снегирева и преодоление схоластического/умозрительного разделения на области рассудка и разума демонстрирует переход к эмпирическим исследованиям в области психологии мышления и познавательных процессов в целом. В.А. Снегирев преодолевает разделение мышления на рассудок и разум и предлагает классификацию типов мышления по основанию преобладающей мыслительной функции (восприятие, представление, отождествление и различие (понятие и суждение), умозаключение, сознание соответствия между внутренними идеями и внешними предметами, объяснение и оценка идей);

7) психологическая сущность духовности в концепции В.А. Снегирева заключается в признании субстанциональности души, определения самосознания источником становления личности, реализации свободы воли и развития нравственного и религиозного сознания;

8) историко-психологическая деятельность В.А. Снегирева выразилась в историческом очерке психологических и философских концепций сновидений и в переводе трактата Аристотеля «О душе»;

9) идеи В.А. Снегирева о необходимости комплексного отображения и изучения психики в ее «живом» и непосредственном воплощении оказались восприняты представителями отечественной религиозной и философской психологии (А.И. Введенский, Л.М. Лопатин, В.И. Несмелов и др.) и признавались советскими психологами (С.Л. Рубинштейн, Г.И. Челпанов), которые рассматривали психику шире, чем только содержание сознания и поведенческие и физиологические проявления. Данные идеи имеют перспективу использования на современном этапе развития психологической науки;

10) результаты исследования психологических воззрений В.А. Снегирева могут быть использованы для составления исследовательских программ в рамках изучения истоков советских и современных психологических подходов к методологии психологии, психологии личности, психологии сновидений, истории психологии, психологии познавательных эмоциональных и волевых процессов, а также в учебно-педагогической практике при составлении курса лекций и семинарских занятий по методологии психологии, истории психологии, психологии личности.

Список литературы

1. [Дудышкин С.С.] редакция журнала «Отечественные записки» // Отечественные записки. 1861. № 8. Отд. III. С. 40-57.
2. 24 октября 2010 года исполнилось 115 лет со дня кончины смотрителя Нижегородского Печерского Духовного училища Елпидифора Антоновича Садовского. URL: <http://www.pecherskiy.nne.ru/text/chronicle/537/> (Дата обращения: 09.01.2019)
3. Абашник В.А., Стоюхина Н.Ю. Зеленогорский Федор Александрович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. 2016. №2. С. 18-22.
4. Абрамов А.И. Юркевич Памфил Данилович // Русская философия: Энциклопедия / М.А. Маслин, общ. ред. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, сост. М., 2014. С. 810.
5. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 224 с.
6. Авдеев Д. О русском психологе профессоре В.А. Снегиреве // Вестник «В помощь страждущей душе», 2012. URL: <http://www.daavdeev.ru/stati-i-intervyu/o-russkom-psixologe-professore-v.a.snegireve.html> (Дата обращения: 09.01.2019)
7. Авсенов П.С. Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.
8. Агальцев А.М. Аристотель о природе общения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-1. С. 39-42.
9. Алексеевский А. Студенческое психологическое общество при С.П.Б. Духовной Академии // Христианское чтение. 1903. № 5. С. 811-815.

10. Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: Госполитиздат, 1947. 168 с.
11. Аншакова В.В. Проблема личности в экспериментальном, эмпирическом и духовно-нравственном направлениях отечественной психологической мысли в конце XIX - начале XX столетий: диссертация на соискание степени доктора психологических наук. Астрахань, 2005. 365 с.
12. Аншакова В.В. Проблема личности и ее проявлений в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX столетий // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 79-93.
13. Аристотель. Афинское государственное устройство / Пер. Н.Я. Шубина. СПб., 1891. 52 с.
14. Аристотель. Евдемова этика. В 8 книгах / Отв. ред. М.А. Солопова. М.: Российская академия наук, Институт философии, 2005. 445 с.
15. Аристотель. История и обзор афинского государственного устройства. На греч. и рус. яз. / Пер. и изд. А. Ловягина. СПб., 1895. 143 с.
16. Аристотель. Метафизика. Кн. I-V / Пер. П. Первова и В. Розанова. СПб., 1895. Вып. I. 193 с.
17. Аристотель. О памяти и припоминании // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века: исследования и переводы/ Ред.: П. П. Гайденко и В. В. Петров. М., 2005. С. 407-419.
18. Аристотель. О предсказаниях во сне // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М. С. Петровой. М.: Институт всеобщей истории РАН, Центр интеллектуальной истории, Институт философии РАН, Центр античной и средневековой философии и науки, 2010. С. 169-175.
19. Аристотель. Об истолковании / Пер. Э. Л. Радлова. СПб., 1891. 48 с.
20. Аристотель. Политика / Пер. Н. Скворцова. М., 1865. 369 с.
21. Аристотель. Политика / Пер. Н. Скворцова. М., 1893. 333 с.
22. Аристотель. Политика / Пер., предисл., примеч. и прилож. С.А. Жебелева. СПб., 1911. 466 с.

23. Аристотель. Поэтика / Пер. Захарова. М., 1885. 157 с.
24. Аристотель. Поэтика; Риторика; О душе / Пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова; Вступ. ст. и коммент. С. Трохачева. М.: Мир книги, Литература, 2009. 400 с.
25. Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой. СПб., 1894. 204 с.
26. Аристотель. Этика / Пер. Э. Радлова. СПб., 1908. 207 с.
27. Артемьева О.А. Отечественная психология на переломе: уровневая субъектная концепция социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 382 с.
28. Артемьева О.А. Социальная биография русской духовной психологии (историко-психологический анализ) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 1 8. (20). С. 153-169.
29. Архимандрит Гавриил. История философии. Часть 6. Казань, 1840. 158 с.
30. Асадуллаев И.К. Аристотель, Авиценна (Ибн Сина) и Гегель у истоков новых категорий невосполненности и восполнения // Политика и общество. 2010. № 7. С. 74-79.
31. Аскоченский В. История Киевской духовной академии. СПб., 1863. 282 с.
32. Базылевич Т.Ф. Дифференциальная психология. М.: ИНФРА-М, 2015. 224 с.
33. Базылевич Т.Ф. Психология высших достижений личности (психоакмеология). М.: ИНФРА-М, 2013. 331 с.
34. Батыршина А.Р. История психологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с.
35. Батыршина А.Р., Мазилев В.А. Историко-психологический анализ понятия воли (по материалам русских учебников психологии конца XVIII - начала XX в.) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 144-151.
36. Байгужинова О.А., Белобрыкина О.А. Роль истории русской психологии в гражданско-патриотическом воспитании личности в условиях современного профессионального образования (на материале работ Н.Я.

- Грота) // Актуальные проблемы психологического знания. 2013. № 3 (28). С. 39-48.
37. Бекжанова Е.С. Самопознание и творчество в философско-психологической концепции В.А. Снегирева // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 3. С. 127-134.
 38. Белов А.В. В.А. Снегирев о природе человеческого знания (175 лет со дня рождения мыслителя) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5 (96). С. 10-13.
 39. Бескова И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ). М., 2005. 239 с.
 40. Богданчиков С.А. Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152-160.
 41. Большакова В.В. Очерки истории русской психологии. Часть 2. Русский волюнтаризм: М.И. Владиславлев. Нижний Новгород: Изд-ва Волго-Вятской академии государственной службы, 1997. 146 с.
 42. Большой психологический словарь / под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. СПб: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2006. 672 с.
 43. Бондаренко В.В. Метафизика антропологического концепта в работе В.А. Снегирева «Спиритизм как философско-религиозная доктрина» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 1-2 (76-77). С. 72-79.
 44. Бондаренко В.В. Проблема самосознания, как условия экзистенциального тождества личности, в философии Вениамина Алексеевича Снегирева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2017. № 11-12. С. 56-62.
 45. Будилова Е.А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. 348 с.
 46. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.

47. Бэн А. Психология. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1881. 426 с.
48. Васильев В.В. Философская психология в эпоху Просвещения. М.: Канон+, 2010. 519 с.
49. Введенский А.И. Лекции психологии / [Соч.] проф. СПб. ун-та А.И. Введенского. СПб.: Тип. В. Безобразов и К°, 1908. 284, 168, 71 с.
50. Вержболович М. Обзор главнейших направлений русской психологии // Вера и разум. 1895. Т. 2. Ч. I. С. 455–487.
51. Веселова Е.К. Роль онтологической идентичности в духовном развитии личности // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки». СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. С. 37–41.
52. Веселова Е.К. Совесть как психологический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 4. С. 127–135.
53. Воловикова М.И. Нравственная психология: современное состояние и перспективы исследований // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 2 (10). С. 6–29.
54. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: Институт психологии РАН, 2005. 332 с.
55. Гаврюшин Н.К. Антропология в свете гносеологии: В.А. Снегирев и В.И. Несмелов // Русское богословие. Очерки и портреты. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2011. С. 284–295.
56. Гиляревский А. Пособие к изучению психологии. М., 1888. с. 218–227.
57. Гобчанский И. Опытная психология. В двух частях. СПб., 1901. с. 245–255.

58. Гогоцкий С.С. Программа психологии (Из психологических лекций в Университете св. Владимира). В 2 т. Вып. 1. Киев: Унив. тип., 1880. 129 с.
59. Гогоцкий С.С. Программа психологии (Из психологических лекций в Университете св. Владимира). В 2 т. Вып. 2. Киев: Унив. тип., 1881. 107 с.
60. Голубинский Ф.А. Лекции по философии и умозрительной психологии. СПб: Тропа Троянова, 2006. 464 с.
61. Голубинский Ф.А. Лекции философии. Т. 4. М., 1884. 204 с.
62. Голубинский Ф.А. Лекции философии: Метафизическая психология. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1898. 144 с.
63. Голубинский Ф.А. Умозрительная психология. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1871. 142 с.
64. Гостев А.А. О проблемах становления религиозно ориентированного психологического знания // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. Т. 4. № 4. С. 35-45.
65. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ) Ф. 10 Оп. 1. Д. 6417а. Л. 1.
66. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6243. Л. 10.
67. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6427. ЛЛ. 41,42, 43.
68. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6431.
69. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6572. Л. 3.
70. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6861. Л.7.
71. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7137. ЛЛ. 3–3 об.
72. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 7504.
73. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8100. Л. 5.
74. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8426. Л.1.
75. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 993а. Лекции по психологии проф. В.А. Снегирева.
76. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 994а. Лекции по психологии проф. В.А. Снегирева.
77. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 5554. Л. 3.

78. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 5692.
79. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 5808.
80. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6024.
81. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6070.
82. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6304.
83. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6356.
84. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6388.
85. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6616.
86. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6761.
87. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 6920.
88. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 7047.
89. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 7105.
90. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 7349.
91. ГАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 7492.
92. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО) г. Балахна. Ф. 570. Оп. 559б. Д. 1130. Л. 1023об.
93. Грот Н.Я. О душе в связи с современными учениями о силе. Опыт философского построения. Одесса: тип. "Одес. вестн.", 1886. 92 с.
94. Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1879-1880. 569 с.
95. Грот Н. Я. Сновидения как предмет научного анализа. Киев, 1878. 68 с.
96. Гусельцева М.С. Проблема периодизации истории отечественного психологического знания // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 29. С. 11.
97. Дворецкая М.Я. Психологическое учение о человеке в трудах В. А. Снегирева и В. И. Несмелова // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 208-й годовщине психологической подготовки педагогов и 80-летию кафедры психологии РГПУ им. А.И. Герцена «Психологическая подготовка педагога в России:

- история и современность». СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2006. С. 35-41.
98. Дворецкая М.Я., Турина А.О. Психология нравственного развития человека в трудах В.А. Снегирева // Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции «Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки». СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2017. С. 112-117.
99. Дебольский Н.Г. Введение в учение о познании. СПб., 1870. 224 с.
100. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., ред. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
101. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 632 с.
102. Джеймс У. Психология. СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1896. 408 с.
103. Дильтей В. Описательная психология. М.: Современный гуманитарный университет: ООО «МБА-Сервис», 2001. 138 с.
104. Думитрашков К. Сны с библейской точки зрения // Воскресное чтение. №2. 1873. С. 193-198, 243-248.
105. Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Академический проект, 2004. 576 с.
106. Ждан А.Н. Развитие взглядов на предмет психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 1. С. 8-22.
107. Журавлев А.Л. Развитие методологических и теоретических исследований в Институте психологии РАН // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 75-80.
108. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5-16.

109. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В., Юревич А.В. Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия) // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 7-17.
110. Задорожнюк И.Е. Сидонский Федор Федорович // Русская философия: Энциклопедия / М.А. Маслин, общ. ред. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, сост. М., 2014. С. 561.
111. Загоскин Н.П. Деятели императорского Казанского Университета 1805 г.- 1900 г. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900. 186 с.
112. Зенько Ю.М. Основы христианской антропологии и психологии. СПб.: Речь, 2007. 912 с.
113. Зенько Ю. М. Психология религии: СПб.: Центр христианской психологии и антропологии, 2018. 693 с.
114. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 104-114.
115. Знаков В.В. Новые тенденции в исследовании психологии духовности // Вопросы психологии. 2018. № 4. С. 20-32.
116. Зубов В.П. Аристотель. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 368 с.
117. Иванов Д.В. Эссенциальное течение в российской психологии (конец XIX - начало XX столетия) // Сибирский психологический журнал. 2006. № 24. С. 109-116.
118. Ивановский В.Н. Рец. На учебник «Психология» // Вопросы философии и психологии. Книга 19 (4). – 1893. – С. 89-94.
119. Из истории русской психологии / Под ред. М.В. Соколова. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 439 с. С. 358-438.
120. Казанский А.П. Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891. (перевод 51-го отрывка). 420 с.
121. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Наука, 2008. 606 с.

122. Карпов В.Н. Введение в философию. СПб, 1840. 136 с.
123. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 352 с.
124. Катков М.Н. Старые боги и новые боги // Русский Вестник. 1861. Т. 31. № 2. С. 891-904.
125. Катунин А.В. Когнитивное бессознательное: некоторые аспекты неосознаваемого познания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 3 (41). С. 111-119.
126. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Институт психологии РАН, 2008. 512 с.
127. Кольцова В.А. Вклад А.И. Галича в разработку целостного подхода к человеку // Материалы I Всероссийской научной конференции по психологии Российского психологического общества «Психология сегодня». М.: Российское психологическое общество, 1996. С. 222.
128. Кольцова В.А. К 100-летию лаборатории экспериментальной психологии В. М. Бехтерева в Казани // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 2. С. 9-18.
129. Кольцова В.А. Психология в России начала XX века (предреволюционный период) // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 1997. 576 с. С. 10-48.
130. Кольцова В.А. Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 2. С. 6-18.
131. Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Институт психологии, 2004. 413 с.
132. Кольцова В.А., Холондович Е.Н. Гениальность: психолого-историческое исследование // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 101-118.

133. Кондратьев М.Ю. Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2007. Т. 4. №. 2. С. 65-73.
134. Коцюба В.И. Лекции протоиерея Феодора Голубинского как предмет историко-философского анализа // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 5 (49). С. 43-59.
135. Кудрявцев-Платонов В.Д. Состав философии // Сочинения. Т.1. Вып.1. Сергиев Посад, 1905. С. 1-260.
136. Кутневич В.И. Вступительная лекция по философии // Прибавления к Творениям Святых Отцов. 1864. Ч.23. Кн.5. С. 635-646.
137. Лавров П.Л. Очерки вопросов практической философии. СПб.: тип. И.И. Глазунова и К, 1860. 94 с.
138. Левченко Е.В. История и теория психологии отношений / Отв. ред. А.А. Крылов. СПб.: Алетейя, 2003. 312 с.
139. Левченко Е.В. История интроспекции в России (конец XIX-начало XX вв.) // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 2. С. 54-67.
140. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2 / Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И. С. Нарский. М.: Мысль, 1983. 686 с.
141. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. I / Ред.: И. С. Нарский, А. Л. Субботин; Ред. I т., авт. вступит, статьи и примеч. И. С. Нарский; Пер. с англ. А. Н. Савина. М.: Мысль, 1985. 621 с.
142. Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 2005. 392 с.
143. Лопатин Л.М. Курс психологии: Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Императорского московского университета и на Высших женских курсах в 1903-1904 ак. году / Проф. Л.М. Лопатин. М.: типолитограф. Ю. Венер, 1903. 230 с.

144. Мазиллов В.А. Актуальные методологические проблемы современной отечественной истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. С. 202-210.
145. Мазиллов В.А. История психологии и философия психологии (о некоторых актуальных методологических проблемах современной истории психологии) // Ярославский психологический вестник. Вып. 29. Москва-Ярославль 2014. С. 10-16.
146. Мазиллов В.А. Методологические проблемы исследования в истории психологии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. С. 91-97.
147. Мазиллов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: ЯГПУ, 2017. 419 с.
148. Мазиллов В.А. Проблемы сознания в работах С.Н. Трубецкого // Психология сознания: современное состояние и перспективы: Материалы I Всероссийской конференции 29 июня – 1 июля 2007 г., Самара. Самара: Изд-во Научно-технический центр, 2007. С. 109-111.
149. Мазиллов В.А. Русская православная философия, философская психология и методологические проблемы современной психологии // Ребенок и пространство: Семь шагов к истине / Под ред. В.В.Козлова. М.: МАПН, 1996. С. 58-71.
150. Мазиллов В.А. Теория и метод в психологии. Ярославль: МАПН, 1998. 356 с.
151. Мазиллов В.А., Слепко Ю.Н. История психологии: учебно-методический комплекс дисциплины. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. 291 с.
152. Манчестер Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое Литературное Обозрение, 2015. 439 с.
153. Марцинковская Т.Д. История психологии. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 544 с.
154. Мачкарина О.Д. Проблема субъективности в философии Ф.А. Голубинского: критическое восприятие идей И. Канта // Вестник

- Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14. № 1. С. 161-169.
155. Мехтиханова Н.Н. История отечественной психологии конца XIX – начала XX в. М.: ФЛИНТА: НОУ ВПО «МПСИ», 2010. 192 с.
156. Милославский П.А. Основания философии как специальной науки. Казань, 1883.
157. Мутсопулос Э. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 128-136.
158. Новицкий О.М. Руководство к опытной психологии. Киев: Унив. тип., 1840. 489 с.
159. Несмелов В.И. Наука о человеке. СПб., 2000. В 2-х т. Казань: Центр. типогр., 1898-1906.
160. Несмелов В.И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.
161. Оболенский Л.Е. Развитие чувствований и опыт их новой классификации: Психо-физиологический этюд. СПб.: журнал "Рус. богатство", 1884. 82 с.
162. Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 1 Введение. Книга 1 / Ред.-сост.: Ю.Б. Дормашев, С. А. Капустин, В. В. Петухов. М.: Когито-Центр, 2013. 640 с.
163. Ожиганова Г.В. Духовные способности как ресурс жизнедеятельности. М.: Институт психологии РАН, 2016. 282 с.
164. Ожиганова Г.В. Психологические аспекты духовности. Часть II. Духовные способности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 39-53.
165. Окс Б.А. Физиология сна и сновидений: Исслед. д-ра мед. Бориса Окса. Одесса : тип. П. Францова, 1880. 119 с.
166. Олейник Ю.Н. История психологии как история научных проблем: проблемологический подход // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 1. С. 20-40.

167. Олейник Ю.Н. Периодизация истории психологии: проблемы и перспективы // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. № 2. С. 25-32.
168. Оршанский И.Г. Сон и бодрствование с точки зрения ритма. СПб., 1878. 191 с.
169. Оршанский И. Современное психологическое движение // Русская мысль. 1899. Кн. I. С. 1-15; Кн. II. С. 1-21.
170. Печеранский И.П. Единство религиозной веры и положительного знания в «Психологии живой личности» В. Снегирева // Религиоведение. 2013. №4. С. 93-100.
171. Поварнин М.И. К вопросу о влиянии сна на мышечную силу человека: Дис. на степ. д-ра мед. Михаила Поварнина. Санкт-Петербург: тип. Деклерона и Евдокимова, 1883. 41 с.
172. Поддьяков Н.Н. Новые подходы к исследованию мышления дошкольников // Вопросы психологии. 1985. № 2. С. 105-117.
173. Поддьяков Н.Н. Психическое развитие и саморазвитие ребенка от рождения до 6 лет: Новый взгляд на дошкольное детство. СПб.: Речь, 2010. 143 с.
174. Пономарев Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1980. 277 с.
175. Попов И.В. Естественный нравственный закон: Психологические основы нравственности. Сергиев Посад: 2 тип. А.И. Снегиревой, 1897. VIII, XIX, 597 с.
176. Психологический словарь / Под общей науч. ред. П.С. Гуревича. М.: ОЛМА Медиа Групп, ОЛМА ПРЕСС Образование, 2007. 800 с.
177. Психологический словарь / Р.С. Немов. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.
178. Психология. Систематический курс чтений по психологии профессора Казанской духовной академии В.А. Снегирева. Харьков, 1893 Стр. 700 +

- XXV // Журнал Министерства народного просвещения. 1893. Т. 287. Май. С. 287-288.
179. Росинский В. Психология в России // Вестник знания. 1908. № 4. С. 562-566.
180. Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 2 [Пилотный]: психологические науки: XIX – первая половина XX в. / Авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 124 с.
181. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2003. 713 с.
182. Свенцицкий А.Л. Краткий психологический словарь. М.: Проспект, 2011. 512 с.
183. Светлов П. Пророческие, или вещие сны. Апологетическое исследование в области Библейской психологии. Киев, 1892. 214 с.
184. Семенова А.И. Наследие П.С. Попова – профессора Московского государственного университета. Историко-философский анализ. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. философ. наук. М., 2009. 29 с.
185. Семенова А.И. Попов Павел Сергеевич // Русская философия: Энциклопедия / Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 490-491.
186. Серебренников В.С. Вениамин Снегирев. Психология // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Т. 306. Июль. С. 191-209.
187. Серебряков Ф.Ф. Философское образование и философская мысль в Казанском университете: учеб. пособие. Казань: Казан. гос. ун-т., 2009. 146 с.
188. Серова О.Е. Идеал как образ совершенства духовной природы человека: содержательные и методологические аспекты исследования // Вопросы истории, теории и методологии современных психологических исследований: к 125-летию со дня рождения Алексея Федоровича Лосева

историко-психологический альманах. М.: Общество с ограниченной ответственностью "ОнтоПринт", 2018. С. 160-197.

189. Сидонский Ф.Ф. Введение в науку философии. СПб., 1833. 398 с.
190. Сироткина И.Е., Смит Р. История психологии в России: краткий обзор с авторскими акцентами // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 9. № 1. С. 5-39.
191. Снегирев В.А. Вера в сны и снотолкование. Казань, 1874. 41 с.
192. Снегирев В.А. Науки о человеке // Православный собеседник. 1876. т. III. С. 62-89.
193. Снегирев В.А. Науки о человеке // Труды Нижегородской Духовной семинарии. 2017. № 15 (15). С. 217-242.
194. Снегирев В.А. О природе человеческого знания и отношении его к бытию объективному // Вера и Разум. 1890. Т.2. Ч.1. С. 340-362;
195. Снегирев В.А. О природе человеческого знания и отношении его к бытию объективному // Вера и Разум. 1890. Т.2. Ч.2. С. 437-454.
196. Снегирев В.А. О природе человеческого знания и отношении его к бытию объективному // Вера и Разум. 1891. Т.2. Ч.1. С. 198-212.
197. Снегирев В.А. Психология. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. 768 с.
198. Снегирев В.А. Психология: Сист. курс чтений по психологии э. проф. Казан. духов. акад. В.А. Снегирева. Харьков: тип. А. Дарре, 1893. XXVI, 700 с.
199. Снегирев В.А. Психология и логика, как философские науки // Православный собеседник. 1876. т. II. С. 427-451.
200. Снегирев В.А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1875. Т. 3. С. 208-226.
201. Снегирев В.А. Сон и сновидения // Православный собеседник. 1876. Т. 2. С. 57, 136; Т. 3. С. 321.
202. Снегирев В.А. Спиритизм, как философско-религиозная доктрина // Православный собеседник. 1871. Т. 1. С. 12, 279; Т. 3. С. 9, 142, 282.

203. Снегирев В.А. Субстанциальность человеческой души; Самосознание и личность. СПб.: О-во памяти игумении Таисии, 2015. 79 с.
204. Снегирев В.А. Учение о лице Господа Иисуса Христа в трех первых веках христианства // Православный собеседник. Приложение. 1870. 71 с.
205. Снегирев В.А. Физиологическое учение о сне и сновидениях // Православный собеседник. 1882. Т. 2. С. 36, 117.
206. Снегирев В.А. Физиологическое учение о сне и сновидениях // Православный собеседник. 1884. Т. 1. С. 266-309.
207. Соколов П.А. Педагогическая психология. Петроград: Изд. Я. Башмакова и К, 1910. 314 с.
208. Солопова М.А. Аристотель на Востоке, на Западе и в России // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 2. № 4. С. 22-31.
209. Солопова М.А. О душе // Античная философия: Энциклопедический словарь. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 523-526.
210. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.). Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2013. С. 73-79.
211. Стоюхина Н.Ю. Религиозно-философская психология в творчестве Н.М. Боголюбова // Психологическая наука и образование www.psyedu.ru. 2014. № 1. С. 198-208.
212. Стоюхина Н.Ю. Религиозно-философский психолог М. С. Григоревский и педагогическая психология // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 15. С. 2501-2505.
213. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Четвериков Иван Пименович: данные биографии #1 // История российской психологии в лицах: дайджест. 2016. № 4. С. 34-50.
214. Стоянов Ю.А. Гносеологические воззрения В.А. Снегирева // Вече. Альманах русской философии и культуры. 2004. № 16. С. 279–286.

215. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы: вторая половина XIX века. М.: Православный Св.-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 656 с.
216. Сырцов А. Учение проф. Снегирева о происхождении общих представлений и понятий // Христианское чтение. 1911. № 11. С. 783-792.
217. Терновский С. А. Историческая записка о состоянии Казанской Духовной Академии после ее преобразования (1870-1892). Казань: Типолит. имп. ун-та. 1892. 652 с.
218. Тихонова Э.В. Михаил Иванович Владиславлев - основоположник системы философского и психологического образования в Санкт-Петербургском университете // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2 (22). С. 194-205.
219. Тихонова Э.В. Проблема «Чужого Я» в русской философско-психологической мысли конца XIX - начала XX вв.: к истории научной полемики // Вече. 2010. № 21. С. 82-94.
220. Троицкий М.М. Наука о духе: Общие свойства и законы человеческого духа. В 2 т. Т. 1. М.: Н.А. Абрикосов, 1882. 344 с.
221. Троицкий М.М. Наука о духе: Общие свойства и законы человеческого духа. В 2 т. Т. 2. М.: Н.А. Абрикосов, 1882а. 320 с.
222. Тюлин М.Ю. Методология и история проблемы самосознания в психологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 4. С. 44-62.
223. Ушаков Д.В. Структура и динамика интеллектуальных способностей: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. М.: Институт психологии РАН, 2004. 370 с.
224. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика, 2001. 719 с.
225. Фохт Б.А., Солопова М.А. Lexicon Aristotelicum: краткий лексикон важнейших философских терминов, встречающихся в произведениях Аристотеля // Историко-философский ежегодник. 1999. № 1997. С. 41-74.

226. Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2001. 400 с.
227. Холондович Е.Н. Комплексный метод изучения исторических персоналий // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 214-216.
228. Холондович Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М.: Московский гуманитарный университет, 2010. 260 с.
229. Цвык И.В. Духовно-академическая философия в России XIX в.: диссертация на соискание ученой степени канд. филос. наук. М.: РУДН, 2002. 332 с.
230. Цвык И.В. Снегирев Вениамин Алексеевич / Русская философия: Энциклопедия // Под. общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. 832 с. С. 578.
231. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 567. Оп. 1. Д. 50. Л. 77.
232. Чанышев А.Н. Аристотель. М.: Мысль, 1987. 221 с.
233. Челпанов Г.И. Избранные главы из психологии: (Критика материализма в психологии). Вып. 2. Критика материализма и очерк современных учений о душе: Курс публ. лекций, чит. проф. Г.И. Челпановым в весеннем полугодии 1899 г. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1899. 218 с.
234. Челпанов Г.И. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). М.; СПб.: т-во «В.В. Думнов, насл. бр. Салаевых», 1915. 224 с.
235. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860. № 4. С. 329-366.
236. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Современник. 1860а. № 5. С. 1-46.
237. Чернышевский Н.Г. Полемические красоты. Коллекция первая. Красоты, собранные из «Русского вестника» // Современник. 1861. № 5. С. 447-478.

238. Чернышевский Н.Г. Полемические красоты. Коллекция вторая. Красоты, собранные из «Отечественных записок» // Современник. 1861а. № 7. С. 133-180.
239. Шадриков В.Д. Мысль как предмет психологического исследования // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 130-137.
240. Шадриков В.Д., Мазилев В.А. Общая психология. М.: Издательство Юрайт, 2015. 411 с.
241. Шеховцова Л.Ф. Концепция личности в православной психологии. СПб., 2015. 153 с.
242. Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Психология в духовных школах России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eopp.spb.ru/mlibrary/65-psikhologiya-v-dukhovnykh-shkolakh-rossii> (Дата обращения: 09.01.2019)
243. Шеховцова Л.Ф., Зенько Ю.М. Элементы православной психологии. М.: Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2012. 248 с.
244. Щедрина Т.Г. Павел Сергеевич Попов как историк философии // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 150-153.
245. Энциклопедический словарь. Дополнительный Т. 2а: Пруссия-Фома / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1907. С. 481-ХСVIII.
246. Энциклопедический словарь. Т. 26: Рабочая книжка – Резолюция / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1899. 480 с.
247. Энциклопедический словарь. Т. 28а: Саварни – Сахарон / под ред. К.К. Арсеньева и проф. Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1900. С. 25-496.
248. Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. I / Пер. с англ. С. И. Церетели и др.; Вступ. ст. А. Ф. Грязнова; Примеч. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1996. 733 с.
249. Юревич А.В. Психология и методология. М.: Институт психологии РАН, 2005. 312 с.

250. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Труды Киевской духовной академии. 1860. Т. 4. С. 367-511.
251. Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990. 669 с.
252. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX в. М., 1996. 416 с.
253. A history of Russian thought / Leatherbarrow W., Offord D. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 466 p.
254. Aizlewood R. Revisiting Russian identity in Russian thought: From Chaadaev to the early twentieth century // The Slavonic and East European Review. 2000. P. 20-43.
255. Bakhurst D. J. Philosophy in Russia: From Herzen to Lenin and Berdyaev // Philosophical Books. 1987. Vol. 28. № 4. P. 213-216.
256. Barabanov E. V. Russian philosophy and the crisis of identity // Russian Studies in Philosophy. 1992. Vol. 31. № 2. P. 24-51.
257. Čipkár J. Self-subsistence of Russian Philosophy // Filozofia 2007. № 4. P. 282-297.
258. Copleston F. C. Russian religious philosophy: selected aspects. Tunbridge Wells: Search Press, 1988. 158 p.
259. Dmitrieva N. A. Back to Kant, or Forward to Enlightenment: The Particularities and Issues of Russian Neo-Kantianism // Russian Studies in Philosophy. 2016. Vol. 54. № 5. P. 378-394.
260. Dahm H. Russian philosophy: Traditional and contemporary accounts // Studies in Soviet Thought. 1981. Vol. 22. № 3. P. 165-173.
261. Frede V. Doubt, atheism, and the nineteenth-century Russian intelligentsia. Madison: University of Wisconsin Press, 2011. 300 p.
262. Joravsky D. Russian psychology: a critical history. Oxford: Blackwell, 1989. 583 p.
263. Nethercott F. Russia's Plato: Plato and the Platonic Tradition in Russian Education, Science, and Ideology (1840-1930). Farnham: Ashgate Publishing, 2000. 233 p.

264. *On the Verge: Russian thought between the nineteenth and the twentieth centuries* / Björling F. (ed.). Lund: Lund University, 2001. 166 p.
265. *Russian Philosophy. Vol. 1: The Beginnings of Russian Philosophy. The Slavophiles. The Westernizers* / Edie J. M., Scanlan J. P., Zeldin M. B., Kline G.L. (ed.). Knoxville: The University of Tennessee Press, 1976. 456 p.
266. *Russian Philosophy. Vol. 2: The Nihilists. The Populists. Critics of Religion and Culture* / Edie J. M., Scanlan J. P., Zeldin M. B., Kline G.L. (ed.). Knoxville: The University of Tennessee Press, 1976. 334 p.
267. *Russian Philosophy. Vol. 3: Pre-revolutionary philosophy and theology. Philosophers in exile. Marxists and Communists* / Edie J. M., Scanlan J. P., Zeldin M. B., Kline G.L. (ed.). Knoxville: The University of Tennessee Press, 1976. 542 p.
268. Simmons E. J. et al. (ed.). *Continuity and Change in Russian and Soviet Thought*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1955. 563 p.
269. Sirotkina I. *Diagnosing literary genius: a cultural history of psychiatry in Russia, 1880-1930*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 2002. 269 p.
270. Sirotkina I., Smith R. *Russian Federation* // *The Oxford Handbook of the History of Psychology: Global Perspectives* / D. Baker (ed.). N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 412-442.
271. Stöckl K. *Modernity and its critique in 20th century Russian orthodox thought* // *Studies in East European Thought*. 2006. T. 58. №. 4. P. 243-269.
272. Walicki A. *A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism*. Stanford: Stanford University Press, 1979. 476 p.
273. Walicki A., Kozak J. *The Flow of Ideas: Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2015. 876 p.